

Восточный архив

№2 (52), 2025

«Восточный архив» издаётся Институтом востоковедения РАН с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
А.Д. Васильев

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Вёрстка

Д.В. Татнинов

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Журнал на сайте Института востоковедения РАН: <https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv>

Адрес редакции:

103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 139.
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

© Авторы, 2025

© Институт востоковедения РАН, 2025

Подписано в печать 15.09.2025

Объем 13,5 п.л. Тираж 80 экз.

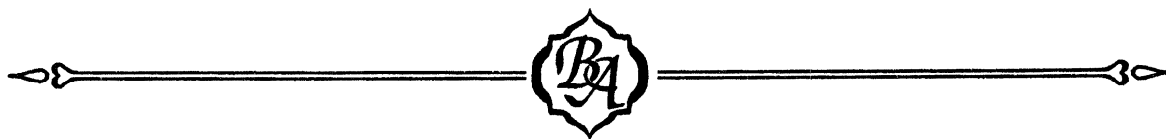
Отпечатано в изд-ве «Пробел-2000»

109544. Москва, Рабочая ул., 91

Цена в розницу договорная

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Кадырбаев А.Ш. Начало жизненного пути будущего адмирала Российской империи Е.В. Путятин	4
Гоков О.А. Члены Кавказского отдела Императорского Русского географического общества: состав и динамика (1851–1915)	7
Шмидт В. Региональная пресса кайзеровской Германии о положении армянского населения в Османской империи	24
Гоков О.А. Трагедия на Кавказе: гибель и поиски британских альпинистов в 1888– 1889 годах	31
Борошко С.Л., Божинская-Арандаренко Л.В. «Досуги в Туркестане» в научном наследии военного востоковеда Г.А. Арандаренко	39
Шмидт В. Архивные документы фонда имперского колониального ведомства R 1001/33 Федерального архива Германии по вопросу эмиграционного движения немецких коло- нистов Палестины в Германскую Восточную Африку	50
Тихонов Ю.Н. «Афганский фактор» при создании Туркменской Советской Социали- стической Республики	58
Норик Б.В. Беженцы из СССР в Иран в 1930-е гг. Часть 2	62
Васильев А.Д. Советский позиционный документ к переговорам о судьбе Черноморских проливов в 1945 году	68
Бухерт В.П. В.Б. Луцкий о Б.Н. Заходере	84
Глушкова И.П. Личный секретарь в истории Востока: помянут и забыт. На смерть Р.К. Голикера (8 ноября 1879 г. – 4 апреля 1959 г.)	88
Беляков В.В. Ю.А. Гагарин в Египте	96
Прожогина С.В. Алжирское самоопределение. Свидетельства литературы колониаль- ной эпохи	99
Наши авторы	108

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-3

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Первым делом хочу поздравить с юбилеем члена редколлегии «Восточного архива», главного научного сотрудника Института востоковедения РАН Александра Шайдатовича Кадырбаева! 19 апреля 2025 года ему исполнилось 75 лет, а в это время предыдущий номер журнала уже вышел. Юбиляр – знаток Китая, а в последние годы и Центральной Азии. Его многочисленные научные труды, в том числе опубликованные и в нашем журнале, неизменно вызывают доверие к автору. Кадырбаев часто разъезжает с докладами на многочисленные конференции, с успехом работает и в московских вузах. Желаю Александру Шайдатовичу доброго здоровья и новых публикаций на благо отечественного востоковедения!

Нынешний номер журнала как раз и начинается со статьи А.Ш. Кадырбаева, посвящённой началу жизненного пути будущего адмирала Российской империи Е.В. Путятин. Адмирал известен подписанием договора с Китаем о границе с Россией, благодаря чему нашим стал весь Дальний Восток. Но Путятин провёл активную жизнь – от дипломата в Англии до посланника в Китае.

Две статьи предоставлены О.А. Гоковым. В первой он завершает рассказ о членах Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, во второй рассказывает о гибели и поисках британских альпинистов на Кавказе в конце XIX века. Обе статьи основаны на публикациях того времени.

Две статьи предоставлены также и В. Шмидтом. Первая, на мой взгляд, особенно интересна. Опираясь на региональную прессу кайзеровской Германии, автор рассказывает о положении армянского населения в Османской империи. Другая основана уже на архивных документах. Они показывают эмиграционное движение немецких колонистов Палестины в Германскую Восточную Африку.

Не могу не рассказать и о материале «Досуги в Туркестане». Его автор, военный востоковед Г.А. Арандаренко много лет рассказывал в публикациях в прессе о своих путешествиях и о жизни в Центральной Азии. Обзор его статей, вошедших позже в авторский сборник «Досуги в Туркестане», сделан специалистами С.Л. Борошко и Л.В. Божинской (Арандаренко).

Содержание «Восточного архива» дополняют статьи о событиях уже XX века. Это материалы Ю.Н. Тихонова («Афганский фактор» при создании Туркменской советской социалистической республики), Б.В. Норика (Беженцы из СССР в Иран в 1930-е гг.), А.Д. Васильева (Советский позиционный документ к переговорам о судьбе Черноморских проливов в 1945 году). Статья И.П. Глушковой завершает цикл, описывающий жизнь индийских политиков середины XX века. Моя статья посвящена визиту Ю.А. Гагарина в Египет в 1962 году. После своего уникального полёта в космос он объехал полмира. Но в архиве МИДа остался всего один документ о пребывании Гагарина в Египте – его поездка в Александрию. Придётся искать в других архивах.

Последний материал этого номера «Восточного архива» принадлежит С.В. Прожогойной. Как обычно, он посвящён недавнему прошлому арабского Магриба. На этот раз она рассказывает о свидетельствах литературы колониальной эпохи Алжира.

Таким получился этот номер «Восточного архива». Читайте и думайте о том, что потребуется из него для вашей работы..

В.В. Беляков

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-4-6

А.Ш. Кадырбаев

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ БУДУЩЕГО АДМИРАЛА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Е.В. ПУТЯТИНА

Происходил Евфимий Васильевич Путятин из дворянского рода Путятиных, восходящего к XV веку. Являлся старшим сыном отставного капитан-лейтенанта Российского военно-морского флота Василия Евфимьевича Путятина (1779–1805), новгородского помещика, и Елизаветы Григорьевны Путятиной (дочери генерала-майора, члена Государственной адмиралтейств-коллегии, гражданского губернатора Гродно и Киева Г.И. Бухарова), то есть был потомственным моряком. Детство своё он провёл в родовой усадьбе Пшеничище Чудовской волости Новгородского уезда. Рос болезненным ребёнком, интереса к флотскому делу не проявлял и собирался уйти в монастырь.

Против его воли отец отдал его в Морской кадетский корпус, где учёба и служба закалили его¹. Путятин учился на «отлично». После подведения итогов выпускного экзамена он оказался первым по выпуску, поэтому на морскую практику отправился в Данию и Швецию со своими однокашниками и друзьями П.С. Нахимовым и В.И. Далем, получив во время этого похода отличную выучку. В 1822 году Путятину присвоили первый чин морского офицера – мичмана, и он принял участие в кругосветном плавании из Кронштадта вокруг мыса Доброй Надежды и мыса Горн, побывав на побережье Бразилии в Рио-де-Жанейро. На фрегате «Крейсер» под началом капитана 2 ранга М.П. Лазарева (одного из первооткрывателей Антарктиды) в 1822–1825 годах совершил путешествие к северо-западным берегам Америки, т. е. к владениям Российско-Американской компании, и получил свой первый орден Святой Анны 3-й степени². Это была отличная морская практика, во время которой молодой мичман освоил навыки управления парусным судном и набрался опыта в морском деле.

Компания находилась под эгидой российского правительства. Боевые корабли – носители Андреевского флага обеспечивали престиж российской короны и надёжность купеческих grossбухов. «Крейсер» был послан для патрулирования берегов Русской Америки, в территориальные воды которой с целью нелегального промысла часто вторгались суда англичан и американцев, норвежцев, датчан и французов. Фрегат «Крейсер» был доведён его капитаном Лазаревым до образцового состояния. Именно тогда он разрабатывал свои приёмы подготовки личного состава, создав первую ячейку школы военно-морского воспитания. В этом плавании он уже наметил среди молодых морских офицеров своих первых будущих сподвижников, в числе которых находились будущие адмиралы, ставшие гордостью Российского военно-морского флота – П.С. Нахимов, Е.В. Путятин, а также декабрист Д.И. Завалишин, оставивший свои мемуары об этой экспедиции. Его дружба с Путятиным выдержала испытания, несмотря на ссылку Завалишина на каторгу в Сибирь как государственного преступника, разделявшего идеи и замыслы участников декабрьских событий 1825 года на Сенатской площади. Впрочем, в конце своей жизни Д.И. Завалишин тоже стал адмиралом.

В 1826 году на корабле «Азов» Путятин совершил переход из Архангельска в Кронштадт. В 1827 году на этом же корабле, где также служили П.С. Нахимов, В.А. Корнилов и В.И. Истомин, будущие победители Синопского сражения и герои обороны Севастополя, молодой мичман Путятин направился из Кронштадта через британский порт Портсмут в состав российской средиземноморской эскадры. Он принял участие в Наваринском морском сражении, где объединённая рос-

сийско-англо-французская эскадра нанесла поражение османско-египетскому флоту.

Затем в течение двух лет, с 1828 по 1830 год, произведённый в лейтенанты и награждённый за мужество, проявленное в Наваринском бою и русско-турецкой войне 1828–1829 годов, орденом Святого Владимира 4-й степени³, Путятин служил в составе русской эскадры, крейсировавшей в Эгейском море, участвовал в блокаде Дарданелл. За участие в 18 морских кампаниях в 1830 году награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. Отозванный в том же году в Кронштадт, он только через три года возвратился в Севастополь – главную базу Черноморского флота России уже в качестве офицера по особым поручениям (говоря современным языком, офицера разведки) при своём прежнем начальнике, ставшем контр-адмиралом за боевые заслуги в Наваринском бою, позже вице-адмиралом и командующим Черноморским флотом М.П. Лазареве⁴. В активе Путятина за предшествующие три года пребывания на Балтике – служба на корабле «Нарва» в Финском заливе, командование бригом «Диомид» при переходе на камелях от Кронштадта до Данцига (ныне Гданьск).

В 1833 году он был опять командирован на флагманском корабле Черноморского флота «Память Евстафия» из Севастополя в Галлиполи и Дарданеллы, где вместе с лейтенантом В.А. Корниловым, будущим адмиралом и героем обороны Севастополя в Крымскую войну, произвёл тайную рекогносцировку Черноморских проливов с их укреплениями. Лазарев поручил им это непростое разведывательное задание, так как считал их «очень деятельными и сведущими офицерами».

Шканечный журнал фрегата «Эривань» свидетельствует: «1 апреля 1833 года, 1 час пополудни. Константинопольский пролив, Буюкдере. В $\frac{3}{4}$ сего часа, по прибытии на фрегат полковника А.О. Дюгамеля, также лейтенантов Путятина и Корнилова, назначенных для особой экспедиции в Дарданельский пролив, мы, вследствие словесного приказа командующего эскадрой контр-адмирала Лазарева, снялись с якоря и следовали к Галлиполи. Сего часа бывшие у нас флота лейтенанты Путятин и Корнилов отправились на

вольной лодке вниз Дарданельского пролива для исполнения возложенных на них поручений»⁵.

Еще более определённый текст – в июньском того же года письме М.С. Лазарева князю А.С. Меншикову, начальнику Главного Морского штаба: «Я приказал лейтенантам Путятину и Корнилову производить опись пролива, которую и продолжали они более 2 месяцев с неустомимою деятельностью и величайшею точностью, вымеривая не только высоты и толщю крепостных стен, но величину калибра каждого орудия и даже высоту маяков, при выходе в Босфор находящихся. В верности карты укрепленной части Босфора, составленной лейтенантами Путятиным и Корниловым, я столько уверен, что не колеблюсь нимало приступить к гравированию оных ныне же... Мне весьма желательно утвердить в мыслях Вашей Светлости мнение, что офицеры сии одни из тех, которые при разделяемых ими поручениях всегда покажут одну истину и ничего не убавят, ни прибавят»⁶.

Документ, составленный Путятиным и Корниловым, получил высокую оценку не только Лазарева. Генерал-лейтенант А.Ф. Орлов в своём сообщении Меншикову писал по этому поводу: «Я не сомневаюсь, что сей труд, произведённый с величайшей точностью и тщанием, послужит во многом к дополнению сведений, имеющихся доселе о Дарданельском проливе, и удостоится Всемилостивейшего внимания»⁷. Эта карта, составленная Путятиным и Корниловым, была представлена императору Николаю I и получила его высокую оценку. За съёмку и описание Дарданелл оба были представлены к награде⁸.

Затем Путятин вернулся в Крым, в Феодосию, крейсировал на Чёрном море, был награждён орденом Святого Станислава 3-й степени и османской золотой медалью. В 1834–1835 годах он – командир корвета «Ифигения» в Эгейском море, произведённый в чин капитан-лейтенанта.

23 ноября 1834 года в Эгейское море из Босфора через Мраморное море вышел бриг «Фемистокл» под командованием сослуживца Путятина, также участника Наваринского сражения, награждённого за это орденом Свя-

той Анны 4-й степени, будущего адмирала и героя обороны Севастополя в годы Крымской войны, уже упомянутого выше В.А. Корнилова. После прибытия в греческий порт Пирей он присоединился к корвету «Ифигения». «Корвет “Ифигения” и бриг “Фемистокл” оба заслужили своими морскими манёврами и военным устройством одобрение иностранных моряков», когда находились в Пирейской гавани. Экипажи российских кораблей не были обделены вниманием и местного населения: «“Фемистокл” стоял на якоре близ острова Саламины... Капитан... велел сняться с якоря... поплыли к Эгине... только к вечеру приблизились... Капитан дал баркас, и мы спустились на вёслах до набережной... Между тем люди всякого звания, узнав о приезде русских на военном баркасе, входили и выходили из домов и стояли у домов и окошек...»⁹.

В 1836 году Е.В. Путятин командовал тем же корветом в Чёрном море и был награждён греческим орденом Спасителя. С 1837 по 1839 год сражался в Кавказской войне с горскими народами Западного Кавказа – адыгами (черкесами) и абхазцами. Командуя фрегатом «Агатополь», участвовал в десантных

операциях российских войск против горцев при захвате мыса Адлер, местностей Туапсе и Шапсухо, за что был награждён орденом Святой Анны 2-й степени и произведён в капитаны 2 ранга¹⁰. Во всех этих высадках сухопутных войск участвовали военные моряки, сводным флотским десантным батальоном которых командовал Е.В. Путятин. Чин капитана 1 ранга он получил за командование кораблем «Силистрия», где ранее командиром был Нахимов, и за успешное десантирование войск на берега Абхазии в местностях Субаши и Шахо, когда из-за сильного сопротивления горцев флотский десантный батальон понёс большие потери убитыми и ранеными, а сам Путятин был ранен пулей в ногу¹¹.

Таким образом, начало жизненного пути будущего адмирала и известного государственного деятеля, видного дипломата Российской империи Е.В. Путятина проходило не только на военно-морском поприще, но и в суровых боевых испытаниях, пройдя горнило которых он получил закалку на всю последующую жизнь, вписав славные страницы в историю России. Но это уже тема для других рассказов.

Примечания

¹ *Лещенко Н.Ф.* Посол с погонами адмирала. Необычная судьба Е.В. Путятина (1804-1883) // Восточный архив. 2015, №2 (32). С. 7-11.

² *Завалишин Д.И.* Записки декабриста. СПб, 1906.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 1, 6. Фонд А.С. Меншикова.

⁴ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 49, 70. Фонд Грейгов.

⁵ *Кадырбаев А.Ш.* Разведывательная миссия Е.В. Путятина в проливах Босфор и Дарданеллы в 1833 г. (по материалам РГА ВМФ) // Труды ИВ РАН. Вып. 17. Архивное востоко-

ведение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН). М., 2018.

⁶ *Кузьмина С.* Адмирал Корнилов. ЖЗЛ, М., 2007.

⁷ *Шеремет В.И.* Нахимов – труженик войны // Basileus. Сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. М., 2007. С. 313.

⁸ *Шеремет В.И.* Синоп-1853. Новое прочтение // Восточный архив. 2008. №13. С. 51.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 487. Л. 1, 6. Фонд А.С. Меншикова.

¹⁰ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1505. Л. 3-15. Канцелярия начальника Главного Морского штаба.

¹¹ Там же. Ф. 283. Оп. 1. Ед. хр. 4149. л. 1-7. Инспекторский Департамент Морского министерства.

ЧЛЕНЫ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА: СОСТАВ И ДИНАМИКА (1851–1915 гг.)

Кавказский отдел Императорского Русского географического общества (далее – КОИРГО или Отдел) был создан в 1850 году, когда император Николай I утвердил «Положение о КОИРГО», а открыт 10 марта 1851 года в Тифлисе. Практически сразу стали складываться группы членов Отдела, которые были созданы на основе «Положения о КОИРГО» и «Устава Императорского Русского географического общества».

Долгое время участники КОИРГО делились на пять категорий: почётные члены, действительные члены Общества и Отдела (одновременно), действительные члены Отдела, члены-сотрудники и соребнователи.

Почётными членами должны были избирать «особ, известных учёными трудами или покровительством географическим наукам»¹. Поэтому в КОИРГО это звание первоначально носили управляющие кавказской администрацией и высшие церковные руководители – католикос всех армян и экзарх Грузии. Как правило, высокопоставленные особы сначала получали звание почётного члена Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО), после чего их «переводили» («переизбирали») в почётные члены Отдела. До этого они могли быть и действительными членами ИРГО. В 1880-х годах практика избрания почётных членов прекратилась. Всего их было шесть.

Первым почётным членом стал кавказский наместник князь М.С. Воронцов², который являлся почётным членом ИРГО с 16 января 1846 года. В 1852–1853 гг. таким же образом были избраны католикос всех армян Нерсес и экзарх Грузии Исидор³. Первый был с 24 мая 1852 года почётным членом ИРГО, а второй – с 29 января 1853 года. Католикос был 3 ав-

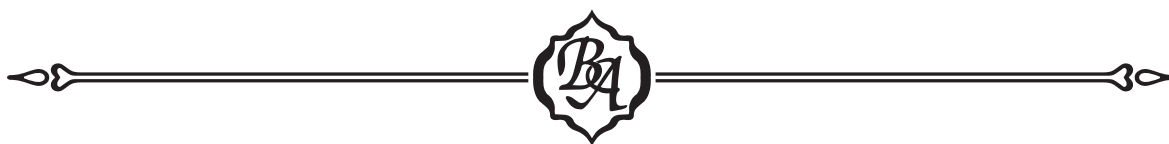
густа 1852 года избран Распорядительным комитетом КОИРГО (далее – Комитет) почётным членом Отдела. 14 января 1859 года стал почётным членом ИРГО князь А.И. Барятинский, а 16 декабря 1859 года – новый экзарх Грузии архиепископ Евсевий.

Только О.И. Ходзько удостоился звания почётного члена исключительно за свои научные изыскания: «По случаю предстоящего пятидесятилетнего юбилея его службы, в течение которой он так много трудился на пользу науки вообще и в особенности содействовал своими обширными работами к распространению наших сведений по географии Кавказа»⁴. Он был избран почётным членом ИРГО 3 мая 1872 года и автоматически стал почётным членом Отдела.

Впрочем, деятельность других почётных членов не всегда носила формальный характер. Тот же М.С. Воронцов, первый покровитель Отдела, благодаря своему положению сделал много для его организации и нормальной работы. Второй почётный член – экзарх Грузии Исидор – постоянно принимал участие в заседаниях Отдела, вносил дельные рекомендации по его работе, помогал в научных исследованиях, в частности, занимался собиранием сведений об удинах, участвовал в составлении словаря общеупотребительных слов с переводом их на русский язык⁵.

По правилам Общества в случае, если почётный член вносил в кассу ежемесячные или ежегодные взносы, он мог быть одновременно и действительным членом⁶. Однако для Кавказа нам о таких случаях не известно.

Восстановлено избрание почётных членов Отдела было 16 декабря 1902 года на заседании Распорядительного комитета, который постановил «ввести в Кавказском отделе

обычай избрания» почётных членов⁷. Но теперь почётных членов избирал сам Отдел, а не зачисляли почётных членов ИРГО.

Однако до 1911 года ни одного избрания не было. На заседании Распорядительного комитета 22 декабря 1910 года было, наконец, принято решение избрать из своей среды почётных членов⁸. Первыми стали за заслуги в организации деятельности Отдела А.А. Фрезе и А.С. Зеленой (последний – отчасти и за научную работу), которые были избраны на годовом общем собрании 11 мая 1911 года⁹. 17 октября 1912 года был избран академик Д.Н. Анучин, который жил вне Кавказа, но с 1881 года был членом-сотрудником Отдела¹⁰. На том же общем собрании, помимо него, почётными членами Отдела за научные достижения по кавказоведению были избраны Е.Г. Вейденбаум и питерский профессор-языковед В.Ф. Миллер¹¹. 18 марта 1914 года за заслуги в исследовании Кавказа почётным членом КОИРГО был избран Николай Яковлевич Динник¹², а за заслуги по организации деятельности Отдела почётным членом его стал Э.А. Ватацци¹³. 15 ноября 1914 года почётным членом КОИРГО был избран Л.Г. Лопатинский¹⁴. В 1915 году почётных членов в Отделе насчитывалось шесть¹⁵. Относительно избрания почётных членов после 1915 года нам ничего не известно. Почётные члены могли участвовать в собраниях Отдела.

Действительные члены КОИРГО по ИРГО считались членами-сотрудниками. Впрочем, действительные члены ИРГО по желанию входили в состав Отдела как его действительные члены.

Первый состав КОИРГО насчитывал 15 человек действительных членов ИРГО (правда, два из них были избраны таковыми уже после создания КОИРГО и по его рекомендации), или 16 – с покровителем и почётным членом ИРГО (и, соответственно, Отдела) князем Михаилом Семёновичем Воронцовым:

1. князь Бебутов Василий Осипович, генерал-лейтенант;
2. князь Багратион-Мухранский Георгий Константинович, коллежский советник;
3. Бартоломей Иван Алексеевич, полковник;

4. Вольф Николай Иванович, генерал-майор;
5. светлейший князь Воронцов Семён Михайлович, флигель-адъютант, полковник;
6. барон Вревский Ипполит Александрович, генерал-майор;
7. князь Гагарин Григорий Григорьевич, флигель-адъютант, полковник;
8. Максимович Александр Петрович, статский советник;
9. барон Мейендорф Александр Казимирович, действительный статский советник;
10. барон Николаи Александр Павлович, статский советник;
11. граф Соллогуб Владимир Александрович, коллежский советник;
12. Уманец Александр Алексеевич, действительный статский советник;
13. барон Услар Пётр Карлович, капитан Генерального штаба;
14. Ханьков Николай Владимирович, статский советник;
15. Ходзько Осип Иванович, полковник Генштаба.

Как и действительные члены Общества, действительные члены КОИРГО должны были делать ежегодные денежные взносы по 10 рублей в кассу Отдела¹⁶. Впрочем, согласно параграфу 26 «Устава ИРГО», ежемесячные взносы можно было заменить выплатой 100 рублей единовременно. Это освобождало платившего от ежегодных платежей на 10 лет. Так, например, поступили в 1860 году действительный член Отдела князь Г.К. Багратион-Мухранский¹⁷ и барон Н.Е. Торнау¹⁸, а в 1861 году – М.П. Щербинин¹⁹, в 1878 году – И.И. Ходзько²⁰, в 1879 году – И.А. Зиновьев²¹, в 1880 году – Н.Г. Петрусевиц и Х.Ф. Гельман²², в 1881 году – Л.П. Загурский²³. Со временем сделавшие единовременное пожертвование в 100 руб. стали считаться пожизненными членами Отдела и больше взносов не платили.

Действительные члены Отдела имели право бесплатно получать издания КОИРГО и брать на дом книги из библиотеки Отдела. Они избирались точно так же, как и действительные члены ИРГО. Кандидат должен был

внести определённый вклад в развитие науки или дать понять, какое содействие он может оказать Отделу. Кандидата должны были рекомендовать два или больше действительных членов, после чего его кандидатура рассматривалась в Распорядительном комитете. После одобрения Комитета на ближайшем общем собрании кандидатура нового члена вносилась на голосование²⁴.

Впрочем, рекомендация могла последовать и на общем собрании Отдела. Как пример можно привести следующее избрание. В 1852 году к избранию в действительные члены Отдела был рекомендован чиновник для особых поручений по карантинно-таможенной части на Кавказе В.А. Новицкий. Он подготовил и передал на рассмотрение члену КОИРГО А.А. Уманцу свою рукопись «Анапа и закубанские военные поселения». Рецензент на заседании Комитета 5 апреля очень высоко оценил работу, предложил его труд к изданию в «Записках КОИРГО», а самого В.А. Новицкого – баллотировать в действительные члены КОИРГО. Поскольку работа нуждалась в дополнениях, А.А. Уманец рекомендовал Комитету просить начальство В.А. Новицкого способствовать ему в дополнении его описания. Распорядительный комитет принял все предложения²⁵, а на следующем за заседанием Распорядительного комитета общем собрании Отдела В.А. Новицкий был избран действительным членом.

В 1851 году на общем собрании Отдела 7 ноября было принято решение, что для избрания в действительные члены КОИРГО должно проголосовать не менее 2/3 присутствующих на собрании²⁶. В конце 1851 года это положение было утверждено покровителем Отдела – кавказским наместником – с поправкой, чтобы при голосовании присутствовало не менее 21 действительного члена КОИРГО. В случае отсутствия кворума голосование переносилось на следующее обыкновенное общее собрание Отдела²⁷.

Голосование проводилось тайно. Голос «за» обозначался крестом, голос «против» – нулём. Член считался избранным, если получил более половины наличных голосов, но не менее 30. Если же голосов было подано менее

30, то в следующем обычном общем собрании происходило переголосование. Третье переголосование не допускалось²⁸. Однако реальная практика из известных нами общих собраний свидетельствует, что процедура чаще всего носила формальный характер. После обсуждения и рекомендации Комитета или уважаемых лиц, являвшихся членами КОИРГО, кандидатов в действительные члены избирали единогласно, причём голосов могло быть подано и менее 30.

Действительными членами КОИРГО могли избирать за:

- 1) занимаемый пост в администрации Края с надеждой, что избранное лицо будет содействовать работе Отдела, но такие надежды не всегда оправдывались;
- 2) посты в издательствах или учебных учреждениях Края по той же причине;
- 3) научные достижения;
- 4) исследовательские работы и содействие КОИРГО;
- 5) участие в жизни Отдела (классические примеры – присяжные поверенные А.В. Степанов и И.Г. Хачатуров, которые защищали права Отдела в суде по поводу хищения книг из его библиотеки).

В действительные члены Отдела могли быть перечислены его члены-сотрудники, как это было, например, в 1852–1853 годах с В.О. Переваленко, И.И. Евлаховым, И.О. Васильевым и В.Г. Сараджевым²⁹. При этом перечисление сопровождалось процедурой избрания. Так, 14 сентября 1855 года на заседании Распорядительного комитета было удовлетворено желание члена-сотрудника Отдела Н.Л. Дункель-Веллинга – он был переведён в действительные члены КОИРГО и предложен к избранию на ближайшем общем собрании³⁰, но избран с задержкой – 5 ноября 1856 года³¹.

Действительные члены как Общества, так и Отдела имели право голоса, могли избираться на должности, вносить предложения для обсуждения. Но они и должны были заниматься научно-исследовательской деятельностью, а также ежегодно делать денежные взносы в кассу Отдела.

Однако первоначально расширение членов КОИРГО прошло не по описанным правилам. В первые годы членов избирали по их желанию, а также кооптировали в Отдел решением общего собрания. Первый состав Отдела состоял из действительных членов ИРГО. Для увеличения числа членов от имени покровителя Отдела по составленному списку были разосланы приглашения людям, которые, по мнению первых членов, могли бы участвовать в деятельности Отдела. Для тех, кому рассылались такие приглашения, достаточно было дать своё согласие сотрудничать, после чего они автоматически становились действительными членами. В 1851 году таких людей оказалось 51, в 1852 году – 17. Остальные действительные члены КОИРГО уже избирались по правилам, хотя случались и исключения. Так, в 1860 году по инициативе Д.А. Милютина приглашение стать действительным членом КОИРГО было послано командующему войсками Кубанской области генерал-лейтенант графу Н.И. Евдокимову³², а также коллежскому регистратору Мелик-Шахназарову. Последний обучал детей кюринского хана русскому языку и был секретарём хана, поэтому мог собирать этнографические сведения о ханстве³³.

Исключения касались также членов ИРГО, которые по тем или иным причинам пребывали на Кавказе. Действительные члены Общества или его члены-сотрудники могли быть приписаны к одному из Отделов, поэтому в составе КОИРГО постоянно находилось некоторое количество таких членов. Как правило, действительный член ИРГО, переезжавший на Кавказ для службы или на жительство, по собственному желанию автоматически зачислялся в члены Отдела, что фиксировалось в документах последнего и объявлялось на общих собраниях или на заседаниях Комитета (последнее соблюдалось не всегда). Впрочем, члены Общества, которые прибывали на Кавказ жить и работать здесь, не всегда зачислялись в Отдел или же зачислялись как бы наперёд. Так, в 1852 году на основании 1 параграфа «Положения» в действительные члены Отдела был зачислен пребывавший в Крае член-сотрудник ИРГО – профессор Г.В. Абих³⁴. Однако в Тифлисе он

поселился только в 1854 году, а до этого бывал здесь наездами, с 1849 года изучая горы Кавказа.

Как уже отмечалось, первый состав Отдела полностью состоял из действительных членов ИРГО, а тех, кого приняли первыми, также рекомендовали к избранию в действительные члены Общества, что и было исполнено. Так, действительными членами ИРГО и КОИРГО по рекомендации Отдела были избраны помощник покровителя КОИРГО генерал-лейтенант, князь В.О. Бебутов и первый председательствующий в Отделе, оберквартирмейстер штаба Отдельного Кавказского корпуса Н.И. Вольф. В мае 1852 года двойных членов насчитывалось 15³⁵. Число их могло меняться, поскольку приезжавшие на Кавказ члены ИРГО чаще всего сразу же зачислялись в действительные члены Отдела и, соответственно, выезжавшие с Кавказа навсегда или на время – в первые десятилетия существования КОИРГО выбывали из него. Например в 1851 – мае 1852 года из Края уехали два члена ИРГО, бывшие одновременно и действительными членами КОИРГО – С.В. Сафонов и В.Н. Семёнов, которые автоматически выбыли из Отдела³⁶; в 1852–1853 годах – А.А. Уманец и Я.П. Полонский³⁷. В 1869 году в члены КОИРГО был зачислен член-сотрудник ИРГО Н.Г. Столетов³⁸. 12 декабря 1888 года на общем собрании по собственному желанию в члены КОИРГО был зачислен действительный член ИРГО с 1882 года Л.К. Артамонов³⁹. В апреле 1900 года на тех же основаниях в КОИРГО был включён начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор ГШ Н.Н. Белявский⁴⁰.

Были и обратные случаи, когда члены Отдела избирались действительными членами Общества. Так, в 1900 году ими стали действительные члены КОИРГО Я.С. Медведев и К.П. Яновский⁴¹. Позже членами ИРГО были избраны А.Б. Шелковников, В.М. Савич и К.И. Подозерский, П.З. Виноградов-Никитин, А.Д. Стопневич, Я.В. Лагенваген.

Известны случаи, когда действительные члены ИРГО дважды становились членами Отдела. Так, А.С. Зеленой впервые был зачислен действительным членом КОИРГО 11 декабря 1867 года. Затем в 1870 году он

покинул Кавказ и автоматически выбыл из Отдела. По возвращении, 20 марта 1880 года вновь был зачислен членом КОИРГО и оставался им до самой смерти.

К началу XX века правило, что действительный член КОИРГО, являвшийся членом Отдела, должен обязательно жить в Крае, уже не соблюдалось строго, как и правило, что действительными членами КОИРГО могут быть только проживавшие на Кавказе.

Полных данных о количестве двойных членов в Отделе за все годы его существования из-за недостаточных источников нам собрать не удалось. К тому же иногда принадлежность членов Отдела к ИРГО не указывалась. Так, например, П.М. Лессар и Н.Г. Петрусович были избраны действительными членами ИРГО в 1879 году⁴², А.М. Коншин – в декабре 1883 года⁴³. Но в документах Отдела, где говорилось об их избрании действительными членами КОИРГО, об этом не было сказано.

Приведём следующие известные цифры. В «Кавказском календаре» на 1852 год было указано 14 двойных членов, на 1853 год – 16⁴⁴. К 1 января 1855 года членов ИРГО в составе КОИРГО было 13 (без почётных членов), к 1 января 1856 года – 10, к 1 января 1857 года – девять, к 1 января 1861 года – семь. «Кавказский календарь на 1858 год» фиксировал двойных членов девять человек, на 1859 год – восемь, на 1860 год – семь, на 1861 год – семь. К 1 января 1863 года таких членов было пять⁴⁵, к 1 января 1864 года – шесть, к 1 января 1865 года – шесть⁴⁶, к 1 января 1869 года – восемь⁴⁷, к 1 января 1870 года – девять⁴⁸. В «Кавказских календарях»: на 1862 год – шесть, на 1863 год – пять, на 1864 год – два. В июне 1871 года действительных членов ИРГО в КОИРГО было семь⁴⁹, а в 1877 – четыре⁵⁰. По «Кавказским календарям» их число было следующим: на 1870 год – восемь, на 1871 год – восемь, на 1872 год – семь, на 1873 год – пять, на 1874 год – пять, на 1875 год – четыре, на 1876 год – четыре, на 1877 год – четыре, на 1878 год – три. В 1883 год двойных членов было всего три⁵¹, к 1 января 1901 года – пять⁵², к 1 января 1902 года – шесть⁵³, к 1 января 1903 года – шесть⁵⁴, к 1 января 1904 года – пять⁵⁵, к 1 января 1906 года – четыре⁵⁶, к 1 января 1907 года – четы-

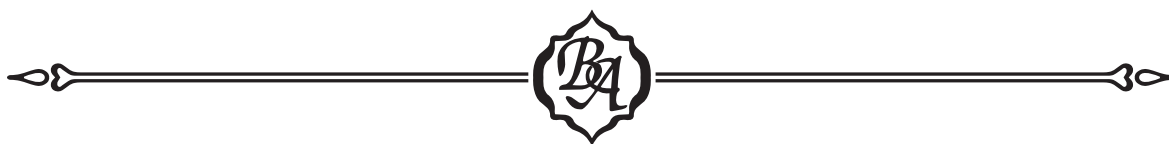
ре⁵⁷, к 1 января 1908 года – шесть⁵⁸, к 1 января 1909 года – шесть⁵⁹, к 1 января 1910 года – восемь⁶⁰, к 1 января 1911 года – восемь⁶¹, к началу 1912 года – десять⁶², к началу 1913 года – 15⁶³, к началу 1914 года – 16⁶⁴, а к 1 января 1915 года – 20⁶⁵.

Членами-сотрудниками считались лица, которые изъявили «готовность доставлять постоянно Обществу (Отделу. – О.Г.) нужные ему сведения». Их избирали из лиц, живших в Крае и могущих принести пользу в его изучении⁶⁶. По «Положению» и «Уставу» принимались в Отдел они также по определению Комитета и не должны были платить взносы. На деле же часто членами-сотрудниками люди, сделавшие какие-либо научные работы и представившие их в Отдел, становились и по рекомендации общего собрания КОИРГО, и решениями Распорядительного комитета⁶⁷.

Членами-сотрудниками могли стать не только за научные работы. В 1856 году на общем собрании 5 мая по своей просьбе был уволен с должности казначея КОИРГО В.Т. Беляев. Его место занял изъявивший на то желание казначей кавказского наместника надворный советник А.И. Рагозин. После назначения он был избран членом-сотрудником Отдела⁶⁸.

Первыми членами-сотрудниками на общем собрании Отдела 18 мая 1851 года были избраны: В.Ф. Переваленко, который помещал в газете «Кавказ» свои статьи о крае и письменно просил Отдел о звании сотрудника с обещанием быть полезным, В.Г. Сараджев и И.И. Евлахов⁶⁹. На собраниях они имели право только совещательного голоса⁷⁰.

Члены-сотрудники по их желанию и с согласия Отдела могли быть перечислены в действительные члены. Так, в 1852–1853 годах В.О. Переваленко, В.Г. Сараджев и И.И. Евлахов воспользовались этой возможностью⁷¹. Впрочем, встречалось и обратное. А.П. Архипов по его желанию был переведён в члены-сотрудники КОИРГО на общем собрании 29 апреля 1852 года. С.О. Гулишамбаров, который в 1877 году числился действительным членом, в 1883 году был членом-сотрудником. 19 декабря 1887 года на заседании Распорядительного комитета было решено перечислить в члены-сотрудники по собственной

просьбе действительного члена КОИРГО В.А. Дингельштедта, который по семейным обстоятельствам уехал в Швейцарию⁷².

Среди членов-сотрудников были и иностранцы. Так, 16 января 1880 года таким стал мюнхенский профессор Арентс, 16 января 1882 года был избран живший в Париже Гильом Капюс⁷³, а в 1914 года – член Лондонского королевского общества О.Я. Кетли.

Членов-сотрудников всегда было меньше, нежели действительных членов, но больше, чем членов других категорий. Учитывая текучесть кадров в Отделе, мы приводим здесь только точные цифры, содержащиеся в отчётах. С 1851 по 1856 год членов-сотрудников было избрано 16. Наибольший приток был отмечен 18 декабря 1862 года, когда избрано было десять человек. В 1877 году их было всего семь. Из них Е.Г. Вейденбаум, К.Л. Зиссерман и А.В. Комаров позже стали действительными членами Отдела, секретарь Ставропольского статистического комитета И.И. Бентковский остался сотрудником, а остальные прекратили сотрудничество с КОИРГО⁷⁴.

20 марта 1879 года, в числе прочих, избраны были в члены-сотрудники: Н.Н. Вакуловский, М.Л. Каменев, Г.С. Петров и Е.Д. Фелицын. Они представляют собой яркий пример того, за что получали это звание. Каждый из них чем-то отметился на почве кавказоведения: секретарь Кубанского статистического отдела Е.Д. Фелицын редактировал «Кубанские областные ведомости» и «Памятную книжку Кубанской области», М.Л. Каменев и Г.С. Петров издали статьи по географии и этнографии Кубанской области, а Н.Н. Вакуловский «знакомил от времени до времени столичные газеты с изданиями Отдела»⁷⁵.

К февралю 1883 года членов-сотрудников КОИРГО насчитывалось 32⁷⁶. После октября 1889 года и до мая 1914 года членов-сотрудников по неизвестным нам причинам не избирали. Всего за рассматриваемый период нами было насчитано 98 человек, становившихся членами-сотрудниками Отдела.

Интересен случай Александра Виссарионовича Комарова. Он был членом Отдела, как и два его брата. 17 января 1859 года подполковник Генштаба А.В. Комаров 3-й был

избран членом-сотрудником, но в 1864 году прекратил сотрудничество с Отделом. 3 июня 1867 года А.В. Комаров был вновь избран членом-сотрудником за свою статью о народонаселении с этнографической картой и списки населённых мест Дагестанской области (он занимал должность начальника штаба Военного управления Дагестанской области). А 23 декабря 1878 года А.В. Комаров был избран действительным членом КОИРГО.

Члены-соревнователи – люди, жертвовавшие на Отдел деньги единовременно или ежегодно⁷⁷. В КОИРГО таковыми признавались те лица, которые сделали в кассу Отдела единовременный взнос не менее 300 рублей серебром. Они одновременно могли быть и действительными членами. Исключение составил только первый член-соревнователь, Александропольский почётный гражданин и старшина русского купечества в Тегеране Карапет Саррафов, который подарил КОИРГО рукопись «Шах-наме», за что был избран членом-соревнователем Отдела. Позже рукопись эту Отдел передал в Императорскую публичную библиотеку⁷⁸. Помимо этого, в 1855 году К. Саррафов внёс в кассу Отдела 300 рублей серебром, что также стало основанием для избрания членом-соревнователем КОИРГО в том же году⁷⁹.

В январе 1856 года 300 рублей в КОИРГО пожертвовал отставной коллежский советник Н.А. Новосельский. За это пожалование он также был избран членом-соревнователем⁸⁰. В феврале 1856 года пожертвование в пользу КОИРГО в 500 рублей серебром сделал почётный потомственный гражданин В.Б. Аршакуни, за что был избран членом-соревнователем⁸¹. В 1857 году Н.А. Новосельский вновь пожертвовал Отделу, но 200 рублей⁸².

Надежды на то, что местные богачи будут меценатами Отдела, не оправдались. До 1880-х годов соревнователей было всего трое, причём дольше всех таковым оставался Н.А. Новосельский. Правда, после двух взносов и избрания соревнователем 23 января 1856 года денег в кассу КОИРГО от него больше не поступало⁸³. Больше членов-соревнователей Отдел не имел, хотя одна попытка стать соревнователем КОИРГО была предпринята, но она носила специфический

характер. На заседании Комитета 15 марта 1858 года рассматривался вопрос о пожертвовании. Виленский обыватель Иоиль Маркович Шорох-Троцкий пожертвовал Отделу 10 рублей серебром и просил за это избрать его членом-соревнователем. Естественно, ему было в этом отказано⁸⁴.

В начале XX века в Отделе появились ещё два вида членства – член-корреспондент и пожизненный член КОИРГО. С 8 мая 1914 года членом-корреспондентом стал проживавший в Лондоне Освальд Яковлевич Кетли⁸⁵.

Как уже отмечалось, пожизненными считались члены, сделавшие в разное время единовременный взнос в кассу Отдела не менее 100 рублей. Когда именно было принято такое решение, нам установить не удалось. К 1 января 1900 года таких членов насчитывалось шесть⁸⁶. К 1 января 1901 года в этом списке изменений не было⁸⁷. К 1 января 1902 года их стало девять⁸⁸. К 1 января 1903 года число не изменилось⁸⁹. К 1 января 1904 года пожизненных членов было десять⁹⁰. К 1 января 1906 года их было девять⁹¹. К 1 января 1907 года – восемь⁹². К 1 января 1908 года – семь⁹³. В 1908 году пожизненных членов оставалось семь⁹⁴. В 1909–1910 годах оставались те же лица⁹⁵. И в 1911, и в 1912 годах пожизненных членов было всё также семь⁹⁶. В 1913 году – восемь⁹⁷. В 1914 году их осталось шесть⁹⁸. В 1915 году – четыре⁹⁹. Теряли звание пожизненного члена в связи со смертью.

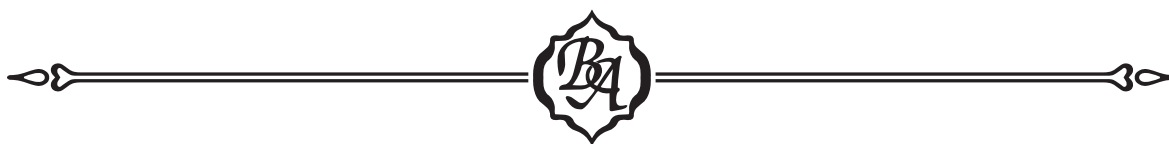
Согласно «Уставу ИРГО», в Отделе были и иностранные члены, то есть лица, жившие за границей. Они могли быть бывшими действительными членами, перечис-

ленными в члены-сотрудники из-за отъезда за границу; просто действительные члены (преимущественно – ИРГО), переехавшие жить в Европу; иностранцы, предложившие сотрудничество в качестве членов-сотрудников или корреспондентов. О части из них было сказано выше. А, например, к началу 1900 году действительным членом КОИРГО был Р.Ф. фон Эркерт. Это был немецкий этнограф и офицер, находившийся на службе в России и являвшийся действительным членом ИРГО. Покинув Россию, он проживал в Берлине¹⁰⁰.

Все виды членства подтверждались специальными дипломами, которые выдавались за подписью председательствующего. В случае двухгодичной просрочки внесения обязательных платежей или недоставления научно-исследовательских материалов, по «Уставу ИРГО» члены Отдела считались сложившими с себя своё звание и могли быть вновь избраны не ранее, чем через три года¹⁰¹. Однако на деле последняя практика соблюдалась не всегда.

Полную динамику изменения количества членов КОИРГО за все годы его существования нам выявить не удалось. Во-первых, сведения о количестве членов не всегда печатались в официальных изданиях. Во-вторых, используя для тех лет, о которых нет точных данных, сведения, собранные разрозненно, нельзя быть уверенным, что располагаешь полной информацией. В таблицах ниже приведены численные данные о принятых–выбывших членах КОИРГО по официальным источникам.

годы	выбыло	Принято
1853–1854	13	35
1855	19	10
1856	41	5
1857–1860	25	10
1859–1864	39	43
1861–1862	37	21
1864	27	16
1865	–	2
1867	12	17
1869	–	2

1870	8	4
1871	2	8
1877–1882	57	неизвестно
1878	не указано	более 30
1883	17	26
1884	22	20
1900	3	26
1901	не указано	40
1902	5	26
1903	13	25
1904–1905	44	17
1906	27	11
1907	9	6
1908	27	2
1909	5	14
1910	6	12
1911	3	33
1912	6	10
1913	17	36
1914	14	39
1915	7	41

Численность Отдела в разные годы указана нами в следующих таблицах. Первые из них содержат информацию из «Кавказских календарей». В них чаще всего публиковались списки членов Отдела по состоянию на 1 января нового года. Однако в «Календарях» они печатались с задержкой и на один, и на два года. Количество членов и членство в таблицах указано по «Кавказским календарям» на соответствующий год «Календаря». Поэтому реально в каждой колонке представлены данные предыдущего года. Т. е., если написано, что данные, например, на 1860 год, то это означает, что они взяты из «Кавказского календаря» на 1860 год и дают картину 1859 года. В некоторых случаях указывалось, что состав Отдела дан на июль, октябрь или

другой месяц, но в большинстве вариантов просто подавались цифры и фамилии без точной датировки. В некоторых случаях указывалось количество действительных членов без указания почётных.

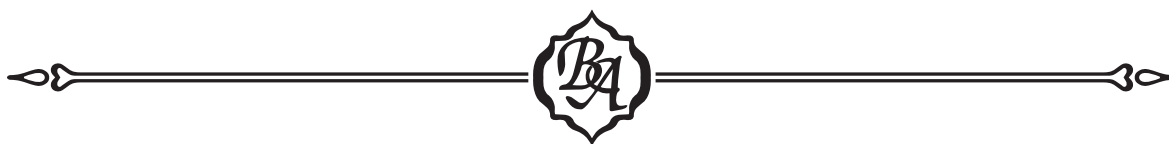
В «Календаре» на 1879 год были повторены цифры предыдущего «Календаря», а с «Календаря» на 1880 год цифры стали приводиться с опозданием на два года. Таким образом, в «Кавказском календаре на 1880 год» проводились сведения за 1878 год, в «Календаре на 1881 год» – за 1879 год и так далее. С календаря на 1887 год об Отделе стали публиковать только краткие данные в виде списка руководящего состава. Кое-где цифры дополнены нами цифрами из отчётов КОИРГО.

год	почётных членов	действительных членов	членов- сотрудников	соревнователей	всего
на 1852 ¹⁰²		100	5		105
1853 ¹⁰³		119	8		127
1855 ¹⁰⁴	3	161	10		174
на 1856	2	152	10	1	165
1857	2	112	12	3	129
1858	1	110	13	3	127
1859	2	103	13	3	121
1860	1	111	4	3	119
1861	2	108	16	3	129
1862	2	115	16	3	136
1863	2	88	22	3	115
1864	1	77	24	2	104
1865	1	81	14	1	97
1866	1 (2)	75 (115)	10 (16)	1 (3)	87 (136)
1867	1	76	9	1	87
1868	2	82	13	1	98
1869	2	88	7	1	98
1870	2	84	5	1	92
1871	2	87	5	1	96
1872	2	85	3	1	91
1873	3	87	7	1	98
1874 ¹⁰⁵	3	89	6		98
1875	3	90	6		99
1876	3	87	5		95
1877 ¹⁰⁶	3	91	7		101
1878 ¹⁰⁷	3	89	7		99
1879 ¹⁰⁸					
1880 ¹⁰⁹	2	106	5		113
1881 ¹¹⁰	2	97	11		110
1882 ¹¹¹	1	138	10		149
к 1 января 1884 г.					около 160 ¹¹²
1884 ¹¹³		139	28		167
1885 ¹¹⁴		148	20		168
1886 ¹¹⁵		146	26		172

Следующие таблицы были составлены на основании ежегодных отчётов Отдела, опубликованных либо отдельными экземплярами,

либо в его «Записках» и «Известиях», либо в изданиях ИРГО.

год	почётных членов	действительных членов	членов-сотрудников	членов-соревнователей	действительных членов ИРГО, вошедших в состав КОИРГО по случаю их нахождения на Кавказе	действительных членов, избранных Отделом	членов-корреспондентов	всего
май 1852	1	121	8					130
май 1853	3	165	9					177
к 1 января 1855 г. ¹¹⁶			10		13	149		172
к 1 июля 1855	2	154	11	1				167
к 1 января 1856	2		10	1	10	141		164
к 1 января 1857 ¹¹⁷			12	3	9	105		129
к 1 января 1861			17	3	7	102		122
к 1 января 1863	1		21	1	5	77		105
к 1 января 1864	1		21	1	6	77		106
к 1 января 1865	1		12	1	6	75		95
к 1 января 1868	2	87	8					97
к 1 января 1869	2	84	5	1				92
к 1 января 1870	2	86	5	1				94
к 1 января 1871	2	80 (или 88 ¹¹⁸)	3 (6 ¹¹⁹)	1				86 (97 ¹²⁰)
к 1 января 1872	2	86	3	1				92
1877 ¹²¹			7	1				
к 1 января 1883		139	не указано	1				
к 31 марта 1883		155	32	1				188
к 1 января 1900		31						31
апрель 1900		44						44
1 января 1901		54						54
Середина 1901		90						90
ноябрь 1901		94						94
к 1 января 1902		94						94
к 1 января 1903		117 (115)						117 (115)
к 1 января 1904		129						129
конец 1904		144						144
к 1 января 1906								102
к 1 января 1907								86
к 1 января 1908								83
к 1 января 1909								58
к 1 января 1910								67
к 1 января 1911								73
к 1 января 1912	2							103
к 1 января 1913	5							107

к 1 января 1914	3							126
к 1 января 1915	6	144					1	151
к 1 января 1916	6	168					1	175

Как видно из таблиц, численность Отдела развивалась волнообразно: за «приливом» следовал «отлив» и наоборот. Поначалу количество членов было значительным: в первый год – более 100, во второй – более 170¹²². Потом с конца 1850-х годов наметился «отлив». Несмотря на утверждение Д.Д. Пагирева о том, что самым критическим временем в истории КОИРГО было начало 1860-х годов, количество членов в это время оставалось значительным, хотя и понемногу сокращалось.

Самым трудным в плане членства оказался период 1890-х годов. О количестве членов в это время сведений нет, но точно известно, что оно уменьшилось катастрофически – до 31 человека к 1 января 1900 года. Затем, в связи с изменениями во внутренней жизни Отдела, его численность снова заметно возросла, чтобы снизиться до 58 членов в 1908 году, а потом вновь пойти вверх.

Причины изменений в числе членов Отдела требуют отдельного исследования. Здесь же отметим, что одной из главных было то, что в ходе каждого нового витка реформ КОИРГО одной из задач ставилось привлечение как можно больше членов. Это приводило к тому, что многие из новоприобретённых очень быстро охладевали к Отделу и в лучшем случае – числились, годами не платя взносы и не участвуя в его делах, а в худшем – покидали КОИРГО.

Отчисление членов из КОИРГО происходило по их собственному желанию, в связи с неуплатой взносов или в связи со смертью. Часто те, кто выезжал с Кавказа навсегда или надолго, снимали с себя звание члена Отдела, но, возвращаясь на Кавказ, снова ими становились. Требование, чтобы члены Отдела обязательно жили на Кавказе, соблюдалось только первое время. К сожалению, когда оно было впервые нарушено, нам выяснить не удалось. Скорее всего, это произошло 18 мая 1851 года – действительным членом КОИРГО был избран генераль-

ный консул в Тебризе Н.А. Аничков. В 1853 году в Тебриз управляющим генконсульством был назначен действительный член Отдела Н.В. Ханыков. Он переехал туда, но связей с КОИРГО не порвал. С 7 апреля 1853 года действительным членом Отдела являлся посланник в Тегеране нязь Д.И. Долгоруков. 27 июня 1855 года членом-сотрудником был утверждён старшина русских купцов в Тегеране Карапет Саррафов. 9 января 1857 года членом-сотрудником был избран член российской духовной миссии в Пекине К.А. Скачков. 23 декабря 1878 года действительным членом Отдела стал российский посланник в Тегеране И.А. Зиновьев.

Но все указанные случаи были долгое время исключением из правил. Однако постепенно исключение превращалось в норму. Так, к 1883 году четыре действительных члена (П.П. Кравченко, Г.Г. Маразли, Н.С. Рындовский, В.А. Франкини) жили вне Кавказского края¹²³. К марту 1883 года из 188 человек – членов КОИРГО 110 проживали в Тифлисе, 47 – в других пунктах Края, 20 – в разных местностях России, а девять – за границей. Из последних три находились в Азиатской Турции, а два – в Персии, занимая там должности по службе¹²⁴. В начале XX века география проживания членов Отдела значительно расширилась. При этом, правда, по-прежнему большинство из них жило в Кавказском крае, преимущественно в Тифлисе. Так, к 1 января 1901 года из 54 членов Отдела 30 жили в Тифлисе, 14 – в других городах Кавказа, 10 – в европейской России, Туркестане и Сибири¹²⁵.

К 1902 году проживало: 41 человек в Тифлисе, семь в Екатеринодаре, по пять – в Ставрополе и Баку, по три – в Петербурге, Кутаисе и Елизаветполе, по два – в Грозном, Киеве, Эривани и Ташкенте, по одному – в Вене, Хабаровске, Сочи, Ярославле, Вильне, Ризе, Гори, Кубе, Константинополе, Томске, Темир-Хан-Шуре, Ахалцихе, Карсе, Владикавказе, не известно где¹²⁶.

В 1902 году география была следующей: 58 человек проживало в Тифлисе, шесть в Ставрополе, по пять в Екатеринодаре, Гори и Баку, три в Петербурге, по два в Батуме, Грозном, Эривани и Кутаисе, по одному – в Париже, Владикавказе, Новороссийске, в станице Ассинской Терской области, Константинополе, Карсе, Киеве, Хони, Кубе, Томске, Ташкенте, Елизаветполе, Ахалцихе, Темир-Хан-Шуре, Екатеринославе, Они, Киеве, Вене, Крыму, Ярославле, Хабаровске, Вильне, Москве, Ризе, Сочи, один без указания места проживания¹²⁷.

В 1903 году большинство по-прежнему проживало в Тифлисе – 68 из 129. Шесть жили в Ставрополе, по четыре – в Батуме и Баку, по три – в Киеве, Петербурге, Москве, по два – в Карсе, Эривани, Кутаисе, Екатеринославе, и Грозном. По одному члену жило в Батуме, Гори, Смоленске, Пензе, Париже, Новороссийске, Ташкенте, Томске, Хони, Ельце, Ахалкалаки, Константинополе, станице Ассиновской Терской области, Темир-Хан-Шуре, Они, Ризе, Новочеркасске, Екатеринодаре, Нухе, Сочи, Балаханах, Хабаровске, Вене и Ване; место жительства одного было неизвестно¹²⁸.

В 1906 году из 86 членов 52 проживало в Тифлисе, шесть в Петербурге, три в Москве, по два – в Ставрополе, Киеве, Томске и без указания места проживания, по одному – в Константинополе, Хаме (Сирия), Ташкенте, Баку, Владикавказе, Карсе, Ризе, Ахалкалаки, Батуме, Каменце-Подольском, Елизаветполе, Грозном, Екатеринославе, Нухе, Хабаровске, Ване и Ленкорани¹²⁹.

В 1907 году из 83 членов 53 жили в Тифлисе, четыре в Петербурге, по два – в Томске, Ставрополе, Киеве, Батуме и место жительства не указано, по одному – в Грозном, Харькове, Ташкенте, Баку, Владикавказе, Карсе, Константинополе, Ахалкалаки, Тегеране, Елизаветполе, Нухе, Москве, Хабаровске, Ленкорани, Екатеринославе¹³⁰.

В 1908 году география мест жительства членов была следующей: 37 в Тифлисе, три в Петербурге, по два в Киеве и Батуме, по одному – в Харькове, Ташкенте, Томске, Баку, Ставрополе, Владикавказе, Карсе, Константинополе, Москве, Елизаветполе,

Хабаровске, Грозном, Екатеринославе и Кутаисе¹³¹.

В 1909 году 38 человек жило в Тифлисе, четыре в Петербурге, по два – в Ташкенте, Ставрополе, Владикавказе, Батуме, Харькове, по одному – в Валках, Томске, Баку, Варшаве, Киеве, Карсе, Москве, Омске, Сухуме, Хабаровске, Грозном, на ст. Халдан Елизаветпольской губ., в Екатеринославе и Кутаисе¹³².

На 1 января 1910 года из 67 членов 38 имели местопребывания в Тифлисе, четыре в Санкт-Петербурге, по два – в Ташкенте, Ставропольской губернии, Владикавказе, в Батуме, в Харькове, по одному – в Сухуме, Валках, Варшаве, Киеве, Омске, Томске, Карсе, Баку, Москве, Хабаровске, Грозном, на станции Халдан в Елизаветпольской губернии, Екатеринославе и Кутаисе¹³³.

В 1910 году в Тифлисе жило 46 из 73 членов. Четыре – в Петербурге, три во Владикавказе, по два – в Карсе, Баку, по одному – в Кутаисе, Екатеринославе, на ст. Халдан Елизаветпольской губ., Москве, Харькове, Хабаровске, Грозном, Елизаветполе, Сухуме, Валках, Ташкенте, Томске, Ставрополе, Варшаве, Киеве и Батуме¹³⁴.

В 1911 году в Тифлисе проживало 69 из 103 членов. Шесть человек жили в Петербурге, три в Боржоме, по два – в Батуме, Баку, Грозном, Владикавказе, Елизаветполе, Варшаве, по одному – в Валках, Ташкенте, Закаталы, Киеве, Симбирске, Ставрополе, Зурнабаде, Ташкенте, Сухуме, Харькове, Москве, на станции Халдан, в Карсе и Екатеринославе¹³⁵.

В 1912 году 65 человек из 107 жили в Тифлисе, восемь в Петербурге, четыре в Боржоме, три во Владикавказе, по два – в Москве, Харькове, Батуме, Ставрополе, Баку, Грозном, Елизаветполе, по одному – в Ташкенте, Закаталы, Киеве, Симбирске, Варшаве, Зурнабаде, Томске, Сухуме, Хабаровске, Муроме, Екатеринославе, Карсе и имении Геок-Тапа Арешского уезда¹³⁶.

В 1913 году из 126 членов 82 жило в Тифлисе, 10 в Петербурге, три во Владикавказе, по два – в Ставрополе, Грозном, Батуме, Харькове, Москве, и Боржоме, по одному – в Екатеринославе, Екатеринодаре, Елизаветполе, имении Геок-Тапа Арешского уезда, Ку-

таисе, Акстафе, Артвине, Хабаровске, Сочи, Ессентуках, Эривани, Сухуме, Закаталы, Киеве, Варшаве, Ташкенте, Томске, Баку¹³⁷.

В 1914 году 103 члена были жителями Тифлиса, шесть – Петрограда, четыре – Владикавказа, по три – Баку и Елисаветполя, по два – Грозного, Ставрополя Кавказского, Баталпашинска, Батума, Харькова, Москвы, по одному – Лондона, Екатеринодара, Екатеринослава, имения Геок-Тапа, Шемахи, Акстафы, Кутаиса, Сочи, Ленкорани, Бакуриани, Сухума, Эривани, Ессентуков, Закаталы, Киева, Варшавы, Томска, Боржома, укрепления Гуниб¹³⁸.

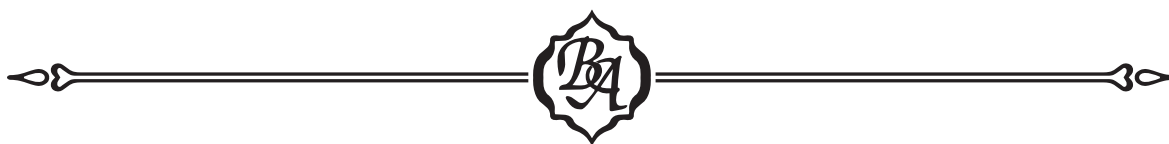
В 1915 году члены Отдела жили: 124 в Тифлисе, четыре во Владикавказе, по три – в Петрограде, Баку, Батуме, Баталпашинске, Елисаветполе, по два – в Москве, Харькове, Ставрополе Кавказском, Новороссийске, Киеве, Екатеринославе, по одному – в Караклисе, Гунибе, Боржоме, Томске, Закаталы, Ессентуках, Эривани, Анапе, Бакуриани, Богодухове, Ленкорани, Гаграх, Кутаисе, Грозном, Ахстафе, в имении Геок-Тапа Арешского уезда, станице Михайловской Терской области, в Лондоне¹³⁹.

В состав Отдела входили люди разных категорий. Большинство составляли чиновники и военные, что объяснялось тем, что в силу своей службы они либо постоянно работали с материалами, которые можно было бы предлагать КОИРГО, либо были чем-то ему полезны. Например, в 1883 году из администрации отдельных областей Кавказа в Дагестанской, Терской областях, Ставропольской, Кутаисской губерниях и Сухумском отделе имелось по пять-шесть членов КОИРГО, в Кубанской области – четыре, в Бакинской губернии – три, а в остальных – по два или одному члену. Не было ни одного только в Черноморском округе¹⁴⁰. Другой пример: генерал-лейтенант Ю.Ф. Минкевич, избранный действительным членом КОИРГО 11 января 1852 года, хотя «и не участвовал в деятельности нашего Общества личными трудами, но заслуживает нашего благодарного воспоминания за содействие, которое оказывал Отделу, бывши дербентским военным губернатором»¹⁴¹.

Количество военных в Отделе всегда было значительным. Это объяснялось несколькими

причинами. Во-первых, Кавказ долгое время оставался местом войны. Кавказская война хотя формально и окончилась в начале 1860-х годов, но фактически вплоть до начала Первой мировой Край оставался «напряжённой точкой» империи. Во-вторых, на территории Закавказья проходила граница с Османской империей, с которой за время существования Отдела Российская империя воевала дважды. Это требовало содержания здесь постоянно готовых вооружённых сил. В-третьих, в силу своей подготовки и службы именно военные – офицеры Генерального штаба, топографы и офицеры Кавказского военно-топографического отдела, простые офицеры, офицеры военизированных ведомств типа Путей сообщения, офицеры флота – занимались изучением как Кавказского края, так и пограничных с ним областей Ирана и Турции. Это было нужно для военного планирования, составления карт, умирения Края, для обустройства Кавказа (создания городов, дорог, мостов и пр.). Последнее делало военных неопределимыми членами Отдела, поскольку часто их служебные задания совпадали с темами исследований КОИРГО. Не удивительно поэтому, что работы чинов Корпуса военных топографов на Кавказе были постоянной темой всех отчётов Отдела, а его высшие чины и часть офицеров – членами КОИРГО.

В первой половине 1860-х годов, когда Отдел находился в кризисе, именно данные военных топографов составляли основное содержание работ КОИРГО. Чаще всего служебные научно-исследовательские исследования офицеры проводили через Отдел как чисто научно-исследовательские, сообщая на заседаниях Комитета или в общих собраниях несекретную часть собранной ими информации географического и иного содержания. Бывало и так, что Отдел, пользуясь тем, что начальники Кавказского штаба, Военно-топографического отдела и других подразделений были его членами, а то и занимали места в руководстве, через решения общих собраний или Распорядительного комитета обращался за помощью в тех или иных исследованиях к представителям военного ведомства на Кавказе. Случалось, что и военные руководители использовали Отдел для решения

собственных задач: например, издания военно-географической литературы, «прикрытия» разведчиков. Правда, последнее не являлось повседневной практикой. Чаще военные делились с Отделом добытой ими информацией, либо через Отдел его руководители-военные (в основном топографы и геодезисты) делали научные исследования.

Точно установить, сколько было и какое процентное соотношение существовало в КОИРГО между гражданскими и военными, из-за отсутствия полных данных не представляется возможным. Однако можно смело утверждать, что за время существования Отдела представители военного ведомства составляли в нём не менее 50%. В их число входили офицеры Генштаба, представители армии, артиллерии, флота, Корпуса военных топографов и инженерных войск.

Гражданские также были разных категорий: чиновники, преподаватели, священнослужители, учёные. Помимо различных чиновников, которые составляли большинство гражданских членов Отдела, например, в 1852 году были: директор Тифлисской магнитной обсерватории, ректор Курской духовной семинарии, ректор Тифлисской семинарии, главный кадий Казахского участка, благочинный Ставропольских и Кубанских армянских церквей, экзарх Грузии, верховный патриарх и католикос всех армян, один священник, один профессор, шесть учителей, один купец¹⁴².

Из 130 членов Отдела на май 1852 года 56 были военными, а остальные штатскими. Военные чины были как действующими, так и отставными (1 человек) и «представительскими» (например, владетель Мингрелии генерал-майор князь Давид Леванович Дадиян). С мая 1852 по май 1853 года отдел пополнился на 52 человека (48 действительных и 4 члена-сотрудника), из которых 25 были офицерами армии, флота, инженерных войск и гвардии.

У большей части гражданских чинов были указаны в списке только их чины, а из тех, у кого имелись иные обозначения, два были почётными гражданами, а по одному: протоиерей, священник, учитель гимназии и чиновник таможенного ведомства¹⁴³. С 16 декабря 1853 года по 27 июня 1855 года было избрано

17 человек, из которых пять были военными, 10 гражданских чинов, один почётный гражданин, один игумен, инспектор Тифлисской семинарии¹⁴⁴. С 1857 по 1860 год КОИРГО пополнился на 25 человек. Из них 11 были военными, 11 гражданскими чиновниками, один член дипломатической миссии в Китае, один доктор медицины и один священник¹⁴⁵.

В 1900 году из 31 члена 11 были военными, два – инженерами путей сообщения, семь гражданскими чиновниками, четыре – учёными или преподавателями, два – медиками, а положение трёх не было указано¹⁴⁶. К 1 января 1901 года количество членов Отдела увеличилось до 54 человек. Из них больше всего было гражданских чиновников – 21 человек, затем шли военные – 14, преподаватели – семь, по два врача и горных инженера, по одному присяжных поверенных, врачей, священников, а у трёх род занятий в списках не был указан¹⁴⁷.

Таким образом, на протяжении своего существования с 1851 по 1915 год КОИРГО имел в своём составе следующие категории членов: почётные члены, действительные члены (или члены-сотрудники) ИРГО, перечисленные в действительные члены Отдела (двойные члены), действительные члены, члены-сотрудники, члены-соревнователи, члены-корреспонденты и пожизненные члены. Из них только последняя категория не была предусмотрена «Уставом ИРГО». Лишь действительные члены двух категорий избирались в Отдел всегда и составляли его основу. Почётные члены избирались до 1872 года, а затем их избрание было возобновлено в 1911 году. Члены-сотрудники, по имеющимся в нашем распоряжении данным, избирались до 1889 года, а последний после долгого перерыва был принят в Отдел в 1914 году. Члены-соревнователи существовали только на начальном этапе развития Отдела: последний стал таковым в 1856 году и числился в КОИРГО до начала 1880-х годов. Член-корреспондент в истории Отдела был лишь один, а пожизненные члены появились в конце XIX века и существовали до революции 1917 года.

Количество членов КОИРГО колебалось в разные годы волнообразно: в результате реформ следовал прилив членов, после чего их количество постепенно сокращалось, чтобы вновь возрасти вследствие очередных преобразований в Отделе, рассчитанных на его популяризацию и активизацию работы. Попасть в Отдел можно было сначала по приглашению, а затем – только через избрание. Члены ИРГО зачислялись в КОИРГО по желанию в случае их пребывания на Кавказе. Наибольшая цифра членов КОИРГО, из известных нам, составляла 188 человек к 31 марта 1883 года, наименьшая – 31 к 1 января 1900 года. В состав Отдела входили люди разных социальных категорий, но все они имели образование не ниже среднего.

Большую часть членов Отдела составляли военные и чиновники. Кроме того, в него входили учителя, преподаватели, дипломаты, священнослужители, знатные лица без профессии, учёные, инженеры, медики, работники судебного ведомства и пр.

Изначально члены КОИРГО должны были жить в Кавказском крае, а по выезду из него слагали с себя звания членов. Однако почти с начала существования Отдела появились исключения из этого правила, которые со временем перестали быть таковыми: уже в последней четверти XIX века география местожительства членов КОИРГО расширилась на большую часть России и зарубежье. Тем не менее, большинство из них всё же проживало на территории Кавказа.

Примечания

¹ Устав Императорского Русского географического общества и положения об отделах Кавказском, Сибирском, Северо-западном, Оренбургском и Юго-западном. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1875. С. 5.

² Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ЗКОИРГО). 1852. Кн. 1. С. 226.

³ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 216.

⁴ Известия Императорского Русского географического общества (далее – ИИРГО). 1872. Т. 8. С. 174, 179.

⁵ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 248.

⁶ Устав Императорского Русского географического общества и положения об отделах Кавказском, Сибирском, Северо-западном, Оренбургском и Юго-западном. С. 5–6.

⁷ Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ИКОИРГО). 1902. Т. 15. № 5. С. 324.

⁸ ИКОИРГО. 1911–1912. Т. 21. № 2. С. 80.

⁹ Там же. С. 84.

¹⁰ Отчёт Кавказского отдела Императорского Русского географического общества за 1915 год. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1916. С. 4.

¹¹ ИКОИРГО. 1913–1914. Т. 22. № 1. С. 33.

¹² ИКОИРГО. 1913–1914. Т. 22. № 3. С. 298.

¹³ ИКОИРГО. 1914. Т. 22. № 4. С. 395.

¹⁴ Там же. С. 396.

¹⁵ Отчёт КОИРГО за 1915 год. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1916. С. 4–5.

¹⁶ Кавказский календарь на 1857. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1856. С. 563.

¹⁷ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 60.

¹⁸ Там же. С. 69.

¹⁹ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 13.

²⁰ Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 года до конца 1882 года / составлен правителем дел Отдела Л.П. Загурским. Тифлис: Типография Главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1883. С. 6.

²¹ Там же. С. 7.

²² Там же.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Устав Императорского Русского географического общества и положения об отделах Кавказском, Сибирском, Северо-западном, Оренбургском и Юго-западном. С. 4.

²⁵ ЗКОИРГО. 1852. Кн. 1. С. 222–223.

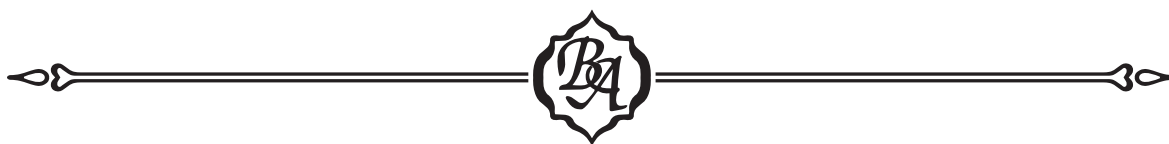
²⁶ Там же. С. 198.

²⁷ Там же. С. 214.

²⁸ Устав Императорского Русского географического общества и положения об отделах Кавказском, Сибирском, Северо-западном, Оренбургском и Юго-западном. С. 8–9.

²⁹ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 216.

³⁰ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 293.

- ³¹ ЗКОИРГО. 1857. Кн. 4. С. 242.
- ³² ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 73.
- ³³ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 82. Впрочем, последний не смог заняться делом: хан прислал в Отдел официальный отказ. См. ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 5.
- ³⁴ ЗКОИРГО. 1852. Кн. 1. С. 221.
- ³⁵ Там же. С. 227.
- ³⁶ Там же. С. 233.
- ³⁷ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 216.
- ³⁸ Отчёт КОИРГО за 1870 год. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1871. С. 21.
- ³⁹ ИКОИРГО. 1889. Т. 10. № 1. С. 31.
- ⁴⁰ ИКОИРГО. 1900. Т. 13. № 3. С. 66.
- ⁴¹ ИКОИРГО. 1900. Т. 13. № 3. С. 67.
- ⁴² Отчёт ИРГО за 1879 год. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1880. С. 81.
- ⁴³ Отчёт ИРГО за 1883 год. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884.
- ⁴⁴ Впрочем, к сведениям «Кавказских календарей» с конца 1850-х гг. нужно относиться осторожно. Во-первых, сведения в них давались с задержкой сначала на год, позже – на два. Во-вторых, не совсем ясно, когда составлялись эти списки. В-третьих, действительные члены ИРГО не всегда фиксировались как таковые. Отчёты Отдела в этом отношении куда точнее, хотя именно на их основе делались справки о КОИРГО в «Кавказском календаре».
- ⁴⁵ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 41.
- ⁴⁶ Отчёт ИРГО за 1864 год // Приложение к: Отчёт ИРГО за 1865 год. СПб.: Типография Безобразова и К, 1866. С. 33.
- ⁴⁷ ИИРГО. 1870. Т. 6. С. 64.
- ⁴⁸ Там же. С. 231.
- ⁴⁹ Отчёт КОИРГО за 1870 год. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1871. С. 21.
- ⁵⁰ Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 года до конца 1882 года... С. 33–34.
- ⁵¹ Там же. С. 85.
- ⁵² ИКОИРГО. 1901. Т. 14. № 2. С. 49.
- ⁵³ ИКОИРГО. 1902. Т. 15. № 3. С. 138.
- ⁵⁴ ИКОИРГО. 1903. Т. 16. № 2. С. 45.
- ⁵⁵ ИКОИРГО. 1904. Т. 17. № 2. С. 92.
- ⁵⁶ ИКОИРГО. 1906. Т. 18. № 4. С. 263.
- ⁵⁷ ИКОИРГО. 1907. Т. 19. № 2. С. 133.
- ⁵⁸ ИКОИРГО. 1909. Т. 20. № 1. С. 89.
- ⁵⁹ ИКОИРГО. 1909–1910. Т. 20. № 2. С. 4.
- ⁶⁰ Отчёт о деятельности и состоянии КОИРГО в 1909 году. Тифлис: Без издательства, 1910. С. 217.
- ⁶¹ ИКОИРГО. 1901–1912. Т. 21. № 2. С. 65.
- ⁶² ИКОИРГО. 1911–1912. Т. 21. № 4. С. 301.
- ⁶³ ИКОИРГО. 1913–1914. Т. 22. № 1. С. 33.
- ⁶⁴ ИКОИРГО. 1913–1914. Т. 22. № 2. С. 158, ИКОИРГО. 1914. Т. 22. № 4. С. 403.
- ⁶⁵ Отчёт КОИРГО за 1915 год. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1916. С. 13.
- ⁶⁶ Устав Императорского Русского географического общества и положения об отделах Кавказском, Сибирском, Северо-западном, Оренбургском и Юго-западном. С. 21–22.
- ⁶⁷ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 31.
- ⁶⁸ ЗКОИРГО. 1857. Кн. 4. С. 239.
- ⁶⁹ ЗКОИРГО. 1852. Кн. 1. С. 195.
- ⁷⁰ Устав Императорского Русского географического общества и положения об отделах Кавказском, Сибирском, Северо-западном, Оренбургском и Юго-западном. С. 5.
- ⁷¹ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 216.
- ⁷² ИКОИРГО. 1889. Т. 10. № 1. С. 21.
- ⁷³ Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 года до конца 1882 года... С. 51.
- ⁷⁴ Там же. С. 40.
- ⁷⁵ Там же. С. 40–41.
- ⁷⁶ Там же. С. 41–43.
- ⁷⁷ Устав Императорского Русского географического общества и положения об отделах Кавказском, Сибирском, Северо-западном, Оренбургском и Юго-западном. С. 21–22.
- ⁷⁸ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 7.
- ⁷⁹ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 264.
- ⁸⁰ ЗКОИРГО. 1857. Кн. 4. С. 248.
- ⁸¹ Там же. С. 239–240.
- ⁸² ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 16.
- ⁸³ Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 года до конца 1882 года... С. 43.
- ⁸⁴ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 25.
- ⁸⁵ Отчёт КОИРГО за 1915 год. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1916. С. 13.
- ⁸⁶ ИКОИРГО. 1900. Т. 13. № 1. С. VII–X.
- ⁸⁷ ИКОИРГО. 1901. Т. 14. № 2. С. 49.
- ⁸⁸ ИКОИРГО. 1902. Т. 15. № 3. С. 138.
- ⁸⁹ ИКОИРГО. 1903. Т. 16. № 2. С. 45.
- ⁹⁰ ИКОИРГО. 1904. Т. 17. № 2. С. 92.
- ⁹¹ ИКОИРГО. 1906. Т. 18. № 4. С. 263.
- ⁹² ИКОИРГО. 1907. Т. 19. № 2. С. 134.
- ⁹³ ИКОИРГО. 1909. Т. 20. № 1. С. 89.

- ⁹⁴ ИКОИРГО. 1909–1910. Т. 20. № 2. С. 5.
- ⁹⁵ ИКОИРГО. 1901–1912. Т. 21. № 2. С. 65; Отчёт о деятельности и состоянии КОИРГО в 1909 году. Тифлис: Без издательства, 1910. С. 217.
- ⁹⁶ ИКОИРГО. 1911–1912. Т. 21. № 4. С. 301; ИКОИРГО. 1913–1914. Т. 22. № 1. С. 33.
- ⁹⁷ ИКОИРГО. 1913–1914. Т. 22. № 2. С. 158.
- ⁹⁸ ИКОИРГО. 1914. Т. 22. № 4. С. 403.
- ⁹⁹ Отчёт КОИРГО за 1915 год. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1916. С. 13.
- ¹⁰⁰ ИКОИРГО. 1900. Т. 13. № 1. С. X.
- ¹⁰¹ Устав Императорского Русского географического общества и положения об отделах Кавказском, Сибирском, Северо-западном, Оренбургском и Юго-западном. С. 6.
- ¹⁰² Подсчитано по спискам.
- ¹⁰³ Подсчитано по спискам.
- ¹⁰⁴ Подсчитано по спискам.
- ¹⁰⁵ Подсчитано по спискам.
- ¹⁰⁶ В другом источнике указана общая численность действительных членов – 90 человек [Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 года до конца 1882 года... С. 34].
- ¹⁰⁷ Данные за период с 15 августа 1876 г. по 15 июля 1877 г.
- ¹⁰⁸ Сведения повторяют информацию «Кавказского календаря на 1878 год», данные за период с 15 августа 1876 г. по 15 июля 1877 г.
- ¹⁰⁹ Сведения на 1878 г.
- ¹¹⁰ Сведения за 1879 г.
- ¹¹¹ Данные на 1880 г.
- ¹¹² Отчёт о деятельности и состоянии КОИРГО в 1883 году. Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1884. С. 10.
- ¹¹³ Сведения за 1882 г.
- ¹¹⁴ Сведения на 1883 г.
- ¹¹⁵ Данные на 1884 г.
- ¹¹⁶ Почётные члены указывались в числе действительных членов КОИРГО.
- ¹¹⁷ Почётные члены указывались в числе действительных членов КОИРГО.
- ¹¹⁸ ИИРГО. 1871. Т. 7. С. 233.
- ¹¹⁹ Там же. С. 233.
- ¹²⁰ Там же. С. С. 233.
- ¹²¹ Данные неполные.
- ¹²² ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 2.
- ¹²³ Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 года до конца 1882 года... С. 37.
- ¹²⁴ Там же. С. 52.
- ¹²⁵ ИКОИРГО. 1901. Т. 14. № 2. С. 50.
- ¹²⁶ ИКОИРГО. 1902. Т. 15. № 3. С. 134–138.
- ¹²⁷ ИКОИРГО. 1903. Т. 16. № 2. С. 40–45.
- ¹²⁸ ИКОИРГО. 1904. Т. 17. № 2. С. 86–92.
- ¹²⁹ ИКОИРГО. 1907. Т. 19. № 2. С. 129–133.
- ¹³⁰ ИКОИРГО. 1909. Т. 20. № 1. С. 84–89.
- ¹³¹ ИКОИРГО. 1909–1910. Т. 20. № 2. С. 2–4.
- ¹³² ИКОИРГО. 1909–1910. Т. 20. № 3. С. 214–217.
- ¹³³ Отчёт о деятельности и состоянии КОИРГО в 1909 году. Тифлис: Без издательства, 1910. С. 114–117.
- ¹³⁴ ИКОИРГО. 1901–1912. Т. 21. № 2. С. 62–65.
- ¹³⁵ ИКОИРГО. 1911–1912. Т. 21. № 4. С. 296–301.
- ¹³⁶ ИКОИРГО. 1913–1914. Т. 22. № 1. С. 28–33.
- ¹³⁷ ИКОИРГО. 1913–1914. Т. 22. № 2. С. 152–158.
- ¹³⁸ ИКОИРГО. 1914. Т. 22. № 4. С. 395–403.
- ¹³⁹ Отчёт КОИРГО за 1915 год. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1916. С. 4–13.
- ¹⁴⁰ Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 года до конца 1882 года... С. 52.
- ¹⁴¹ Отчёт КОИРГО за 1870 год. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1871. С. 2.
- ¹⁴² ЗКОИРГО. 1852. Кн. 1. С. 226–232.
- ¹⁴³ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 216–219.
- ¹⁴⁴ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 293–294.
- ¹⁴⁵ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 84.
- ¹⁴⁶ ИКОИРГО. 1900. Т. 13. № 1. С. VII–X.
- ¹⁴⁷ ИКОИРГО. 1901. Т. 14. № 2. С. 46–49.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-24-30

Вальдемар Шмидт

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ О ПОЛОЖЕНИИ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В XIX – начале XX века «армянский вопрос» представлял собой комплекс проблем, которые были тесным образом связаны с армянским и шире – христианским населением Османской империи, в результате чего данный вопрос явился составной частью так называемого Восточного вопроса. Анализируя положение армян в Османской империи в конце XIX – начале XX века, автор на основе публикаций региональной прессы Германии попытался выявить подлинные причины трагических событий, которые привели впоследствии к депортации и истреблению армян.

Интерес к истории «армянского вопроса», впрочем, как и к истории положения армянского населения на территории Османской империи, можно считать одной из ключевых проблем положения национальных меньшинств в Турции в период перед началом Первой мировой войны. Антиармянская политика, проводившаяся правительством Османской империи, была одним из методов решения внутренних и внешних проблем в период острейшего кризиса, в котором находилась Турция. Данная политика в основном обосновывалась шовинистической доктриной пантюркизма, которая призывала к созданию мононационального государства, где привилегии полагались одной нации – туркам.

К тому же политика младотурок, направленная против армянского населения страны, являлась продолжением курса, взятого в период правления Абдул Хамида II. Ещё одним поводом для антиармянских действий в Османской империи стало то, что положение армянского населения в Турции как национального и конфессионального меньшинства использовали в своих политических целях великие державы.

Одним из важных источников в освещении событий, происходивших в Османской империи перед началом Первой мировой войны, следует считать периодическую печать как инструмент пропаганды. Помимо этого, она была одним из главных источников информации для населения. В данной статье автор поставил определённую цель: рассмотреть вопрос, как региональная печать кайзеровской Германии освещала трагедию армянского населения Османской империи и какую роль она сыграла в формировании общественного мнения в немецком обществе и в оценке происходивших событий. Помимо этого, целью статьи было рассмотрение описания результатов и причин событий в материалах региональной прессы.

К сожалению, сообщения региональной прессы кайзеровской Германии в исторических исследованиях, посвящённых положению армянского населения в Османской империи, ещё не привлекались к анализу этих событий, и поэтому до сих пор как исторический источник играли второстепенную роль. Основным объектом исследования стали региональные газеты Германии, публиковавшие информацию о действиях в отношении армянского населения в Османской империи перед началом Первой мировой войны, а точнее, о событиях в вилайете Адана и других округах этой провинции.

Газетные публикации региональной прессы Германии можно считать одним из основополагающих источников по проблеме положения армянского населения. Надо отметить, что материалы региональной прессы очень подробно сообщали о событиях, происходивших в Османской империи, и о деятельности правительства в отношении армянского населения страны. Однако, несмотря на то, что в региональной прессе моменты,

связанные с притеснением армянского населения, освещались широко, они всё-таки были подвержены определённой цензуре, хотя редакторы региональных газет через посредство иностранных коллег были хорошо информированы о происходивших событиях. Поэтому в основном материалы о положении армянского населения в Османской империи базировались на материалах турецких печатных агентств, которые содержали грубейшую ложь о создавшемся положении.

По мере того, как ухудшалось положение армянского населения в Османской империи, формировалось общественное мнение Германии. Если в 90-е годы XIX века в Германии наблюдалась поддержка деятельности османского правительства в отношении армянского населения и среди населения преобладала чисто антиармянская направленность, то события 1909 года в Адане, напротив, способствовали тому, что в общественном мнении Германии произошло разделение. Общественное мнение страны не только требовало от правящих кругов разъяснения по поводу массового уничтожения армянского населения, но также критически относилось к высказываниям периодической печати по данной проблеме¹.

Перед распадом Османской империи её население насчитывало 25 миллионов человек, причем 85% составляли жители сельской местности. Армянская делегация, участвовавшая в деятельности Берлинского конгресса 1878 года, предоставила статистику о том, что на территории Османской империи проживало около трёх миллионов армян. Однако реформы, обещанные по условиям Берлинского конгресса, султан Абдул Хамид II проводить, конечно, не собирался. Жалобы армян европейским державам, которые теоретически являлись гарантами этих реформ, его раздражали. В 1894 году, желая сломить сопротивление, он учинил резню в Сасуне. В результате чего последовал дипломатический протест России, Франции и Англии, но Абдул Хамид II счёл это вмешательством во внутренние дела Турции. И пришёл к мысли о том, что наличие армян в составе империи может послужить предлогом к её дальнейшему расчленению. Исходя из этих мыслей,

султан Абдул Хамид II решил их уничтожить, и для этой цели были созданы специальные банды «хамидие», состоявшие из добровольцев и уголовников, к которым подключались войска и полиция. Избиение развернулось по всей стране.

Как вспоминал очевидец: «Начали убивать, жечь. Испуганные армяне бегут из домов в поле, в горы. Но большая часть попадает на дороге в руки турок и находит себе страшную смерть. Одних кидают в огонь, других вешают вниз головой, как баранов, и сдирают кожу, третьих рубят и режут на куски топорами и серпами, четвёртых поливают керосином и сжигают, на последних кладут другие жертвы, которые задыхаются от дыма. Многих зарывают живыми в землю, других обезглавливают, и головы их сажают на длинные шесты. Человек по пятьдесят армян турки связывают верёвками в одну группу, расстреливают их, и трупы их крошат топорами и саблями. Вырывают груди у женщин, четвертуют их, кладут им порох в волосы и поджигают его. Беременным женщинам распарывают животы, извлекают зародыш и уничтожают его. Подобные же сцены неизменно повторяются и в других местах»². Было уничтожено свыше 300 тысяч человек, 100 тысяч бежали в Россию, Болгарию, Египет.

В период острейшего внутривластного кризиса в Османской империи в 90-х годах XIX века из различных группировок в изгнании сформировалась младотурецкая оппозиция, деятельность которой была направлена против режима Абдул Хамида II. Однако на конгрессе 1902 года произошло разделение этого движения на два политических крыла с различными политическими программами и разными взглядами на дальнейшее развитие Турции: националистическое и либеральное. Либералы под руководством принца Сабахаддина требовали создания конституционной монархии, а также выступали за улучшение отношений и сотрудничество с представителями национальных меньшинств, населяющих Османскую империю.

Националистическое крыло в младотурецком движении под руководством Ахмеда Рызы критиковало федералистские взгляды последователей либералов и резко высту-

пало против вмешательства иностранных государств во внутреннюю политику Османской империи. Националистические воззрения Ахмеда Рызы и его последователей нашли огромный отклик, прежде всего среди младотурецкой интеллигенции. Большую роль в пропаганде националистических идей сыграла газета Ахмеда Рызы «Консультант», которая распространялась через дипломатические миссии в Османской империи. Она также была популярна в крупных городах среди оппозиционных групп, основу которых составляли офицеры и интеллигенция³.

На первой стадии движения младотурок они искали возможность найти контакт с представителями национальных меньшинств, чтобы совместно бороться против деспотического режима Абдул Хамида II. Они также пытались привлечь к этой борьбе и сотрудничеству армянские организации Османской империи. В июле 1906 года в Париже состоялась встреча представителей младотурок с руководителями армянских партий, однако на этой встрече не было достигнуто единого решения относительно «армянского вопроса» и реформ, поэтому армянская сторона отклонила предложения младотурок о сотрудничестве. В 1907 году младотурки смогли склонить к сотрудничеству руководителей армянской политической организации дашнаков. В результате этого была принята минимальная программа совместных действий⁴.

В конце декабря 1907 года в Париже состоялся II съезд оппозиционных сил Османской империи. В нём приняли участие представители младотурок, а также представители армянских партий. В принятой на съезде декларации народы Османской империи призывались к совместной борьбе, а впоследствии к всеобщему восстанию против режима Абдул Хамида II. Младотурки не решили основные вопросы, касавшиеся армянского населения, но они обязывались в результате победоносного окончания восстания дать армянскому народу конституционные свободы.

Однако приход к власти младотурок ознаменовал собой дальнейшее обострение армянской проблемы и способствовал развитию репрессивных мероприятий про-

тив армянского национального меньшинства в Османской империи. Одновременно с контрреволюционным мятежом в Киликии произошла волна армянских погромов, один из самых кровавых имел место в Адане.

В 1909 году успешная революция младотурок способствовала отречению Абдул Хамида II. Позиция Германии и её отношение к происходившим в Османской империи событиям определялись чисто экономическими и финансовыми интересами. Исходя из этих принципов, Германия в противовес англо-французскому влиянию стремилась поддерживать реформы, в результате которых турецкое национальное государство должно было соответствовать европейским стандартам, что способствовало бы стабилизации положения⁵. После захвата власти младотурками в апреле 1909 года националистические тенденции в руководстве затронули не только христианское население, но и мусульманские национальности империи, в частности, курдов. Все нетурецкие этносы находились под политическим, экономическим и культурным давлением со стороны правительства⁶.

Новый режим младотурок проводил политику, направленную на создание национального государства, в котором турецкий народ должен был иметь больше привилегий, чем другие национальности. Надо отметить, что при режиме младотурок религиозное неравенство начало дополняться расистской пропагандой, так как главной целью нового режима было стремление к созданию «Великого Турана», в который бы входили все мусульманские народы. Однако препятствием для осуществления этой задачи являлись восточные вилайеты (губернии) Турции. В Ванском, Эрзерумском, Битлисском, Сивасском, Диарбекирском, Хармутском вилайетах и в Киликии большинство населения составляли армяне. При геополитических воззрениях младотурок единственной возможностью для осуществления их идей являлась необходимость эту помеху уничтожить.

Другим моментом, который обуславливал враждебное отношение младотурок к армянскому населению восточных вилайетов, стало то, что среди армян было много состоятельных людей, им принадлежало 60% импорт-

ной, 40% экспортной и 80% внутренней торговли Турции. Конфискация имущества армян давала младотуркам возможность пополнить государственную казну. Кроме того, потеря в Балканских войнах территорий, населённых греками, болгарам, македонцами, усиливала опасение режима младотурок относительно того, что аналогичные процессы могут начаться и в Азиатской Турции.

События апреля 1909 года явились одним из этапов в запланированном истреблении армянского населения Трапезунда, Эрзерума, Вана, Битлиса, Диарбекира, Киликии и Константинополя. Массовые погромы и убийства в Адане в 1909 году похоронили надежды армянского населения Османской империи на спокойное проживание. Аданские погромы способствовали серии погромов против армянского населения и в других местах Османской империи. Убийства армянского населения имели место в Тарсуне, Хамидие и других местах. В 1909 году на Средиземноморском побережье, в Адане, младотурки полностью повторили действия Абдул Хамида II, учинив резню, в результате которой было уничтожено 30 тысяч армян. Однако европейская дипломатия оставила данные эксцессы почти без последствий, потому что в этот период в полной мере разгорелось соперничество за обладание влиянием на обновлённую Турцию, и, следовательно, ни одна из великих держав не стремилась к осложнению взаимоотношений с правительством Османской империи.

События, произошедшие в апреле 1909 года в провинции Адана, оставались актуальными на страницах региональной прессы кайзеровской Германии, так как газетные публикации информировали читательскую аудиторию не только о создавшемся положении, но также и о позиции великих держав и их отношении к этим событиям. 17 апреля 1909 года «Annener Zeitung» в передовой статье «Кризис в Турции» сообщала о положении армянского населения в провинции Адана. В газете отмечалось, что «из Аданы имеется информация следующего характера, что город охвачен пожарами и на улицах происходит массовое избиение населения»⁷. 19 апреля 1909 года «Cannstatter Zeitung» ин-

формировала читателя, что «Адана является местом, где произошло массовое убийство христианского населения»⁸.

О дальнейших событиях, связанных с положением армянского населения в Турции, сообщала газета «Bürener Zeitung» в статье «Младотурки на пути в Константинополь»: «Существующие положение в Турции до сих пор окончательно не получило должных разъяснений. Что касается погрома, произошедшего в Адане, то распространились слухи, что виновниками событий являются курды из деревень в окрестностях Смирны, которые проводили избиения и разрушения в Адане, а также погром против армян и турок. Жертвами террора стали не только армяне, но и турки, которые оказали защиту христианскому населению города»⁹.

Газета «Dortmunder Zeitung» в заметке «О положении в Адане» информировала читателей о том, что «погром в Адане начался на рынке. Позже на телеграфе было убито пять армян. Армяне предприняли организацию защиты, которая продолжалась 48 часов. Христианские базары в Адане были разграблены и сожжены. Тысячи человек остались без крова, а так как большая часть города разрушена и его продовольственные склады разграблены, то имеется угроза развития голода. Армянские деревни в округе Аданы полностью разрушены, там царит паника, и весь вилайет находится в состоянии анархии»¹⁰.

30 апреля 1909 года газета «Aachener Anzeiger. Politisches Tageblatt» опубликовала информацию о ситуации в Османской империи после свержения режима Абдул Хамида II. В данном сообщении имелись также сведения о положении армянского населения в провинции Адана. Как писал корреспондент из Мессины, «ситуация в Адане вновь обострилась, и к 26 апреля число жертв погрома достигло 2000 человек. Положение ещё более ухудшается, — отмечал корреспондент, — вследствие участия турецких войск в преследовании армян. Имеется также предположение об опасности нападения турецких войск на учреждения миссионеров, где ищут защиты армяне-беженцы. Армяне также бегут из Мессины, где пока господствует спокойствие, в Сирию и Бейрут. Европейские

государства послали губернатору Аданы требование предпринять меры по защите и безопасности беженцев»¹¹.

30 апреля 1909 года газета «Central-Volksblatt für Regierungsbezirk Arensberg» в статье «О положении в Турции» также затронула вопрос о создавшейся ситуации среди армянского населения. В частности, газета писала, что «из консульских отделений поступают сообщения о кровавых столкновениях между турками и армянами. Беспорядки в Адане продолжают. По сообщениям из Аданы, в соседнем поселении в церкви было сожжено 100 протестантских миссионеров»¹². Далее корреспондент подробно сообщал о событиях в Мессине, откуда поступали сведения о жестоких сценах, напоминавших события 1895–1896 годов в Константинополе. Как отмечал корреспондент, мусульмане с того времени не изменили своего отношения к христианскому населению, несмотря на конституцию, в которой провозглашены лозунги свободы, равенства и братства. Мусульмане не считают своими братьями христиан, особенно армян.

В мае 1909 года на страницах газеты «Berliner Tageblatt» был опубликован ряд статей, основанных на свидетельствах очевидцев событий в Адане. Так, например, 1 мая 1909 года в «Berliner Tageblatt» появился материал «События в Адане», основой для него послужили сведения, представленные в газету очевидцем этих событий Вальтером Зее. Статья сообщала, что «европейцам, которые долгое время проживают в Турции и имеют отношения с населением, уже давно известно, что между армянским и мусульманским населением имеются противоречия». Как писал далее Вальтер Зее, «в Адане я увидел тысячу рабочих-курдов, которые были вооружены и быстро заполняли улицы. На пути к железнодорожному вокзалу я видел 14 убитых, в основном армян. Уже после приходили известия, что и в других местах происходили погромы – в Александретте, Мараше, Османе, Гамиде и Биче. Не было сомнения, что эти действия были организованным, всеобщим реакционным заговором турок против ненавистных армян. Все мусульмане во время погрома носили специальный знак»¹³. 14 мая

1909 года воспоминания Вальтера Зее как очевидца событий в Адане были опубликованы в «Berliner Tageblatt» в статье «Погром в Адане»¹⁴.

О трагедии армянского населения в Османской империи было помещено небольшое сообщение в газете «Westfälische Tageszeitung», в котором отмечалось, что «турецкие вооружённые силы из Мерсины были отправлены в Адану, чтобы произвести кровавый погром проживающих там армян и уничтожить их имущество. В результате чего в провинции Адана было убито 30 000 человек»¹⁵.

В мае 1909 года газета «General-Anzeiger für Dortmund und die Provinz Westfalen» в статье «Опасное положение в Малой Азии» сообщала, что «продолжающиеся беспорядки в Малой Азии способствуют тому, что в политических кругах европейских государств растёт озабоченность по поводу этих событий. Особенно их тревогу вызывают ситуация и положение, сложившиеся среди армян в Мерсине, в Тарфусе, в Александретте и в Латашехе»¹⁶. Автор статьи также указывал, что Абдул Хамид II как организатор армянского погрома 1896 года несёт ответственность за происходившие политические события. Помимо этого, в статье отмечалось, что целью младотурок является прежде всего организация вооружённых сил против банд убийц и организация защиты армянского населения. В дальнейшем редакция газеты «General-Anzeiger für Dortmund und die Provinz Westfalen» продолжала информировать своих читателей о событиях, происходивших в тех провинциях Османской империи, где проживало армянское население. Так, в статье «Буря в Армении» от 11 мая 1909 года прямо говорилось о том, что «представители французского консульства подтвердили сведения о продолжающемся погроме армян в Александретте, и что младотурецкий комитет, несмотря на своё заявление о прекращении насилия, не смог найти действенного средства для его прекращения»¹⁷.

13 мая 1909 года в «Norddeutsche Zeitung» в статье «К ситуации в Малой Азии» на основе сообщения корреспондента из Мессины говорилось следующее: «Установлено точно,

что беспорядки в Адане могли бы и не произойти, если бы они не были организованы органами турецкого правительства. В Адане и окрестностях в погромах принимали участие солдаты регулярной армии. Офицеры были бессильны остановить беспорядки. Один офицер признался, что каждый солдат имел распоряжение властей убивать армянское население»¹⁸. 14 мая 1909 года газета «Berliner Börsen-Zeitung» в передовой статье, посвящённой положению армян, правдиво писала, что «последние кровавые события, произошедшие среди армян, есть продолжение жестокостей исламского фанатизма и расовой ненависти. В новых вилайетах Эрзеруме, Битлисе, Ване, Диарбекире, Трапезунде, Адане соотношение мусульманского и армянского населения таково: 4 453 000 мусульман, 913 000 армян и 632 000 представителей других христианских конфессий. Каждый раз кровавые погромы против армян влекут за собой падение экономической жизни провинций, в которых армяне играют важную экономическую и финансовую роль. Армянский вопрос является вопросом не только в решении проблем, связанных с армянским населением Турции, но он гораздо шире и охватывает проблемы жизни и деятельности всего христианского населения, находящегося под турецким игом»¹⁹.

16 мая 1909 года газета «Schwäbische Merkur» опубликовала статью о событиях в Адане. Ссылаясь на информацию турецкой печати, газета писала, что в Адане произошли отдельные убийства, которые в дальнейшем стали причиной развития конфликта между армянами и мусульманами. Редакция газеты также отмечала, что христианские общины в Турции просят оказать помощь в ограничении беспорядков²⁰.

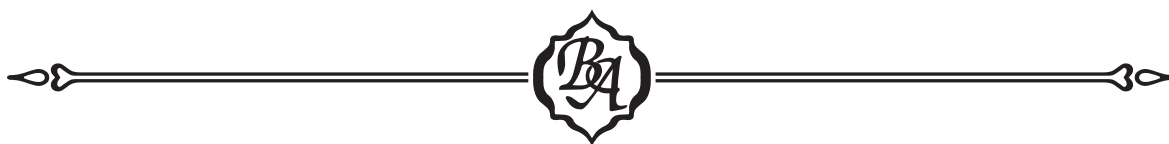
Редакция газеты «Berliner Tageblatt» активно публиковала сообщения, заметки и статьи о событиях в вилайете Адана. В июньском номере была помещена статья корреспондента газеты Эдуарда Мигида «О причинах погрома в вилайете Адана». Содержание этой статьи интересно тем, что корреспондент справедливо писал: «Погромы в Адане и больших округах, прилегающих к вилайету, ещё раз доказывают, что ответственность ве-

домственных служащих далека от сообщений турецкой стороны». Помимо этого, он указывал на то, что рассмотрение причин погрома интересно не только в личных интересах имперских подданных, но и важно прежде всего в плане сохранения престижа Европы, а также Германии. Но особо важным в этом сообщении было то, что Мигид указал три основные причины, которые, по его мнению, вызвали массовые погромы в вилайете Адана. К числу этих причин он относил следующие: «Небезопасное вступление армян в революционное движение под влиянием революционной пропаганды; неожиданно возросшее национальное сознание турок после аннексии Боснии и Герцеговины и небрежное отношение к этому вопросу Австрии; в связи с этим – рост исламистских тенденций в Турции»²¹.

Газета «Hamburgischer Korrespondent» в рубрике «Мировые события» отмечала, что «в Адане следствием погрома явилось развитие дизентерии, которая ежедневно уносит от 15 до 20 человек»²².

10 июня 1909 года «Berliner Tageblatt» вновь публикует сообщение специального корреспондента в Адане Эдуарда Мигида, в котором даётся развёрнутая характеристика сложившихся отношений в вилайете Адана и прилегающих к этому вилайету округов, где также прошли армянские погромы²³.

12 июня 1909 года газета социал-демократов Германии «Vorwärts» в заметке «К погромам в Малой Азии» сообщала об отношении младотурок к произошедшим событиям и к армянам. Газета информировала читателя о том, что «все мероприятия турецких ведомственных служащих направлены на то, чтобы остановить развитие иностранной интервенции. В связи с этим армяне были причислены к виновникам этой иностранной интервенции. Эти взгляды младотурки обосновывают тем, что во время первого погрома в Адане было убито больше мусульманского населения, чем армян. Однако, как отмечала заметка, младотурки берут во внимание то, что армяне также оказали сопротивление этому погрому. И это сопротивление армян младотурки рассматривают как сигнал для начала иностранной интервенции. Эта несостоятельная политика младотурок, которая

провозгласила равноправие всех народов Турции, только является теорией, которая в практической жизни не реализуется»²⁴.

9 июля 1909 года «Schwäbische Tagwacht» информировала, что «в вилайете Адана в результате погрома общее количество жертв достигло 19 470 человек, при этом погибло 17 790 армян и только 608 турок»²⁵.

«Hannoverscher Courier», газета, популярная в Северной Германии, в статье «Политика Рамазана» дала характеристику и оценку положения в Османской империи национальных меньшинств христианского вероисповедания. Корреспондент писал, что «греки, болгары и армяне являются причиной озабоченности нового режима младотурок. Религиозная жизнь этих национальных меньшинств находится под давлением, особенно армян; после трагических событий в Адане она практически приостановлена.

Никто не знает, когда армянский кризис закончится»²⁶.

Завершая работу по анализу материалов региональной прессы кайзеровской Германии, автор посчитал необходимым привлечь материалы газетных публикаций, в которых нашли отражение вопросы, связанные с погромами в Адане. Причём в полной мере следует считать, что погромы в Адане явились только прелюдией к более широкомасштабным акциям, направленным против армянского населения. Также следует подчеркнуть, что армянская проблема в предвоенной Турции стала показателем критической ситуации, в которой оказались национальные меньшинства империи. Помимо этого, рассмотрение публикаций периодической печати является весомым подспорьем в исследовании вопросов положения армянского населения в Турции перед началом Первой мировой войны.

Примечания

¹ Kunter, Katharina (Hrsg.). 100 Jahre Leugnung. Der Völkermord an den ArmenierInnen. Münster, 2017, S. 42.

² Шамбаров Валерий. За веру, царя и Отечество. Москва, 2003. С. 37.

³ Matuz, Josef. Das Osmanische Reich. Grundlinien seiner Geschichte. Darmstadt, 1990, S. 250.

⁴ Fikret Adanir (Hrsg.). Osmanismus, Nationalismus und Kaukasus. Muslime und Christen, Türken und Armenier im 19. und 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 2005, S. 191.

⁵ Mommsen, Wolfgang. Großmachtstellung und Weltpolitik 1870–1914. Die Außenpolitik des Deutschen Reiches. Frankfurt am Main, 1912, S. 201.

⁶ Duda H. Vom Kalifat zur Republik. Die Türkei im 19. und 20. Jahrhundert. Wien, 1948, S. 64.

⁷ Annener Zeitung vom 17.04.1909, № 45.

⁸ Cannstatter Zeitung vom 19. 04. 1909, № 89.

⁹ Bürener Zeitung vom 20.04.1909, № 47.

¹⁰ Dortmunder Zeitung vom 23.04.1909, № 203.

¹¹ Aachener Anzeiger. Politisches Tageblatt vom 30.04.1909, № 101.

¹² Central-Volksblatt für der Regierungsbezirk Arensberg vom 30.04. 1909, № 97.

¹³ Berliner Tageblatt vom 1.05. 1909, № 218.

¹⁴ Berliner Tageblatt vom 14.05. 1909, № 242.

¹⁵ Westfälische Tageszeitung vom 1.05. 1909, № 124.

¹⁶ General-Anzeiger für Dortmund und die Provinz Westfalen vom 8.05. 1909, № 125.

¹⁷ General-Anzeiger für Dortmund und die Provinz Westfalen vom 11.05.1909, № 128.

¹⁸ Norddeutsche Zeitung vom 13.05.1909, № 111.

¹⁹ Berliner Börsen-Zeitung vom 14.05.1909, № 233.

²⁰ Schwäbische Merkur vom 16.05.1909, № 112.

²¹ Berliner Tageblatt vom 4.06. 1909, № 277.

²² Hamburgischer Korrespondent vom 8.06.1909, № 268.

²³ Berliner Tageblatt vom 10.06. 1909, № 288.

²⁴ Vorwärts vom 12.06.1909, № 119.

²⁵ Schwäbische Tagwacht vom 9.07.1909, № 156.

²⁶ Hannoverischer Courier vom 28.09.1909, № 28274.

ТРАГЕДИЯ НА КАВКАЗЕ: ГИБЕЛЬ И ПОИСКИ БРИТАНСКИХ АЛЬПИНИСТОВ В 1888–1889 гг.

Горы Кавказа привлекали любителей альпинизма с XIX века. Приоритет здесь принадлежит врачу из города Тарту Фридриху Порроту, который в 1811 году предпринял три попытки покорения Казбека вместе с учёным Морицем Энгельгардом¹. Затем из крупных подъёмов можно выделить Эльбрусскую экспедицию под руководством генерала Г.А. Емануеля в 1829 году – первое летнее восхождение на Эльбрус².

Исследование гор Кавказа совместно с занятием альпинизмом стало привлекать со временем всё больше любителей горного спорта, и не только. Особенно активно их численность стала расти во второй половине века. Многие из них были иностранцами. Однако альпинизм – интересное, захватывающее, но опасное занятие. В истории кавказоведения были и трагические случаи. Один из таких случился в 1888 году и привлёк к себе большое внимание.

Английские гляциаристы – профессор Вильям Фридрих Донкин и Гарри Фокс – с двумя швейцарцами-проводниками – Каспаром Штрейхом и Иоганном Фишером летом 1888 года решили совершить восхождение на Коштан-тау³. В.Ф. Донкин был учёным-химиком, преподавателем университета, увлечённым фотографом и альпинистом; среди членов Английского альпийского клуба считалось, что ему нет равных по горным восхождениям. Г. Фокс – фабрикант, владелец нескольких предприятий – прошёл службу в Индии и занялся альпинизмом уже по возвращении в Англию. Он также считался чуть ли не самым сильным скалолазом в Альпийском клубе. Сопровождавшие их проводники также не были новичками в своем деле.

Первоначально в состав группы входил ещё один опытный альпинист – бывший хирург Клинтон Дент, президент Английского

альпийского клуба. Но он в первые дни на Кавказе подхватил инфекцию и вынужден был вернуться в Лондон⁴. Самоуверенность английских альпинистов была настолько высока, что они решили подняться на Коштан-таусскую гору без местных проводников.

В июне 1888 года классный военный топограф Военно-топографического отдела Кавказского военного округа коллежский асессор Николай Васильевич Жуков 2-й⁵ был направлен начальством на съёмку северной части Главного Кавказского хребта и попутно получил задание содействовать английским альпинистам⁶. В.Ф. Донкин и Г. Фокс посетили его лагерь 13 августа. Они общались по поводу планировавшегося ими восхождения⁷. Поскольку топограф только что закончил съёмку той местности, по которой собирались идти англичане, он показал им свои планы, рассказал о дороге. После этой встречи Н.В. Жуков не имел сведений об англичанах почти месяц⁸. Только 15 сентября, по окончании съёмок, он узнал о пропаже альпинистов от начавшего розыски вместе с переводчиком англичан Ригером их соотечественника К.Ф. Уолли (Улли, Филлипс-Уоллэ, Wollez, Wolley) – отставного капитана английской службы, состоявшего в запасе и ставшего адвокатом, а также сотрудничавшего с некоторыми печатными изданиями, который занимался охотой на Кавказе⁹.

По сообщениям начальника Нальчикского округа и начальника его 3-го участка, поиски пропавших альпинистов были начаты 13 сентября, т. е. со дня заявления об их исчезновении¹⁰. В октябрьском номере газеты «Кавказ» сообщалось, что по приказанию главноначальствующего были развёрнуты поиски пропавших, «в которых участвовал ещё один англичанин – Вуллей»¹¹. К. Филлипс-Уолли, узнавший о пропаже,

сразу же послал две телеграммы: в Петербург на имя английского посла и в Батум – на имя английского вице-консула, а сам отправился к помощнику начальника округа и лично просил его о содействии в поисках с северной стороны Кавказа. Тот снабдил его предписанием к старшине (таубию) селения Тубенель. Побывал К. Филлипс-Уолли и у пристава 3-го участка подполковника П.Е. Ловена, который также вручил англичанину открытое предписание.

«К.Ф. Уолли... отправился в Тубенель, где и пришлось ему убедиться, насколько бесцельны здесь всякие предписания: жители положительно отказывались помочь ему», – утверждал Н.В. Жуков¹². К. Филлипс-Уолли предлагал каждому по три рубля в сутки и премию в 200 рублей тому, кто найдёт следы пребывания альпинистов. Но туземцам это показалось мало. Убеждения Н.В. Жукова тоже не помогли¹³. Тогда Н.В. Жуков предложил себя в распоряжение англичанина вместе с состоявшей при нём командой казаков. Он отправил начальнику свои съёмки и сообщил, что подключается к поискам. На следующий день к поисковой экспедиции, состоявшей из топографа, англичанина и пяти казаков, присоединились ещё семь человек из местных, согласившихся работать за три рубля в сутки¹⁴. Именно такую версию изложил Н.В. Жуков в феврале 1889 года.

В октябрьском номере 1888 года «Кавказа» была помещена статья, в которой содержалась несколько иная трактовка событий. Согласно ей, 15 сентября по распоряжению окружного управления с К. Филлипс-Уолли выехали таубий безенгиевского общества, один из лучших проводников – Тенгиз Суншев, топограф Н.В. Жуков, восемь туземцев и шесть казаков. 16 и 17 сентября партия занималась поисками, но, кроме одного следа от сапог альпинистов, ничего не обнаружила. 17 сентября К. Филлипс-Уолли и Н.В. Жуков отправились обратно в Безенги, а 18-го вернулись и остальные. Трое горцев были посланы через ледник Коштан-тау к караулке в Уштулу узнать, не видели ли проходивших альпинистов. Однако по дороге они встретили К. Филлипс-Уолли и с ним 19 сентября возвратились в Безенги.

20 сентября Т. Суншев с девятнадцатью безенгиевцами возобновил поиски. Они нашли следы, вырубленные во льду топором. Но следы проходили через опасные места, по которым горцы идти не решились. Обойдя их, поисковики достигли вершины Коштан-тау, где нашли следы. Но дальше последние терялись из-за каменистости спуска. По требованию начальника 3-го участка¹⁵ подполковника П.Е. Ловена на помощь поисковикам было выслано 100 балкарцев, разделённых на несколько партий. Поиски в Уштуле и ущелье Коштан-тау велись до первых чисел октября¹⁶.

Н.В. Жуков, описывая поиски, указывал, что их отряд выдвинулся 16 сентября утром. Не доходя до ледника саженой 300, они наткнулись на следы лагеря, а позже нашли первые следы от сапог пропавших путешественников. Правда, в дальнейшем следов не было найдено. Местные жители не помогали, а шли цепочкой за К. Филлипс-Уолли. Фактически все поисковые работы вели казаки. К вечеру, на высоте примерно в 11 400 футов¹⁷, поисковиков застигла метель, и они еле спустились вниз. 17 сентября топограф порекомендовал послать через хребет Коштан к караулке трёх человек, проверить, не спустились ли случайно туда исчезнувшие путешественники. Однако проводник Т. Суншев отказывался идти и отговаривал других, поскольку местность была очень опасной. В результате за пять рублей на человека в сутки трое балкарцев согласились пойти туда. К. Филлипс-Уолли уехал в балкарское сообщество, а оттуда к караулке, чтобы расспросить там людей об альпинистах.

18 сентября вечером Н.В. Жуков получил предписание от начальника отделения съёмки приступить к розыскам пропавших. Как видим, оно несколько запоздало. Топограф решил осмотреть Коштан-тау со стороны ледника Мижирги. 19 сентября казаки, посланные им, приобрели в ближайшем селении горную обувь и горные палки, наняли опытного проводника. А 20 сентября Н.В. Жуков, проводник и шесть казаков двинулись на поиски. Вернулись они 21-го, никаких следов путешественников не найдя.

Одновременно 20 сентября от администрации были присланы два всадника, которые «чуть ли не плетью стали выгонять жителей на поиски, таким образом согнано было 19 человек». Правда, те не проявили никакой инициативы. 22 сентября приехал и пристав участка, но «насколько я мог судить по его действиям, не для того, чтобы предпринять что-либо к отысканию погибших, а для производства дознания по моим донесениям», – сообщал Н.В. Жуков. 23-го он уехал в балкарское общество. От балкарцев не было выслано ни одного человека. «Говорят, – сообщал топограф, – розыски приняли совершенно другое направление по приезде начальника округа из Владикавказа ... Но это было уже слишком поздно»¹⁸.

Таким образом, были обнаружены только стоянка и следы путешественников. Трупы исследователей так и не были найдены. Н.В. Жуков посчитал виновным в неудаче поисков переводчика В.Ф. Донкина и Г. Фокса – Ригера, который не пошёл с ними, а остался ждать внизу. Он бездействовал почти месяц, «в то время, когда ему было хорошо известно, что у путешественников после присылки последних вещей, оставалось провизии не более, как дня на два или на три, а достать её было негде. Вместо того, чтобы немедленно принять какие-нибудь меры для розыска путешественников, Ригер не делает ничего почти целый месяц и, наконец, подымается с места, благодаря только случайной встрече с начальником отделения съёмки коллежским асессором Жуковым 1-м (классный военный топограф В.В. Жуков. – О.Г.). Поверая работы, начальник отделения 10-го сентября проезжал через селение Зарашки и, узнавши здесь обо всём случившемся с путешественниками, посоветовал Ригеру немедленно отправиться в Нальчик, донести об этом окружному начальству, а затем спросить по телеграфу английского консула в Батуме, не имеет ли он каких-нибудь сведений о путешественниках со стороны Кутаисской губернии. Ригер отговаривался неимением денег для того, чтобы самостоятельно предпринять что-либо; но если он нашёл возможность, проживши в ауле целый месяц, добраться потом до Нальчика, то он мог бы сделать то

же самое и раньше. Кроме того, ему было хорошо известно, что в пяти или шести верстах от селения Зарашки, где он жил, стоит лагерь одного из наших съёмщиков, штабс-капитана Г.Д. Лукина»¹⁹. По результатам своих работ Н.В. Жуков составил описание исследованного района²⁰.

Н.В. Жуков сделал доклад о поисках англичан в общем собрании КОИРГО в начале 1889 года – 3 февраля, опубликовав его сначала в газете «Кавказ», а затем в «Известиях КОРИРГО». Этот доклад вызвал возмущение начальника 3-го участка Нальчикского округа подполковника П.Е. Ловена. Он, в свою очередь, поместил в «Кавказе» письмо-ответ²¹.

Возмущаясь, что по отчёту выходило, будто поиски английских альпинистов «производил только он, неустрашимый Жуков 2-й, что жители не хотели принять участие в розысках, а начальник участка, вместо оказания содействия... приехал в горы для производства дознания по донесениям г-на Жукова». Не оспаривая усилия и отвагу Н.В. Жукова, начальник указывал, что горцы при желании могут попасть туда, куда топограф не смог бы добраться. Но для этого нужно уметь заставить их себя слушаться. А этого умения у Н.В. Жукова не было²². «Не желая понять, что в короткое время, когда большинство населения находилось на полевых работах, невозможно достать людей для поисков, – писал он, – г-н Жуков стал кричать и браниться». Естественно, горцы не согласились ему помогать. Кроме того, подполковник отмечал, что о пропаже альпинистов узнал не от К. Филлипс-Уолли, не от Ригера, а частным образом, после чего отправился на квартиру К. Филлипс-Уолли. Найдя его на улице, он предложил помощь в поисках и объяснил, что из-за отсутствия начальника округа подполковника Д.А. Вырубова, уехавшего во Владикавказ, сам участвовать в поисках не может. Поэтому П.Е. Ловен содействовал англичанину в получении лошадей. Кроме того, по его требованию было послано из балкарских селений около 100 человек и более 50-ти – из Безенги и Хулама.

Из всего изложенного П.Е. Ловен делал вывод, что слова Н.В. Жукова о том, что балкарское общество не выслало людей –

неправда. Такая же неправда, по его словам, содержалась в утверждении, что людей выгоняли плетьюми. «Неправда, будто посланные мною всадники выгоняли жителей на поиски плетьюми; мои милиционеры – люди деликатные и вежливые: не бранятся и не дерутся», – сообщал он своему начальству²³.

Пропажа альпинистов совпала с приездом на Кавказ царской семьи. 17 сентября во Владикавказ прибыл царский поезд, на котором, помимо самого императора Александра III, находились императрица Мария Федоровна с сыновьями и наследник престола. Поэтому начальник Нальчикского округа Терской области подполковник Д.А. Вырубов отсутствовал на месте, участвуя во встрече царских особ. О трагедии английских альпинистов царю стало известно, и «дальнейшие розыски явились следствием личного приказа царя».

После возвращения начальника округа розыски были предприняты вновь. В Нальчике было начато дело № 7 по розыску «путешественников, английских подданных, не возвратившихся при исследовании ледников горы Кашкатау». Его взял под свой личный контроль Д.А. Вырубов²⁴. Высланы были люди не только из Безенги, Балкарии, Хулама, но и из Чегема. Партии насчитывали до 100 человек и обследовали ледники с одним из лучших проводников – таубием Тенгизом Суншевым.

Розыски закончились неудачей, но не по вине горцев, а потому, что начаты были очень поздно. Слишком запоздал переводчик Ригер со своим сообщением о пропаже альпинистов²⁵. 26 сентября в рапорте № 2391 П.Е. Ловеном было указано: «По причине сильных туманов, стоявших 18, 19, 20 августа, я считаю, что путешественники попали в трещину ледника, и достать их оттуда уже нельзя. Или они сорвались со скалы и их засыпало снегом, или они замёрзли в пути. Независимо от того, как они погибли, найти их сейчас маловероятно – лучше в июне следующего года, когда станут снега»²⁶.

Одним из главных виновников трагедии Ригера считали и в Англии, указывая, что из-за недостатка у него сообразительности поиски были начаты так поздно²⁷. В Англий-

ский альпийский клуб телеграмма от Ригера из Нальчика пришла только 29 сентября 1888 года. Он сообщал, что уже три недели не имеет никаких сведений об альпинистах, с которыми расстался в ущелье реки Думала. Опытным альпинистам стало ясно, что с их товарищами случилась беда. Так как было очевидно, что живыми пропавшие альпинисты уже быть не могут (они имели запасы провизии всего на три дня), то было решено перенести поисковую экспедицию от Клуба на лето следующего, 1889 года.

В конце сентября 1888 года активного деятеля Английского альпийского клуба и знатока кавказских гор (он совершил альпинистские экспедиции на Кавказ в 1868 и 1887 годах²⁸) Дугласа Уильяма Фрешфилда посетил К. Филлипс-Уолли. Он привёз Д.У. Фрешфилду дневники Г. Фокса, переданные ему переводчиком-аптекарем, «преступное молчание которого, возможно, уничтожило все шансы найти пропавших альпинистов живыми». На основании этих дневников Д.У. Фрешфилд занялся разработкой маршрута поисковой операции²⁹. 6 октября 1888 года в «Times» было напечатано письмо президента Английского альпийского клуба К.Т. Дента, «не оставлявшее несколько сомнения в том, что» В.Ф. Донкин и Г. Фокс с проводниками погибли в горах³⁰.

Таким образом к началу октября 1888 года первый этап поисков был завершён. Было выяснено, что экспедиция прошла через перевал из Сванетии в урусбиевское общество Нальчикского округа, оттуда – в безенгиевское, а затем 13 августа альпинисты отправили переводчика с вещами в балкарское общество в селение Зарашки. Сами англичане наняли проводника из местных – Беслана Ботаева с вьючной лошадью и направились вдоль реки Думала в ущелье Улаус. Через 12 вёрст они разбили лагерь. Переночевав, оставив проводника в лагере с вещами, они 14 августа сходили к горе Коштан-тау, а вернулись 16-го. Часа за три до рассвета 18 августа они сняли лагерь, вручили проводнику письмо и приказали с вещами отправиться к переводчику³¹. Позже Н.В. Жуков указывал, что оставшиеся вещи и письмо В.Ф. Донкина с просьбой прислать хлеба, чаю и сахару с та-

баком к балкарской караулке «один из жителей селения Тубенель, находившийся при Донкине», доставил 17 августа³².

Путешественники с зажжёнными фонарями пошли по направлению к горе. «Это был последний момент, когда несчастных путешественников видели люди».

Б. Ботаев передал переводчику письмо и вещи. Тот рассчитал его, нанял лошадей и через пять дней прибыл к Зарашки, где должен был встретиться с альпинистами. Последние планировали пройти свой путь за шесть дней, дойдя до селения Геби в Сванетии, а затем вернуться в балкарское общество через Уштулу. Именно туда Ригер послал письмо В.Ф. Донкину, вместе с хлебом и табаком, спрашивая, разрешит ли тот нанять лошадей по семь рублей. Посланный вернулся, сказав, что в Уштулы англичан нет, но всё он им оставил у караульщиков.

Ригер почти месяц ожидал ответа на письмо или возвращения путешественников. Только 12 сентября по совету Н.В. Жукова он отправился в Нальчик и 13-го заявил о пропаже англичан в нальчикском окружном управлении³³. Однозначно было выяснено, что с 14 по 21 августа, когда альпинисты собирались совершить свой переход, стояла плохая погода (грозы со снегом и дождём, туманы). Поэтому было высказано предположение, что англичане могли попасть в трещину и погибнуть или сорваться со скалы. До 1-го сентября их можно было отыскать живыми, поскольку больших снегопадов ещё не было. Но к 13-му уже несколько раз выпадал сильный снег. Было решено разыскивать пропавших до июля 1889 года, а затем окончательно объявить об их гибели³⁴.

Появилась версия о том, что альпинисты были убиты местными горцами³⁵. Д.У. Фрешфилд отмечал в своём дневнике: «Для русских чиновников одновременное исчезновение четырёх человек казалось невероятным событием. Возникла гипотеза о преступлении, и в высших сферах решили держать горцев под строгим подозрением и принимать должные меры. Мы не придали веры этому предположению, но и мы не могли предугадать многих подробностей печального происшествия. Как и где погибли наши

соотечественники? До или после восхождения на вершину? На утёсах или среди ледопадов, или под лавинами, которые с них скатываются? Какие реликвии можно найти с их последнего бивуака? Как глубоки их могилы под снегом? Вот вопросы, которые требовали ответа»³⁶.

В начале 1889 года брат погибшего Артур Донкин через премьер-министра маркиза Р.А. Солсбери обратился с письмом в Петербург. На заседании КОИРГО 3 февраля 1889 года были зачитаны это письмо и письмо товарища министра иностранных дел главноначальствующему на Кавказе князю А.М. Дондукову-Корсакову. А. Донкин просил своего министра передать благодарность русским властям за поиски его брата и его спутника. А А.Г. Влангали сообщил, что британский посол в русской столице обратился с такой же просьбой в русское Министерство иностранных дел³⁷. Кроме того, от Английского альпийского клуба на имя начальника Нальчикского округа была получена резолюция Клуба с благодарностью Д.А. Вырубову «за спешную и великодушную помощь в удостоверении и розыске следов секретаря клуба г-на В.Ф. Донкина и г-на Фокса»³⁸.

Трупы погибших альпинистов искали и в 1889 году в горах между Безинги и Балкаром. Для этого приезжали члены Английского альпийского клуба. Д.У. Фрешфилд подобрал поисковую команду. В розысках принимали участие президент клуба К.Т. Дент, почётный секретарь Королевского географического общества Д.У. Фрешфилд, капитан К.Г. Пауэлл (Повель, Пауель) и К. Филлипс-Уолли (Вуллей, Воуллей) с четырьмя гидами из Швейцарии³⁹. К. Филлипс-Уолли был товарищем пропавших альпинистов, капитан К.Г. Пауэлл – другом Г. Фокса (служил вместе с ним в Индии). В числе проводников находился младший брат погибшего Г. Фишера Андреас Фишер, выпускник Бёрнского университета, работавший школьным учителем⁴⁰.

В июле 1889 года они начали поиски, посетив Сванетию, и планировали оттуда ещё раз перейти через главный хребет обратно, на северный склон⁴¹. В том же месяце через Нальчик в Безинги отправилась вторая поисковая экспедиция из шести лиц во главе с итальян-

цами – братьями Эрминио и Витторио Селла. Её главной целью было фотографирование видов и ледников с восхождением на них. Но они согласились параллельно искать пропавших альпинистов⁴².

Английские путешественники, искавшие пропавших альпинистов в 1889 году, обнаружили на южном склоне перевала Уллу-аус последнюю стоянку погибших, где были найдены все их вещи. «Моё внимание, – писал Д.У. Фрешфилд, – сразу привлёк чёрный котелок, наполовину заполненный водой, в котором плавала металлическая кружка. Револьвер в кобуре висел под скалой. Пространство за стеной, а также между стеной и скалой было завалено снегом и льдом, глубиной в несколько футов. Гладь замерзшей поверхности здесь и там нарушали выступающие части рюкзаков и спальных мешков. Они не были пусты. В тот же миг нас поразила одна и та же мысль: “Что в них?”». Но уже через секунду мы убедились, что не стоит опасаться ужасной находки, ужасной, потому что она означала бы медленную смерть наших друзей. Всё было в лагере, или, по крайней мере, почти всё. Не было только их самих... Реликвии, которые мы забрали с места стоянки, были достаточны для того, чтобы убедить всех в выводах, сделанных нашей экспедицией».

Далее путешественники прошли по ближайшим селениям. Вот как это описывал Д.У. Фрешфилд: «По прибытии в любое горное селение повторялось одно и то же. Глава селения принимал нас в доме для гостей, говорил комплименты, расспрашивал о результатах нашей экспедиции. Капитан Пауэлл кратко рассказывал на русском языке, что мы предприняли, затем собиралось всё селение, и вся история повторялась более детально, в нужный момент показывались найденные предметы, сумки и револьвер. Это неизменно вызывало взрыв симпатии и интереса у слушателей, которые с большим вниманием слушали всё, что переводил им на тюркский язык их глава. В конце более или менее официальная, но всегда сердеч-

ная речь была обращена к нам: “Мы глубоко скорбим о смерти ваших соотечественников, которых мы знаем и уважаем как смелых людей. Мы сожалеем о том, что им суждено было погибнуть в нашей стране, и это бросило тень ужасно несправедливых подозрений на наше доброе имя. Вы говорите нам, что никогда не верили в эти обвинения, что вы прибыли издалека, чтобы опровергнуть их и оправдать нас, за что сердечно благодарим вас. Никто, кроме англичан, не смог бы добраться туда, где погибли Донкин и Фокс и где также побывали и вы. Мы узнали и восхищаемся английской энергией, и каждый англичанин будет среди нас желанным гостем. Ваших друзей будут всегда встречать, как дорогих гостей”. И затем говоривший заканчивал речь традиционной восточной фразой: “Мы братья, и всё, что мы имеем, в вашем распоряжении”».

Конечно, не всё, что приводил англичанин, можно считать достоверным. Особенно это касалось цветистых речей с восхвалениями «английских качеств». Но нельзя не согласиться с тем, что находка последней стоянки погибших с их нетронутыми вещами окончательно сняла подозрения с местных горцев в возможном убийстве ими альпинистов с целью грабежа. «За 23 декабря 1917 года в отчёте альпийского клуба имеется запись: “Туземцы, гостеприимством которых англичане пользовались в течение стольких лет, были очищены от несправедливых подозрений в убийстве альпинистов. Это стало возможным благодаря экспедиции Дугласа Фрешфилда”»⁴³.

Таким образом, в результате поисков осени 1888 – лета 1889 года русскими, местными и английскими поисковиками тела В.Ф. Донкина, Г. Фокса, К. Штрейха и И. Фишера так и не были обнаружены. Тем не менее, по находкам был выяснен их последний путь и установлено, что пропавшие альпинисты сделали попытку восхождения на Коштан-тау, но снежным или каменным обвалом были увлечены в пропасть⁴⁴.

Примечания

¹ *Возиянова И.С.* О зарождении альпинизма в Северной Осетии // *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. Вып. 4. С. 39.

² *Колосовская Т.А.* Из истории военно-разведывательного изучения Северного Кавказа (по материалам Эльбрусской экспедиции генерала Г.А. Емануеля 1829 г.) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2016. № 1. С. 47–52.

³ *Жуков Н.* Подробные сведения о розысках погибших английских альпинистов Донкина и Фокса // *Кавказ*. 1889. № 36. С. 3; *Жуков Н.* Разыскивание английских альпинистов: Донкина и Фокса, погибших при восхождении на Кошкан-тау // *Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества* (далее – ИКОИРГО). 1887. Т. 9. № 2. С. 450–459; Извлечение из некрологов, посвящённых памяти Донкина и Фокса // ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 468.

⁴ *Фрешфилд Д.* Отрывок из сочинения «Исследования Кавказа» / Пер. с англ. Катерины Цагараевой; историческая справка к переводу И.Н. Бочаровой // *Дарьял*. 2018. № 3. URL: https://www.darial-online.ru/material/2018_3-freshfield

⁵ 12 декабря 1888 года за участие в поисках и доставление в Отдел географических сведений он был избран действительным членом Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ИКОИРГО).

⁶ *Жуков Н.* Разыскивание английских альпинистов: Донкина и Фокса, погибших при восхождении на Кошкан-тау // ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 450.

⁷ *Жуков Н.* Подробные сведения о розысках погибших английских альпинистов Донкина и Фокса // *Кавказ*. 1889. № 36. С. 3.

⁸ *Жуков Н.* Разыскивание английских альпинистов: Донкина и Фокса, погибших при восхождении на Кошкан-тау // ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 452.

⁹ Эдвард Клайв Олднолл Лонг Филлипс-Уолли (1853–1918) был в середине 1870-х годов вице-консулом её величества английской королевы в Керчи, любителем путешествий и заядлым охотником. Во время своей службы он вёл дневники, на основе которых впоследствии написал книгу «Охота в Крыму и на Кавказе» (1883 г.). Получив в 1877 году в наследство поместье, Филлипс-Уолли оставил дипломатическую

службу и вернулся в Англию // *Фрешфилд Д.* Отрывок из сочинения «Исследования Кавказа» / Пер. с англ. Катерины Цагараевой; историческая справка к переводу И.Н. Бочаровой // *Дарьял*. 2018. № 3. URL: https://www.darial-online.ru/material/2018_3-freshfield

¹⁰ *Кавказ*. 1888. № 279. С. 3.

¹¹ *Кавказ*. 1888. № 262. С. 3.

¹² *Жуков Н.* Подробные сведения о розысках погибших английских альпинистов Донкина и Фокса // *Кавказ*. 1889. № 36. С. 3.

¹³ *Кавказ*. 1888. № 279. С. 3; *Жуков Н.* Подробные сведения о розысках погибших английских альпинистов Донкина и Фокса // *Кавказ*. 1889. № 36. С. 3; *Жуков Н.* Разыскивание английских альпинистов: Донкина и Фокса, погибших при восхождении на Кошкан-тау // ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 453–454.

¹⁴ *Жуков Н.* Подробные сведения о розысках погибших английских альпинистов Донкина и Фокса // *Кавказ*. 1889. № 36. С. 3.

¹⁵ В «Кавказском календаре» он обозначен как начальник 2-го участка // *Кавказский календарь на 1889 год*. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1888. С. 169.

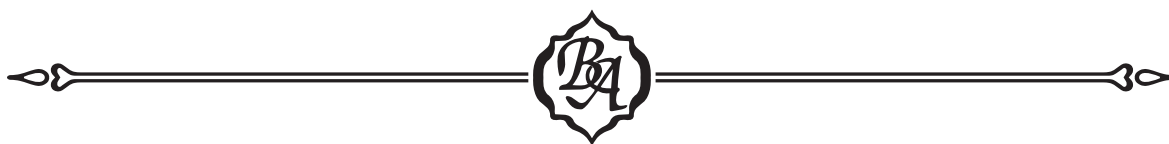
¹⁶ *Кавказ*. 1888. № 279. С. 3.

¹⁷ 1 русский фут = 12 дюймам = 0,42857 аршина = 0,30479 метра // *Кавказский календарь на 1889 год*. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1888. С. 12.

¹⁸ *Жуков Н.* Подробные сведения о розысках погибших английских альпинистов Донкина и Фокса // *Кавказ*. 1889. № 37. С. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Отчёт о деятельности и состоянии Кавказского отдела ИРГО в 1888 году. Тифлис: Тип. канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. С. 2–3. Это событие привело к полемике между Н.В. Жуковым и Н.Я. Динником на страницах газеты «Кавказ» (*Кавказ*. 1888. № 303. С. 1–2, № 304, № 316. С. 2). Первый обвинил второго в том, что тот не знает названия горы и её точного месторасположения. Дело в том, что на карте Балкарии гора Коштан-тау была указана неверно. И эта ошибка повторялась в публикациях. Н.Я. Динник доказал, что Н.В. Жуков был неправ в своих обвинениях относительно него.

²¹ Ловен П. Ещё о погибших английских альпинистах Донкине и Фоксе // Кавказ. 1889. № 57. С. 2–3.

²² Там же. С. 2.

²³ Фрешифилд Д. Отрывок из сочинения «Исследования Кавказа» / Пер. с англ. Катерины Цагараевой; историческая справка к переводу И.Н. Бочаровой // Дарьял. 2018. № 3. URL: https://www.darial-online.ru/material/2018_3-freshfield/

²⁴ Там же.

²⁵ Ловен П. Ещё о погибших английских альпинистах Донкине и Фоксе // Кавказ. 1889. № 57. С. 3.

²⁶ Фрешифилд Д. Отрывок из сочинения «Исследования Кавказа» / Пер. с англ. Катерины Цагараевой; историческая справка к переводу И.Н. Бочаровой // Дарьял. 2018. № 3. URL: https://www.darial-online.ru/material/2018_3-freshfield/

²⁷ Заметки Клинтона Дента, президента Лондонского альпийского клуба, об экспедиции на Кавказ (в 1888 г.) (Извлечено из «Alpine Journal», November 1888) // ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 465.

²⁸ Freshfield D.W. The Exploration of the Caucasus. London & New York: Edward Arnold, 1896. Vol. 1. 394 p.; Vol. 2. 398 p.

²⁹ Фрешифилд Д. Отрывок из сочинения «Исследования Кавказа» / Пер. с англ. Катерины Цагараевой; историческая справка к переводу И.Н. Бочаровой // Дарьял. 2018. № 3. URL: https://www.darial-online.ru/material/2018_3-freshfield/

³⁰ Заметки Клинтона Дента, президента Лондонского альпийского клуба, об экспедиции на Кавказ (в 1888 г.) (Извлечено из «Alpine Journal», November 1888) // ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 463.

³¹ Кавказ. 1888. № 279. С. 3.

³² Жуков Н. Подробные сведения о розысках погибших английских альпинистов Донкина и Фокса // Кавказ. 1889. № 36. С. 3.

³³ Кавказ. 1888. № 279. С. 3.

³⁴ Там же.

³⁵ Ган К.Ф. Исторический очерк иностранных экспедиций для исследования высочайших гор Кавказа // Кавказ. 1901. № 230. С. 2.

³⁶ Фрешифилд Д. Отрывок из сочинения «Исследования Кавказа» / Пер. с англ. Катерины Цагараевой; историческая справка к переводу И.Н. Бочаровой // Дарьял. 2018. № 3. URL: https://www.darial-online.ru/material/2018_3-freshfield/

³⁷ ИКОИРГО. 1889. Т. 10. № 1. С. 87.

³⁸ Ловен П. Ещё о погибших английских альпинистах Донкине и Фоксе // Кавказ. 1889. № 57. С. 3.

³⁹ Кавказ. 1889. № 182. С. 2; № 216. С. 2.

⁴⁰ Фрешифилд Д. Отрывок из сочинения «Исследования Кавказа» / Пер. с англ. Катерины Цагараевой; историческая справка к переводу И.Н. Бочаровой // Дарьял. 2018. № 3. URL: https://www.darial-online.ru/material/2018_3-freshfield/

⁴¹ Фрешифилд Д. Отрывок из сочинения «Исследования Кавказа» / Пер. с англ. Катерины Цагараевой; историческая справка к переводу И.Н. Бочаровой // Дарьял. 2018. № 4. URL: https://www.darial-online.ru/material/2018_4-freshfield/

⁴² Кавказ. 1889. № 182. С. 2; № 216. С. 2.

⁴³ Фрешифилд Д. Отрывок из сочинения «Исследования Кавказа» / Пер. с англ. Катерины Цагараевой; историческая справка к переводу И.Н. Бочаровой // Дарьял. 2018. № 4. URL: https://www.darial-online.ru/material/2018_4-freshfield/

⁴⁴ Ган К.Ф. Исторический очерк иностранных экспедиций для исследования высочайших гор Кавказа // Кавказ. 1901. № 230. С. 2.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-39-49

С.Л. Борошко, Л.В. Божинская-Арандаренко

«ДОСУГИ В ТУРКЕСТАНЕ» В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ВОЕННОГО ВОСТОКОВЕДА Г.А. АРАНДАРЕНКО

Арандаренко, несомненно, вносит ценный вклад в нашу литературу о среднеазиатских землях, которая не очень богата ни по количеству, ни по качеству. В обширном и прекрасно изданном труде г-на Арандаренко читатель найдёт много новых и интересных сведений как о малоизвестных племенах, проживающих в наших туркестанских владениях, так и о землях, прилегающих к ним. <...> В целом книга написана литературно и основательно, что доказывает, что г-н Арандаренко не просто так провёл 20 лет в описанных им землях¹.

Наиболее известной публикацией военного востоковеда Г.А. Арандаренко² является книга «Досуги в Туркестане», изданная в 1889 году³. Выбор названия был весьма характерен для способа сбора фактического материала. Словом «Досуг» обычно обозначают тот период времени, когда человек предоставлен самому себе в выборе занятий. Род деятельности, которую он выбирает во время досуга, сейчас обычно называют хобби. Можно ли обозначить словом «хобби» всю обширную исследовательскую работу Арандаренко в Туркестане? И да, и нет.

Как верно заметил академик Н.И. Веселовский, «при обширности района Туркестанских уездов, при массе самого разнообразного дела, возложенного на уездных начальников, досуга остается им очень немного, и очень немногие воспользовались своим досугом так, как воспользовался им господин Арандаренко <...> Книга г. Арандаренко раскрывает нам внутренний смысл его деятельности, показывает, сколько труда и энергии положено этим человеком для изучения своего отдела и его населения <...> Книга г. Арандаренко для

Туркестанского края должна иметь большое значение как голос человека, основательно знающего край, постигшего его нужды, а потому вполне авторитетного»⁴.

К 1889 году Арандаренко отслужил в Туркестане двадцать четыре года, являясь одним из тех «старых туркестанцев», которые начинали службу в Средней Азии в середине 1860-х годов, с первых лет присоединения региона к Российской империи. Большой военно-административный опыт Арандаренко, желание поделиться им на страницах периодической печати позволили ему написать и опубликовать десятки работ.

В книгу «Досуги в Туркестане» Арандаренко отобрал и включил двадцать одну статью из числа опубликованных им с 1874 по 1889 год. Он описывает преимущественно верховья Зеравшана, население горных бекств Кухистана – Матчи, Фальгара, Фана, Ягноба, Кштута и Магиана (нагорных тюменей), которыми управлял с 1874 по 1877 год, Зеравшанскую долину и Самаркандский уезд, которым управлял с 1877 по 1889 год. Эта книга – итог его службы в чинах военноплеменного управления этим обширнейшим, сложным и малоизученным регионом Средней Азии.

Будучи управляющим нагорными тюменями, он был близко знаком с этим высокогорным краем, восхищался его природой и населением. Несмотря на многочисленные волнения местного населения, Арандаренко верил, что при правильной организации военноплеменного управления Зеравшанская долина будет наиболее привлекательным местом во всём Туркестане.

Являясь потомственным дворянином Черниговской губернии, сыном полковника жандармерии Алексея Ивановича Арандаренко, состоятельного помещика-земле-

владельца⁵, Г.А. Арандаренко традиционно для малороссийского помещика уделяет пристальное внимание земледелию, скотоводству, ирригации, лесному вопросу, средствам сообщения. Он подробно останавливается на местных обычаях, народном суде, кредите у туземцев.

Арандаренко опубликовал серии исторических очерков, всесторонне исследовал Туркестан, служебной и научной деятельностью поспособствовал его развитию, интеграции в экономическое и правовое поле Российской империи. В его статьях многие вопросы были затронуты или сформулированы впервые. Прежде всего практик, он предлагал как собственные решения многих вопросов, так и оптимальные пути их достижения.

Во введении Арандаренко пишет: «С лишком двадцать лет моей службы в Туркестане, по административному управлению, доставили мне возможность близкого знакомства с жизнью и нуждами местного населения в разных частях края. По мере знаний я делился своими наблюдениями и исследованиями в статьях, которые печатались в периодических изданиях. <...> Рассчитывая на снисхождение читателя, я решился издать этот сборник как слабый плод многолетнего досуга на далёкой окраине»⁶.

Знание языков коренного населения позволяло Арандаренко эффективно руководить вверенными ему уездами, проводить поездки в отдалённые уголки Туркестана. В своей книге он приводит сведения о нравах и обычаях коренного населения, их религиозном состоянии, поверьях и суевериях. Он не приукрашивает действительность и не очерняет её – картина умственного и нравственного состояния местных жителей иногда восхищает читателя, но зачастую даёт и весьма печальные впечатления. Автор констатирует, что нелепые представления о явлениях природы держат народ на низкой ступени развития. Крайнее невежество во всём, что выходит за пределы ближайшего практического быта, беспомощность перед суеверием, эксплуатация этого суеверия ловкими обманщиками – вот те неприглядные стороны жизни народов Туркестана, на борьбу с которыми Арандаренко направлял значительную часть своих усилий.

В первой статье «Досугов в Туркестане», названной автором «*Между туземцами степного уезда*»⁷, охарактеризованы кочевники-киргизы и оседлые туземцы-сарты. По мнению Арандаренко, кочевник благороден и честен, горожанин своекорыстен и низок. Симпатии автора «Досугов» находятся на стороне кочевника, живущего ближе к природе и сердечнее относящегося к людским нуждам.

В этой статье автор демонстрирует противоположную деятельность ишанов в Средней Азии. Описывая их влияние на кочевников, автор отмечает недостатки выборного начала в степи. Он пишет, что у кочевников ишаны пользовались большим влиянием, играли важную роль в религиозной и общественно-политической жизни. Такая активность ишанов вызывала настороженность у представителей русской администрации.

Некоторые ишаны не скрывали своих антирусских настроений, выступали руководителями вооружённых мятежей, одним из которых стал Андижанский мятеж 1898 года. Восстание в Андижане привлекло внимание исследователей к изучению роли ишанов в жизни коренного населения Туркестана. Одним из первых, за 10 лет до Андижанского восстания, эту проблему поднимал Арандаренко, описывая ишанов, настраивавших народ против русской администрации.

В статье «*Малоизвестные города Зеравшанского округа*»⁸ Арандаренко приводит статистические сведения о древних городах Средней Азии – Ургуте и Пенджикенте. Он описывает численность и этнический состав населения, приводит сведения об особенностях его традиционной культуры, о состоянии промышленности и сельскохозяйственного производства, о ремёслах и торговле, системе образования, о количестве школ и медресе, утверждая, что «туркестанскому туземцу нужны не английский плуг, не русская изба, а раньше всего сила мысли, сила духа, с которыми он и сам познает Америку»⁹.

В ближайшей связи с этой статьей находится следующая – «*Статистические сведения по городам Пенджикенту и Ургуту*»¹⁰. В ней автор публикует ряд таблиц, изобилующих статистическими сведениями. В эти

таблицы, со свойственной автору скрупулезностью, включены сравнительные сведения о городах Пенджикент и Ургут по числу общественных заведений и частных зданий, по числу хозяев (с указанием их этнической принадлежности) и их годовым заработкам, по разновидностям обрабатывающей промышленности, по сельскохозяйственным показателям и отраслям торговли. Арандаренко приводит численные характеристики органов административно-полицейского управления, судебного, медицинского, учебно-воспитательного персонала и духовенства.

В статье «Скотоводство в Зеравшанской долине»¹¹ даётся обстоятельный анализ этого важного вида хозяйственной деятельности, предлагаются меры к развитию скотоводства, которое автор считал главным рычагом сельского хозяйства.

Приступая к анализу вопросов скотоводства и его значения в хозяйственной жизни населения, автор анализирует общее состояние животноводства, знакомит читателя с разновидностями домашних животных, их количестве и стоимости. Приводится состояние общего кормового потенциала – пастбищ, площадей подножного корма, особенностей содержания животных в зимний период, сведений о посевных площадях долины, как орошаемых, так и богарных полей.

Указывая на определяющую значимость скотоводства в аграрной системе хозяйства применительно к Зеравшанской долине, Арандаренко пишет: «Каждому, без сомнения, известно, какую важную роль играет скотоводство в земледельческом хозяйстве населения, в особенности там, где все сельскохозяйственные операции выполняются живой силой, где пар и шестерня не получили ещё своего применения, – там, где земледельческая культура не перешла в высшую фазу своего развития сложного, плодопеременного севооборота со всеми признаками интенсивной культуры. В такой земледельческой полосе, как Зеравшанский округ <...> скотоводство составляет, без сомнения, главный рычаг сельского хозяйства»¹².

Арандаренко предлагает пути интенсивного развития этой отрасли. Согласно наблюдениям автора, интенсивность развития ско-

товодства в Зеравшанской долине наиболее видна «в овцеводстве и отчасти в коневодстве, но очень мало в остальных видах скотоводства, удерживаемых климатическими и почвенными условиями почти в примитивном состоянии»¹³. Причины застоя он видел в местных традициях и в безучастном отношении русской администрации¹⁴.

Арандаренко призывает к развитию коневодства путем поощрения «не выдохшейся ещё любви и умения обращаться с хорошими лошадьми, чтобы получить через десяток лет желаемые результаты на миллион оборотов»¹⁵, представив рекомендации, направленные на развитие отрасли и улучшение благосостояния населения Зеравшанской долины.

В следующей статье «Село-кишлак Карнак»¹⁶ автор приводит сведения о положении кишлака, его древней истории и современном состоянии. Он отмечает наличие в селе могилы аулье (святого) имама Багали-Сагаба, одного из первых, как утверждали местные жители, последователей Великого Пророка. Наличие этого захоронения оказало важнейшее влияние на сохранение кишлака: «Присутствие этого аулье, привлекающая со всех сторон множество поклонников, цементировало оседлость настолько прочно, что Карнак, испытавший наравне с другими свирепое хозяйничанье Чингиза и последующие кровавые эпохи, пережил, однако, своих современников, города Савран, Утрар, Яссы, Джюнок, Карайчик, Ичкиле, Ак-курган, Узикент, Сугнак <...> при отсутствии во всех из них аулье, этого яркого маяка, несокрушимого оплота для мусульманской оседлости»¹⁷.

В статье «Халифа Хасан. Биографический очерк»¹⁸ автор повествует о знаменитом уроженце Пенджикента, представив читателю жизнь человека, посвятившего свою деятельность благу народа. Халифа Хасан, по народному преданию, прожил 163 года. У населения Средней Азии долголетие пользуется большим уважением, добродетельная жизнь старца даёт народу повод причислить его к святым. Статья вызывает интерес важностью сведений о жизни этого почитаемого старца.

Практически значимой является статья, которую Арандаренко назвал «Народный суд у туземцев»¹⁹, описывающая обычаи судеб-

ных положений Зеравшанского округа. Автор разбирает судебные положения, основанные на законах шариата, приводит примеры мусульманского судопроизводства. Написанная к десятилетию Зеравшанского округа (2 мая 1878 г.) статья рассказывает об особенностях народного суда у коренного населения, иллюстрируя сказанное примерами из повседневной жизни. Статья затрагивает важный для Туркестанского края вопрос – в какой степени деятельность этих судов соответствует законодательству Российской империи. Российский подход к судебным делам в Туркестане был обозначен в «Первоначальном проекте положения об управлении в Туркестанском крае». Арандаренко, будучи Туркестанским уездным судьей, столкнулся с проблемой совмещения народного суда, законов шариата, местных обычаев в практике народных судов с законодательной базой Российской империи. Он был обязан устранять препятствия, возникающие в следовании «Положениям», применительно к местным традициям. Арандаренко разбирает статьи положения о юрисдикции народного суда, указывает на недостатки, которые выявлялись на практике. Интересны сведения, сообщаемые автором о туземном суде при ханской власти, практиковавшиеся до русского завоевания Туркестана.

Арандаренко фактически призывает к проведению туземного суда путём комбинирования законов Российской империи с законами шариата и обычаями местного населения, а не путём «канцелярских измышлений».

В статье о «*Цистернах в Каршинской степи*»²⁰ описываются цистерны – обширные каменные постройки, углублённые в земле в виде колодцев. Арандаренко пишет, что в Туркестане с древних времен практиковалось устройство цистерн, собиравших и сберегавших дождевую воду. Такие цистерны делали возможным переход безводных местностей. Многие цистерны, на момент написания статьи, были испорчены и превратились в «клоаки». Арандаренко предлагал возродить эти древние сооружения.

В «*Заметках об ирригации в Зеравшанской долине*»²¹ автор знакомит читателей с историей орошения. Учитывая сложности функционирования оросительной системы,

после присоединения Туркестанского края к Российской империи была учреждена ирригационная администрация. Он описывает меры, предпринимавшиеся русской и туземной администрацией для улучшения оросительной системы, строительства новых каналов, водосборников, плотин и арыков²².

Арандаренко поднимает актуальнейший вопрос об оптимальном использовании воды из Зеравшана. Из этих «заметок» видно, какая это драгоценность – вода в Средней Азии, как её берегут и делят. До настоящего времени остаются актуальными предложенные практические решения ирригационного вопроса, способствовавшие увеличению культурной полосы земли в Зеравшанской долине. Он приводит данные о площади орошаемой земли, поимённо называет реки и притоки, главные артерии водоснабжения, указывая на деятельность русской администрации, контролирующей мирабов, занимавшихся распределением воды²³.

Автор замечает, что местное население создало рациональную систему водопользования, и непродуманное вмешательство русской администрации приводило к отрицательным последствиям. Он осуждает администраторов, затевающих надуманные в кабинетах планы ирригации: «С крайним удивлением непонимания нужд туземного населения, его свойств мы встречаем также и попытки некоторых гг. ирригаторов края передавать обязанности мирабов, банд-банов (надсмотрщиков за плотинами) бессрочноотпускным нижним чинам. Только этого не доставало, чтобы в конец исковеркать то грандиозное дело ирригации рук туземцев, которое началось, развилось, стройно поддерживалось без подталкиваний чиновниками, а силой практических знаний, силой настойчивости и терпения»²⁴.

В статье «*О метеорологических познаниях туземцев*»²⁵ Арандаренко показывает, что население не имеет представления о самых элементарных приёмах метеорологических наблюдений: «Каждый почти город, каждое большое селение, каждый район кочевьев имеет своего не то метеоролога, не то астронома (у сартов – хисапдан, у киргизов исыпчи), который предсказывает погоду с такой

смелостью, какая внушается легковерием и суеверной податливостью однообщинников».

Автор свидетельствует, что если указать хисапдану на какое-нибудь экстраординарное явление, как, например, заморозки майским утром или крупный град в тёплый майский вечер, то он скажет только, что это – кара за грехи людей: «Больше никаких объяснений и не требуйте, чтобы не услышать искреннего признания, с воздыханием, что познание мира вселенной (дуния) запрещено Кораном, что за такое еретическое стремление шарият назначает тяжкое наказание, а общество считает таких людей отверженными, неугодными мусульманству».

Арандаренко призывает обучать население Туркестана, бороться с невежеством и фанатизмом: «Таковы оковы, разобщающие восточного человека с миром разумности! Только школа и осмысленно-нравственное влияние на туземцев способны будут когда-нибудь извлечь этот младенческий народ из умственного мрака на путь чистых знаний, свободных от влияния религии, суеверий и разных фантастических примесей. <...> Только влияние русской школы и распространение истинных знаний способно выполнить эту миссию над туземцами, погружёнными в невежество».

Статья *«Заметки о мостах на Зеравшане»*²⁶ содержит сведения о дорогах и мостах в нагорных тюменях, говорит о заинтересованности русской администрации к свободном доступе жителей отдалённых кишлаков к уездному центру: «Прямой интерес наш, следовательно, обеспечить верховьям Зеравшана постоянное удобное сообщение с Самаркандом, наделяющим горцев русской мануфактурой и местными произведениями, в обмен на квасцы, серу, а в будущем, вероятно, и на каменный уголь, долженствующий со временем оживить экономически эту обездоленную окраину»²⁷. Перечисляя мосты, автор определяет их значимость для хозяйственной жизни края, настаивая на необходимости выделения средств для содержания их в исправности.

В статье *«Заметки по сельскому хозяйству в Зеравшанской долине»*²⁸ Арандаренко проводит анализ аграрных отношений. Эта

важнейшая, с народно-хозяйственной точки зрения, статья посвящена истории традиционного земледелия, приёмов обработки почвы, посева с учётом климатических условий. Автор подсчитывает собранный урожай, соизмеряя его количество и качество.

При личном участии Арандаренко в Зеравшане впервые были проведены опыты посева семян американского хлопка²⁹. Он описывает внедрение в сельскохозяйственную практику Зеравшана ранее не возделываемых в этом регионе культур суходольного риса и кукурузы. Интерес представляет перечень свыше 30 разновидностей хлебных злаков и огородных растений, с определением их рыночной стоимости³⁰. Стремясь обеспечить условия для улучшения жизни населения, он сравнивает посевы средней части Зеравшанской долины с посевами в верховьях Зеравшана. Суждения автора основаны на статистическом материале и выглядят вполне убедительно.

Статью *«О кредите у туземцев»*³¹ Арандаренко посвящает вопросу кредитования населения, столь важному в сельском хозяйстве. Обосновывая свои суждения на фактах, Арандаренко пишет, что доступный кредит в Туркестане стал возможным только благодаря русской администрации. До этого же индийские ростовщики ссужали деньги под грабительские проценты.

Для обеспечения населения Туркестана доступным кредитом Арандаренко предложил проект организации касс взаимного кредита³². Статья Арандаренко, наряду с существовавшими на тот момент мнениями представителей туркестанской администрации, способствовала тому, что деятельность индийских ростовщиков в крае была поставлена под контроль. Статья демонстрирует усилия, которые осуществляла русская администрация для осуществления контроля над огромным теневым оборотом денежных масс, циркулировавших в Туркестане в сфере ростовщичества.

В статье *«Роль населения в довольствии войск»*³³ автор описывает действия возглавляемой им администрации Самаркандского отдела, направленные к удешевлению стоимости провиантского довольствия войск путём отказа от услуг подрядчиков, принятия

урожая от населения в счёт подати (хераджа): «Если положение поставки хлеба для войск будет со временем узаконено вместо воинской и квартирной повинности, в таком случае вопрос о вознаграждении сам собой упраздняется; но тогда это дело потребует тщательной разработки для равномерного распределения в населении такой продовольственной повинности»³⁴.

Подход Арандаренко к сохранению лесного богатства Зеравшанского округа отражён в статье «*Эксплуатации горного леса в Зеравшанском округе*»³⁵. Вопрос разбирается автором с особой тщательностью, характерной для большинства его работ на экономическую тему. Он указывает на необходимость насаждения деревьев по берегам рек, разъясняет значение горных лесов, высказывается о необходимости лесонасаждения в горах взамен истреблённой древесной растительности.

Арандаренко приводит примеры уничтожения горных лесов углежогами, производившими древесный уголь. Другим «свирепым врагом древесной растительности» автор считал лесоторговцев. Он приводит множество убедительных примеров, свидетельствующих об огромном ущербе, которые они наносили лесному богатству Зеравшанской долины. Арандаренко говорит о перспективе сохранения лесных массивов Зеравшанских гор. Залог их спасения он видит в использовании каменного угля, «этого могучего двигателя цивилизации»³⁶.

Содержание статьи демонстрирует внимание Арандаренко к приумножению лесного богатства Зеравшанской долины. В этом смысле статья не потеряла своей научной ценности и в наши дни.

Наряду с работами, имеющими отношение к народно-хозяйственной жизни Зеравшанской долины и Самаркандского уезда, в книге «Досуги в Туркестане» представлены две совершенно особенные статьи, относящиеся к бекствам восточной части Бухарского эмирата – Дарвазу и Каратегину.

Интерес автора к этим бекствам возник задолго до публикации «Досугов в Туркестане». С 1874 года он сталкивался с жителями Каратегина, проникавшими в Русский Туркестан через Зеравшанский хребет. Незави-

симое владение Каратегин в начале 1870-х годов являлось «белым пятном» на географических картах мира. Каратегин граничил с нагорными тюменями, но до 1877 года на его территорию не разу ни ступала нога русского исследователя. Арандаренко собирал сведения о Каратегине путём отправки специально обученных лазутчиков. Эти сведения он опубликовал в 1878 году в «Военном сборнике»³⁷. Ценность работы заключалась в том, что автор впервые ознакомил читателей с этим горным обиталищем таджиков (гальча), сохранявшим свою национальную идентичность и политическую независимость до присоединения к Бухарскому эмирату в 1877 году. Арандаренко удалось отразить ключевые эпизоды истории и социально-экономического положения Каратегина.

Наиболее обстоятельные сведения о Каратегине и Дарвазе Арандаренко получил во время выполнения дипломатической миссии при дворе Бухарского эмира Музаффархана в январе-сентябре 1880 года и во время служебной поездки к верховьям Аму-Дарьи в марте-июне 1882 года.

В первой статье, озаглавленной «*В горах Дарваза-Каратегина (На верховье Аму-Дарьи)*»³⁸, даётся описание маршрута, пролегавшего от Самарканда через бекства Восточной Бухары – Ширабад, Кабадиян, Курган-тюбе, Куляб, Бальджуан, Дарваз, Каратегин, Хисар, Байсун и Гузар. Главную цель автор видел в сборе этнографических, статистических и экономических сведений для описания Бухарского ханства. Он счёл необходимым представить «вниманию общества описание наименее известных, во всех отношениях, восточных стран Дарваза и Каратегина, занимающих верховье рек Пянджа и Сурх-об»³⁹.

Статья «*Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк)*»⁴⁰ – одна из первых работ, положивших начало этнографическому изучению этих горных бекств в российской историографии. Автор приводит описание территории Дарваза и Каратегина, включая названия всех селений в бассейнах рек Сурхаба, Хингаба и Пянджа с их притоками. Автор описывает природные ресурсы края, их значение в со-

циально-хозяйственной жизни горцев, быт жителей, записывая сведения, полученные от коренного населения.

Арандаренко указывает на крайнюю скудность источников: «При отсутствии каких бы то ни было исторических материалов о Дарвазе-Каратегине политическая прошлая жизнь их может быть очерчена только по одним преданиям, весьма достоверным вследствие общей склонности замкнутого народа передавать поколениям рассказы о подвигах предков, о судьбе их родной и соседних стран»⁴¹. Он отмечает, что географическое положение Дарваза-Каратегина «определяет его историческую судьбу, его ничтожество в политическом отношении. <...> Можно утверждать, что Дарваз с Каратегиним не участвовали в общей истории Средней Азии, имели на её развитие только косвенное влияние, укрыв в своих теснинах от разных нашествий иноземцев, аборигенов долин Оксуса и Яксарта, древне-персидские племена культа Зороастра и остатки полчищ Александра Македонского, удерживающих о себе предание, обособленность господствовавшей некогда иноземщины, оставившей им название Ша-Авлады-Искандер (правители потомков Александра)»⁴².

Упоминая о Дарвазском шахстве, Арандаренко впервые представил хронологическую последовательность правителей Дарваза, указывая на постоянные междоусобицы. Он приводит данные о периодах правления энергичных правителей, временно распространявших свою власть на соседние владения Шугнана, Рушана и Каратегина⁴³.

Считая периодом наиболее заметного развития Дарваза годы правления Исмаил-ша, автор пишет, что в это время «дарвазцам удалось не только обратить в наместничество Каратегин и Шугнан, но и сделать своими данниками, хотя и ненадолго, Куляб и Гиссар. Однако, упоённый несколькими удачными стычками с кулябцами, Исмаил-ша, стремившийся расширить своё владычество на запад, в итоге был захвачен в плен родовым правителем Куляба Сарыханом. В результате Дарваз лишился не только Каратегина, но и своих лучших областей по Хингобу (Вахия, Хуляс)»⁴⁴.

Согласно наблюдениям Арандаренко, административное устройство Дарваза и Каратегина после их присоединения к Бухаре было приспособлено к интересам центральной власти эмирата: «Современное административное устройство Дарваза и Каратегина такое же, как и в других бухарских бекствах. Весь Дарваз разделяется на шесть амлякдарств – уездов, а Каратегин на семь уездов с одним амлякдаром в каждом, назначаемым из родственников бека, с определённым числом наукеров, т. е. конников-милиционеров, назначаемых из именитых местных жителей, не столько для какой бы то ни было службы, сколько для поддержания через них влияния на население»⁴⁵.

Скрупулезный подход автора прослеживается в определении численного состава населения, площади пахотной земли, необходимой для обеспечения продовольственной потребности, выплаты налогов и выполнения повинностей, сведениях о налоговом-податной системе.

Автор отмечает, что земледелие и скотоводство в Дарвазе были недостаточными для обеспечения продовольственной потребности. Эти недостатки пополнялись «отхожими заработками, или промывкой золота, или разработкой железной руды на реке Ванч, или тканием бязи, или, наконец, охотой на лисиц, куниц, медведей, диких баранов и коз»⁴⁶.

В статье приведены подробные сведения о хозяйственно-бытовой жизни горцев, их пищевом рационе, описаны обряды брачной церемонии, празднеств и традиций.

Имя Арандаренко неразрывно связано с изучением этнографии и языка горных народов – язгулямцев и ягнобцев. Он впервые описал народ, проживающий по берегам правого притока реки Пяндж, реки Язгулям. В этой труднодоступной местности проживал самостоятельный народ – язгулямцы. Они говорили на таджикском языке при внешнем общении, в своей среде пользовались собственным, язгулямским языком. Арандаренко впервые опубликовал образцы этого языка – значение 34 слов, предложения, словосочетания и счёт от 1 до 10, с переводом слов на русский язык и сравнением их произношения с аналогичными словами на персидском и дарвазском языках⁴⁷.

Результаты наблюдений Арандаренко впервые опубликовал в «Восточном обозрении»⁴⁸ и «Военном сборнике»⁴⁹. По мнению профессора Д.И. Эдельман, автора язгулямско-русского словаря⁵⁰, первое достоверное описание язгулямского языка опубликовано именно в работах русского путешественника Г.А. Арандаренко⁵¹.

Особый интерес вызывает заключительная часть, в которой автор приводит список населённых пунктов Дарваза и Каратегина с указанием названий селений по амлякдарствам и числа домов в каждом из них⁵².

Арандаренко явился фактически первым исследователем, который обстоятельно ознакомил читателей с историей и социально-экономическим положением Дарваза и Каратегина. По поводу работ Арандаренко академик Н.И. Веселовский сказал: «Это лучшее, что мы имеем в литературе по описанию Дарваза и Каратегина»⁵³.

Об обширности знания Арандаренко истории Центральной Азии и развернувшихся политических событий, в той или иной мере затрагивавших Афганистан второй половины 70-х годов XIX века, свидетельствует его статья «Афганский Туркестан в 1878-1880 годах (Очерк политических событий)»⁵⁴.

Провинция «Афганский Туркестан» состояла из двух групп ханств: западной (четыре ханства) и восточной, включавшей территорию четырех северных провинций Афганистана (получивших наименование «Чар-Вилайет»). В намерении автора, согласно его словам, входило сообщить о событиях, произошедших на территории преимущественно Чар-Вилайета с 1878 по 1880 год. Арандаренко не намеревался более подробно углубляться в историю этой части Афганистана. Тем не менее, он остановился на ключевых событиях, развернувшихся в Хорасане и Мавераннахре в древности, средневековье и новом периоде истории Центральной Азии.

Автор описывает всю неурядицу, которая началась в Чар-Вилайете после смерти эмира Шир-Али. Арандаренко не удалось лично побывать в Афганском Туркестане, но он обучал и отсылал своих агентов в труднодоступные, закрытые для европейцев участки Чар-Вилайета. Собранные сведения являлись

ценными и практически единственными источниками военно-политических и историко-этнографических разведанных в начале 1880 года.

Арандаренко приводит данные о династической смене власти, увязывает события, происходившие в средневековом Мавераннахре и Хорасане, с событиями, имевшими место в конце 1870-х годов в Средней Азии и Афганистане. Арандаренко завершает свое исследование событиями 1880 года – приходом к власти в Афганистане эмира Абдурахман-хана.

Статья «Бухарские войска в 1880 году»⁵⁵ посвящена анализу военного дела в Бухаре и военному потенциалу Бухарского эмирата в 80-е годы XIX века. Интерес представляют сведения о финансовых затратах на содержание войск, окладах командующих, видах войск, их вооружении и боевой подготовке. Сведения о состоянии бухарской армии были получены автором непосредственно в ставке Бухарского эмира во время выполнения дипломатической миссии, позволившей Арандаренко в течение девяти месяцев 1880 года жить при дворе Музаффар-хана.

Обзор Арандаренко о состоянии Бухарской армии был опубликован в «Журнале объединённого сервисного института Индии»⁵⁶.

В статье «Лесной вопрос»⁵⁷ Арандаренко снова подчеркивает важное значение сохранения лесных массивов, указывает на негативные факторы, ставшие причиной уменьшения площади древесной растительности, выражает надежду, что благодаря усилиям администрации население восстановит лесное богатство края.

Завершает сборник «Досуги в Туркестане» статья «Несколько дней на озере Курчук-ата»⁵⁸, описывающая минеральные грязи, находящиеся в степи Джизакского уезда и пользующиеся большой известностью у коренного населения. В этой статье речь идёт о солёном озере Туз-кан («Соляная копь»), куда ездили больные для приёма грязевых ванн. В народе это место получило название Курчук-ата, по имени отшельника, могила которого находилась поблизости.

Наблюдая за потоком людей, верящих в исцеление, принимавших грязевые ванны

бессистемно, в целебном, но совершенно не обустроенном месте, автор представил собственные рекомендации по методу применения лечебной грязи и по обустройству лечебницы вблизи солёного озера.

Вторая половина XIX века в Туркестане прошла под знаком противостояния двух империй – Британской и Российской. Британские исследователи уделяли внимание изучению географии Памира, его перевалов и дорог. Это были сведения первостепенной важности, ради них организовывались все рекогносцировки и исследования. Российские востоковеды, помимо изучения географии Памира, уделяли внимание исследованию этнографии коренного населения.

К началу 1890-х годов наиболее полными этнографическими сведениями о горцах Кухистана, Дарваза и Каратегина, о жителях бекств, расположенных в верховьях Аму-Дарьи, оставались сведения, собранные Арандаренко в 1870–1880-х годах. В те годы путешествие по Бухарским владениям требовало известного такта и осторожности, знания обычаев коренного населения и умения лавировать в сложной политической обстановке, особенно в пограничных бекствах. Арандаренко согласовывал все свои путешествия не только с генерал-губернатором, но и с Бухарским эмиром, пользуясь содействием вассальных Бухаре многочисленных шахов Бухарского эмирата.

Внимание работам Арандаренко уделялось в Европе⁵⁹. Одним из примеров внимания британских ученых к работам Арандаренко явилась публикация в журнале «Труды Королевского географического общества»⁶⁰. На примере анализа его работ рассматривались вопросы территориальной целостности бекств восточной Бухары, контроля над горными бекствами Памира⁶¹. Журнал «Обозрение мусульманского мира» опубликовал данные по экономическому состоянию Бухары, используя публикации Арандаренко⁶².

Ведущие географы в бюллетенях и фундаментальных монографиях, посвящённых Средней Азии, так характеризовали Арандаренко: «Капитан Арандаренко уже несколько лет является главой района в Туркестане

и имеет возможность путешествовать по стране в любом направлении»⁶³; «Господин Арандаренко был первым исследователем главных притоков реки Пяндж – труднопроходимых горных рек Дарваза»⁶⁴; «Начальник Самаркандского уезда майор Арандаренко – один из лучших знатоков Туркестана»⁶⁵; «Г-н Арандаренко, учёный столь же скромный, сколь и добросовестный»⁶⁶; «Полковник Арандаренко хорошо знает таджикский язык и может получать редкие образцы во время своего пребывания в Дарвазе»⁶⁷.

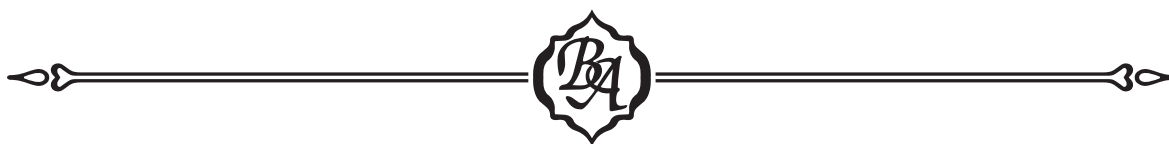
Книга Арандаренко «Досуги в Туркестане» получила в 1889 году несколько положительных рецензий в журналах «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества»⁶⁸, «Вестник Европы»⁶⁹, «Этнографическое обозрение»⁷⁰. Она была представлена в журнале «Англо-русского литературного общества»⁷¹, упоминалась в «Географическом ежегоднике»⁷².

Статьи Арандаренко о Дарвазе и Каратегине цитировались в «Британской энциклопедии»⁷³ и «Англо-Американской энциклопедии»⁷⁴, были отмечены в каталоге библиотеки Королевского географического общества⁷⁵ и «Бюллетене историко-описательной географии»⁷⁶.

Наряду с публикациями о Дарвазе и Каратегине, «Досуги в Туркестане» являются наиболее цитируемой работой Арандаренко.

Арандаренко не был востоковедом в классическом понимании этого слова, не имел востоковедного образования, не работал в системе академической науки. Его можно отнести к военным востоковедам, исследователям Востока практической направленности. Вместе с тем его работы отличались основательностью и во многом носили первопроходческий характер.

Научное наследие Арандаренко не ограничивается лишь его статьями, включенными в «Досуги в Туркестане». К нему можно отнести многочисленные работы в виде отчетов, рапортов и донесений, отложившиеся в архивных фондах, а также десятки статей, опубликованные в периодической печати. Многие из этих работ до сих пор не выявлены и не введены в научный оборот.

Примечания

¹ Новые книги. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане // Книжный вестник, 1889. № 6. С. 234.

² Арандаренко Георгий Алексеевич (1846-1908) – офицер военно-административного управления Русского Туркестана, с 1901 по 1904 г. военный губернатор Ферганской области.

³ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889.

⁴ Веселовский Н. «Досуги в Туркестане» Арандаренко Г. А. // Записки Восточного отдела Русского Археологического общества. СПб. 1890. Т. IV. С. 408-413.

⁵ Борошко С.Л., Божинская-Арандаренко Л.В. Русский Туркестан в портретах выдающихся военных востоковедов. Генерал-майор Георгий Алексеевич Арандаренко. М.: ИВ РАН, 2024.

⁶ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. С. III.

⁷ Арандаренко Г.А. Между туземцами степного уезда // Досуги в Туркестане. С. 1-32.

⁸ Арандаренко Г.А. Малоаметные города Зеравшанского округа // Досуги в Туркестане. С. 33-68.

⁹ Там же. С. 68.

¹⁰ Арандаренко Г.А. Статистические сведения по городам Пенджикенту и Ургуту // Досуги в Туркестане. С. 69-80.

¹¹ Арандаренко Г.А. Скотоводство в Зеравшанской долине // Досуги в Туркестане. С. 81-142.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Там же. С. 134.

¹⁴ Там же. С. 134.

¹⁵ Там же. С. 136.

¹⁶ Арандаренко Г.А. Село-кишлак Карнак // Досуги в Туркестане. С. 143-153.

¹⁷ Там же. С. 143.

¹⁸ Арандаренко Г.А. Халифа Хасан. Биографический очерк // Досуги в Туркестане. С. 154-165.

¹⁹ Арандаренко Г.А. Народный суд у туземцев // Досуги в Туркестане. С. 166-243.

²⁰ Арандаренко Г.А. Цистерны в Каршинской степи // Досуги в Туркестане. С. 244-249.

²¹ Арандаренко Г.А. Заметки об ирригации в Зеравшанской долине // Досуги в Туркестане. С. 250-284.

²² Там же. С. 254-257.

²³ Там же. С. 283.

²⁴ Там же. С. 284.

²⁵ Арандаренко Г.А. О метеорологических познаниях туземцев // Досуги в Туркестане. С. 285-294.

²⁶ Арандаренко Г.А. Заметка о мостах на Зеравшане // Досуги в Туркестане. С. 295-302.

²⁷ Там же. С. 297.

²⁸ Арандаренко Г.А. Заметки по сельскому хозяйству в Зеравшанской долине // Досуги в Туркестане. С. 303-339.

²⁹ Там же. С. 303.

³⁰ Там же. С. 308-312, 327.

³¹ Арандаренко Г.А. О кредите у туземцев // Досуги в Туркестане. С. 340-365.

³² Там же. С. 355.

³³ Арандаренко Г.А. Роль населения в довольствии войск // Досуги в Туркестане. С. 366-383.

³⁴ Там же. С. 383.

³⁵ Арандаренко Г.А. Эксплуатация горного леса в Зеравшанском округе // Досуги в Туркестане. С. 384-426.

³⁶ Там же. С. 425-426.

³⁷ Арандаренко Г.А. Каратегин (По расспросным сведениям) // Военный сборник. 1878, май. Т. 121. №5. С. 180-200.

³⁸ Арандаренко Г.А. В горах Дарваза-Каратегина (На верховьях Аму-Дарьи) // Досуги в Туркестане. С. 427-436.

³⁹ Там же. С. 427-428.

⁴⁰ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк) // Досуги в Туркестане. С. 437-479.

⁴¹ Там же. С. 442-443.

⁴² Там же. С. 443.

⁴³ Там же. С. 444.

⁴⁴ Там же. С. 445.

⁴⁵ Там же. С. 448.

⁴⁶ Там же. С. 459.

⁴⁷ Там же. С. 452-453.

⁴⁸ Арандаренко Г.А. В горах Дарваза-Каратегина (На верховьях Аму-Дарьи) // Восточное обозрение. 1883. № 28-29.

⁴⁹ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин // Военный Сборник. 1883. № 11. С. 140-159; № 12. С. 303-319.

⁵⁰ Эдельман Д.И. Язгулямско-русский словарь. М.: Изд. Наука; Глав. ред. вост. лит., 1971. 354 с.

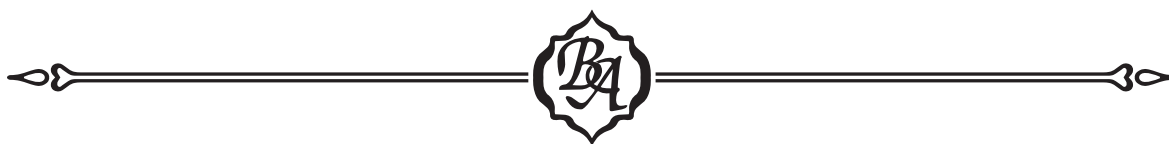
⁵¹ Эдельман Д.И. Язгулямский язык. М.: Наука, АН СССР, Ин-т языкознания. 1966. С. 4.

⁵² Там же. С. 473-479.

- ⁵³ Веселовский Н. «Досуги в Туркестане» Арандаренко Г.А. // Записки Восточного отдела Русского Археологического общества. Т. IV, СПб., 1890. С. 408-413.
- ⁵⁴ Арандаренко Г.А. Афганский Туркестан в 1878-1880 годах (Очерк политических событий) // Досуги в Туркестане. С. 480-537.
- ⁵⁵ Арандаренко Г.А. Бухарские войска в 1880 году // Досуги в Туркестане. С. 538-570.
- ⁵⁶ Arandarenko G. The Army of Bokhara in 1880 // The Journal of the United Service Institution of India. Vol. XII, 1883, No 54. P. 21-41.
- ⁵⁷ Арандаренко Г.А. Лесной вопрос // Досуги в Туркестане. С. 571-652.
- ⁵⁸ Арандаренко Г.А. Несколько дней на озере Курчук-ата // Досуги в Туркестане. С. 653-667.
- ⁵⁹ Arandarenko G.A. Le Darvaz et le Karatéguine // Bulletin de géographie historique et descriptif. Paris, 1891. № 2. P. 53-82.
- ⁶⁰ Proceedings of the Royal Geographical Society and monthly record of geography, Great Britain. Vol. VI. London, 1884.
- ⁶¹ Michell R. Bam-i-Dunia, or The roof of the world // The Asiatic Quarterly Review. V. III. January – April, 1892. London, 1892. P. 263-285.
- ⁶² Rêvue du monde Musulman. Publiée par La vision scientifique du Maroc. T. 4. Paris, 1911. P. 354.
- ⁶³ Bulletin de la Société de géographie. Paris, 1878. P. 487.
- ⁶⁴ Bulletin de la Société de géographie d'Anvers. Anvers, 1877. P. 20.
- ⁶⁵ Capus G. A travers le Royaume de Tamerlan (Asie centrale). Paris, 1892. P. 87.
- ⁶⁶ Ujfalvy K.J. Les aryens au Nord et au sud de L'Hindou-kouch. Paris, 1896. P. 168.
- ⁶⁷ Grum-Grzhimailo G.E. Pamir et sa faune lépidoptérologique. S.-Pétersbourg, 1890. P. 21.
- ⁶⁸ Веселовский Н. «Досуги в Туркестане» Арандаренко Г.А. // Записки Восточного отдела Русского Археологического общества. СПб. 1890. Т. IV. С. 408-413.
- ⁶⁹ Вестник Европы. Т. 24. Вып. 8. СПб., 1889. С. 854-857.
- ⁷⁰ Рецензия. Г.А. Арандаренко. Досуги в Туркестане // Этнографическое обозрение. Кн. III. М.: Русская типолитография, 1889. С. 367.
- ⁷¹ Anglo-Russian Literary Society. London. February – April, 1894. P. 57-58.
- ⁷² Geographisches Jahrbuch. Gotha, 1893. P. 407.
- ⁷³ Oxus // The Encyclopedia Britannica. A dictionary of Arts, Sciences, and General Literature. Vol. XVIII. Philadelphia, 1885. P. 104-108.
- ⁷⁴ Oxus // Anglo-American Encyclopedia. New York, 1910. P. 108.
- ⁷⁵ H. R. Mill. Catalogue of the Library of the Royal Geographical Society. London, 1895. P. 114.
- ⁷⁶ Bulletin de géographie historique et descriptive. Paris, 1891. P. 53-82.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-50-57

Вальдемар Шмидт

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ФОНДА ИМПЕРСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ВЕДОМСТВА R 1001/33 ФЕДЕРАЛЬНОГО АРХИВА ГЕРМАНИИ ПО ВОПРОСУ ЭМИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ ПАЛЕСТИНЫ В ГЕРМАНСКУЮ ВОСТОЧНУЮ АФРИКУ

Исследование вопросов о переселении из немецких земель и развитии немецких поселений за пределами Германии достаточно широко освещено в исторической литературе, но, несмотря на разработанность данной проблемы, имеется ряд определённых моментов, которые требуют дополнительного исследования. В частности, к таким вопросам относится проблема переселения немецких колонистов из Палестины на территорию бывшей колонии кайзеровской Германии Германской Восточной Африки. Эта проблема, т. е. создание немецких колоний в Палестине и их роль впоследствии в колонизации восточноафриканских территорий, не нашла до сих пор более чёткого отражения в исследованиях специалистов, занимающихся изучением данных вопросов.

Сам процесс переселения немецких колонистов из Палестины в восточноафриканские колонии Германии проходил в период с 1890-х по 1910 год.

Важнейшие документальные материалы о переселении немецких колонистов из палестинской колонии Сарона в восточноафриканскую колонию сосредоточены в архивном фонде имперского колониального ведомства, хранящемся в федеральном архиве Германии R 1001/33 «Поселение немецких колонистов из Палестины (Сарона-колонисты) в Германской Восточной Африке».

В данном архивном фонде хранятся материалы, охватывающие период с 1906 по 1913 год. В нём сосредоточены материалы прежде всего ведомственной переписки между канцелярией губернатора Германской Восточной Африки и немецким консульством в

Яффе, затрагивающие вопросы возможности переселения немцев-колонистов из Палестины в Восточную Африку. Кроме этого, имеются многочисленные прошения немецких колонистов Палестины на имя консула в Яффе и губернатора Германской Восточной Африки о возможности их переселения в восточноафриканскую колонию, а также переписка ведомственных служащих с канцелярией губернатора Германской Восточной Африки и консульством в Яффе по данному вопросу.

Помимо этого, имеется определённое количество публикаций в колониальной прессе кайзеровской Германии, отражающих роль и значение немецких колоний Палестины в экономическом и культурном влиянии на развитие региона, а также непосредственно затрагивающих вопросы о переселении немцев-колонистов в восточноафриканские колонии. В публикациях, касающихся немецких колоний в Палестине, прежде всего освещены вопросы их исторического прошлого, причины, побудившие немцев переселиться из немецких земель в Палестину. К числу периодических изданий, в которых нашли отражение моменты, связанные с немецкими колониями в Палестине, следовало бы прежде всего отнести материалы «Colonialpolitische Correspondenz» (печатного органа немецкого колониального союза), «Deutsche Kolonialpost», «Deutsche Kolonialzeitung», а также материалы журнала «Kolonie und Heimat» – печатного органа женского союза немецкого колониального общества и журнала «Ausland und Heimat». Вопросы колонизации и организации переселенческого

движения в Германскую Восточную Африку перед Первой мировой войной были тесным образом связаны с немецкими колониями в Палестине.

Период с 1906 по 1914 год в колониальной прессе можно охарактеризовать тем, что именно в это время появляются многочисленные заметки, сообщения и комментарии о возможностях использования немецких переселенцев из Палестины как контингента переселенцев в Восточную Африку для освоения малообжитых территорий этой колонии и впоследствии на их основе – создания крепких в экономическом и хозяйственном смысле европейских переселенческих поселений.

Надо отметить, что после создания протектората в Восточной Африке одной из актуальных проблем для администрации вновь созданной колонии являлся вопрос о заселении вновь приобретённых территорий европейцами. Причина была в том, что переселение из самой Германии в восточноафриканские колонии шло медленно, поэтому колониальные власти искали возможность для привлечения иного контингента из числа жителей других европейских стран.

Прежде чем приступить к освещению вопроса о переселении немецких колонистов из Палестины в восточноафриканские колонии, хотелось бы показать историческую обстановку, которая способствовала этому. Появление немецких колонистов в Палестине было вызвано тем, что в 1861 году в Вюртемберге на базе Общества друзей Иерусалима возникло религиозное общество темплеров. Причиной, способствовавшей его возникно-

ванию, явилось то, что на протяжении сорока с лишним лет после наполеоновских войн ситуация в Вюртемберге характеризовалась кризисом, охватившим все сферы общественной жизни. В результате кризисной ситуации возникли благоприятные условия для развития и распространения мистико-религиозных учений, направленных прежде всего на пересмотр церковных доктрин. В кругах пиетистов (протестантское движение против церковных догм), к числу которых принадлежали члены общины темплеров, существовали различные направления, что привело к разрыву с Евангелическо-Лютеранской церковью, образованию сект и возникновению сепаратистского движения. В кругах пиетистов, последователей учения теолога Й.А. Бенгеля (1687–1752), сложилось мнение, что переселение на Восток, в Святую Землю, станет единственной возможностью решения острых социально-экономических и политических проблем. Темплеры целенаправленно проводили идею о переселении членов общины в Святую Землю. Одной из старейших и крупных немецких колоний темплеров в Палестине было поселение Хайфа, образованное в 1870 году.

В результате деятельности общины темплеров в Палестине было организовано семь немецких колоний, которые представляли замкнутые переселенческие общины. К числу их принадлежали Яффа, Сарона и Вильгельма, Рефаим недалеко от Иерусалима, Хайфа и Умеламет¹. «Deutsche Kolonialzeitung», публикуя в 1885 году материалы о немецких колониях в Палестине, приводила статистические данные о количестве населения в них².

Хайфа	450 человек
Яффа	250 человек
Сарона	220 человек
Иерусалим	310 человек
Бейрут	40 человек
Назарет	20 человек
Рамелех	10 человек

После создания немецкого протектората в Восточной Африке представители немецких колоний в Палестине пытались убедить коло-

ниальные круги страны в большей целесообразности инвестиций в развитие палестинских колоний, чем выделения материальных

средств для вновь приобретенных территорий в Восточной Африке, будущее которых было неизвестно. Надо отметить, что 80-е годы XIX века в развитии немецких колоний в Палестине характеризовались определёнными экономическими и хозяйственными успехами. Особенно ярко это проявилось в развитии экономического и хозяйственного уровня колонии темплеров Сарона.

Однако, несмотря на определённые экономические и хозяйственные успехи колоний темплеров, в их развитии имелись также и трудности, вызванные прежде всего постоянным приростом населения. Это привело к тому, что из-за невозможности иметь земельные наделы и постоянный доход многие переселенцы уже в конце 1880-х годов требовали от руководства общины расширить земельные угодья за счёт покупки новых земельных участков. Этот период в развитии колоний темплеров в Палестине можно охарактеризовать тем, что в их среде начинают развиваться идеи о переселении из Палестины в немецкие колониальные владения в Германской Восточной Африке. Ситуация с расширением земельных угодий для переселенцев в Палестине всё время ухудшалась, поэтому некоторая часть колонистов приняла решение переселиться в Германскую Восточную Африку, где в то время имелись более благоприятные и выгодные условия для организации переселенческих хозяйств.

Руководство общины стремилось разъяснить нецелесообразность переселения в Германскую Восточную Африку, но убедило не всех. Особенно резко возросли переселенческие настроения среди колонистов-темплеров в Палестине в результате возникших среди них разногласий. Многие колонисты, особенно из Яффы и Сароны, действительно стали готовиться к переселению в Германскую Восточную Африку. Эти переселенческие настроения достигли своего апогея в 1896 году, когда колонисты начали вести переговоры с вице-консулом в Яффе об условиях и возможностях переселения в африканские владения Германии. Однако в результате бюрократической волокиты в решении проблемы переселения колонистов из Палестины в восточноафриканские колонии этот во-

прос затянулся. Другой причиной в решении вопроса о переселении палестинских немцев в Восточную Африку явились события, вызванные началом антигерманского восстания Маджи-Маджи в 1905 году.

Переписка по вопросу переселения из колоний Палестины в Восточную Африку возобновилась в 1905 году, когда в Центральное ведомство по переселению пришло письмо от доверенного лица палестинских немцев Карла Кноля. В частности, в письме адресант просил информацию о возможностях переселения, условиях их размещения в районе Западной Узамбары. Это письмо Карл Кноль писал также от имени ещё шести колонистов, которые были намерены переселиться в Германскую Восточную Африку.

В письме Кноль отмечал, что желающие переселиться в Восточную Африку принадлежат колониям темплеров Сарона и Вильгельма, которые без какой-либо финансовой помощи и на основе своей собственной религиозной дисциплины способствовали успешному развитию поселений темплеров в Палестине. По религиозной принадлежности, как отмечал Кноль, среди желающих переселиться пятеро принадлежат общине темплеров в Палестине, один является по вероисповеданию лютеранином, ещё один исповедует католицизм³.

Экземпляр этого письма также был направлен консулу в Яффе, который переслал его губернатору Германской Восточной Африки. 8 октября 1906 года от губернатора Германской Восточной Африки фон Рехенберга был послан ответ в колониальное отделение при министерстве иностранных дел, в котором губернатор сообщал, что «как следует из письма вице-консула, число желающих переселиться составляет небольшое число, однако я рассматриваю это как желательный момент. Помимо этого, желание готовых к переселению людей прислать своих представителей в округ Моши или Вильгельмсталь для ознакомления с возможностями, с моей точки зрения, является правильным и вполне понятным. Губернатор Рехенберг просил колониальное ведомство о выделении суммы 1000 рейхсмарок для возможности приезда доверенных лиц от палестинских колоний в Восточную Африку»⁴.

В связи с возникшим вопросом о переселении из палестинских колоний в Восточную Африку служащий ведомства в Танге Цахе в письме от 26 марта 1906 года в канцелярию губернатора Восточной Африки сообщал, что «в Танге работает Райнхардт, который с 8 до 40 лет проживал в колонии темплеров в Палестине и намерен во время отпуска посетить Палестину. Райнхардт имеет двух взрослых сыновей, которые проживают в Палестине и получают многочисленные вопросы от колонистов Палестины о возможности переселиться в Восточную Африку». Как сообщал Цахе, он рассматривал этих переселенцев из Палестины как первоклассный переселенческий материал при колонизации Восточной Африки. К тому же Цахе в письме в канцелярию губернатора Восточной Африки отмечал, что Райнхардт широко известен в кругах колонистов Палестины, с которыми имеет родственные отношения, и поэтому может представлять доверенное лицо губернатора Восточной Африки⁵.

26 апреля 1906 года на письмо Цахе пришёл ответ из канцелярии губернатора Восточной Африки, в котором служащий канцелярии Хабер писал: «С мнением окружного ведомства в Танге о возможности переселения в протекторат из палестинских колоний желательно, и по возможности также будет оказана помощь. Также я буду признателен, что во время отпуска Райнхардт будет способствовать усилению настроений среди земляков о переселении в восточноафриканскую колонию». Хабер также писал о том, что во время пребывания Райнхардта в Палестине была бы желательной его связь с вице-консулом в Яффе⁶.

26 апреля 1906 года Хабер также отправил письмо немецкому вице-консулу в Яффе, в котором вновь обратился к вопросу переселения из палестинских колоний в Восточную Африку. В письме Хабер затронул вопрос о том, что «он рассматривает возможность переселения немецких колонистов из Палестины в Восточную Африку как многообещающий выигрыш для протектората и будет очень благодарен вице-консулу за оказание помощи Райнхардту в организации встреч с желающими переселиться в Германскую Восточную Африку»⁷.

20 августа 1906 года вице-консул в Яффе Росслер сообщал в канцелярию губернатора Восточной Африки, что «при запросе о немецких колонистах, которые намерены переселиться в Восточную Африку, речь идёт только о семерых, планы которых не изменились, а наоборот, усилились после встречи с Райнхардтом. Однако это не означает, что они намерены незамедлительно предпринять переселение. Они желают иметь возможность послать доверенное лицо в район Западной Узамбары или же в округ Моши для ознакомления с существующими там условиями, необходимыми для переселения»⁸.

Однако Росслер высказывал мысль о том, что переселение большого числа колонистов в будущем просто не состоится прежде всего по материальным причинам, и поэтому было бы лучше оказать помощь определённому числу желающих переселиться.

В дальнейшем вице-консул в Яффе сообщал рейхсканцлеру Б. фон Бюлову, что «среди немецких колонистов избрано доверенное лицо Карл Кноль, который намерен посетить Западную Узамбару и район Килиманджаро». Далее, как сообщал вице-консул, община темплеров, к которой принадлежат желающие переселиться, сообщила, что она не отвечает за тех членов общины, которые намерены переселиться. «И моей обязанностью, на мой взгляд, является то, — писал вице-консул, — что я должен внести ясность между общиной и её членами, которые намерены переселиться, прежде всего в организации обсуждения этого вопроса»⁹.

В 1908 году журнал «Kolonie und Heimat» опубликовал информацию о том, что в результате неудавшегося эксперимента по созданию европейского поселения на основе переселенцев — немцев из России руководство колонии приняло решение использовать в этих мероприятиях немецких колонистов Палестины, которые, по мнению руководства колонии, будут являться лучшим переселенческим материалом, чем переселенцы — немцы из Германии¹⁰.

18 марта 1908 года ведомственный служащий округа Моши Ценке сообщал в канцелярию губернатора Восточной Африки о том, что побывавшие в округе доверенные

лица немецких колонистов Палестины Эгерь и Кноль оставили хорошее впечатление. Вопросы, которые они задавали относительно возможностей переселения, показали, что они обладают огромными знаниями в развитии сельского хозяйства. После того, как они осмотрели область Килиманджаро и Меру, они пришли к решению о том, чтобы просить Переселенческий комитет о резервации земельных участков в районе реки Тее, где они намерены создать своё переселенческое поселение. Основанием для их решения явилось то, что эта территория более пригодна для развития сельского хозяйства и скотоводства, чем их земля в Палестине. При этом они также сообщили, что к переселению из Палестины готовы 20-30 семей¹¹.

«Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» в статье «Немцы из Палестины в Меру» приводила выдержки из письма доверенного лица колонистов Палестины Карла Кноля Балденшпренгеру в Морогоро, которое в полной мере раскрывает заинтересованность немецких колонистов из Палестины в переселении в Восточную Африку. Карл Кноль писал: «Интерес к Восточной Африке в Палестине огромен. Вчера мы вновь обсуждали с вице-консулом вопрос о переселении в Восточную Африку. Мы написали письмо Переселенческому комитету, под которым стоят многочисленные подписи. Если рейх и Переселенческий комитет покажут свою заинтересованность в этом вопросе, то имеется возможность организации массового переселения. Однако важным для успешного переселения является прежде всего строительство железной дороги, и если этого не произойдёт, то можно сказать, что развитие переселения в район Меру бессмысленно»¹².

18 сентября 1908 года вице-консул в Яффе Росслер в письме в канцелярию губернатора Восточной Африки просил, чтобы земельные участки, зарезервированные в ведомственном округе Моши для переселенцев из Палестины, оставались нетронутыми, несмотря на то, что в этом году переселения не ожидается. Причиной этому, как сообщал вице-консул, является то, что большинство желающих переселиться решило дожидаться ответа от восточноафриканского Переселен-

ческого комитета на письмо от 20 марта этого года¹³.

16 октября 1908 года корреспондент газеты «National Zeitung» в заметке «Из Палестины в Германскую Восточную Африку» сообщал, что для осуществления плана переселения немецких колонистов из Палестины одним из их пожеланий является необходимость дальнейшего строительства железной дороги до Аруши, которое продлится в течение трёх лет. Также корреспондент отмечал, что земельные участки для немецких колонистов Палестины, зарезервированные в районе Меру, должны остаться свободными до их прибытия в колонию¹⁴.

1909 год ознаменовался ростом переселенческих настроений в немецких колониях Палестины¹⁵. В связи с этим в журнале «Die deutsche Kolonien» было опубликовано письмо пастора Зельтера из Яффы, в котором он писал, что «областью переселения наших колонистов является территория в районе горного массива в Меру между реками Уффа и Майи, вблизи поселения Лейддорф»¹⁶.

7 апреля 1909 года губернатор Восточной Африки А. фон Рехенберг отправил письмо в колониальное ведомство, в котором дал разъяснение, связанное с переселением немцев из колоний Палестины. В письме губернатор указывал, что материал статьи, опубликованной в «National Zeitung», в которой затронут вопрос о переселении, ему неизвестен, так как желающие переселиться не сделали письменного заявления о своём стремлении, поэтому не следует ожидать в последующие годы массового переселения из колонии Сарона¹⁷.

31 июля 1909 года служащий немецкого консулата в Яффе Блайн в письме на имя Линдегуиста в немецкое колониальное ведомство сообщал, что «определённое число семей немецких колонистов Палестины действительно желает переселиться в район Меру в Германской Восточной Африке. Однако после пересылки в восточноафриканский Переселенческий комитет пожеланий палестинских колонистов, которые были отклонены, их стремление к переселению убавилось. На мой взгляд, данный контингент переселенцев является более подходящим для колониза-

ции, чем немцы из России. Основанием этому служит то, что они имеют определённые финансовые средства и определённые знания в колонизационных мероприятиях. Поэтому мы обращаемся к Вашему Превосходительству с просьбой о том, что область Меру является очень благоприятной для переселения немецких крестьян из Палестины, и просим Ваше Превосходительство оказать помощь в этом вопросе»¹⁸.

16 сентября 1909 года региональная газета «Schwäbischer Merkur» затронула вопрос о переселении немецких колонистов из Палестины. Публикация заостряла внимание на том, что область для переселения, которая заинтересовала переселенцев из Палестины, находится в районе Меру, недалеко от европейского поселения Лейдорф. Как сообщили ведомственные служащие в Аруше, для этих целей зарезервировано 4 000 гектаров земли¹⁹.

14 октября 1909 года в письме вице-консула из Яффы в министерство иностранных

дел вновь затрагивался вопрос о переселении немцев из палестинских колоний в Восточную Африку. Вице-консул отмечал, что «определённая часть желающих переселиться до сих пор не приняла окончательного решения по причине того, что не обладает определёнными финансовыми средствами для приобретения земельных участков. К тому же, как я слышал, желающие переселиться на основе сообщения крестьянина Готтлиба Гленка из Сароны, который на свои средства совершил поездку в район Меру, где зарезервированы земельные участки для палестинских немцев, решили переселение перенести. Гленк также предположил, что переселение будет возможно только после окончания строительства железной дороги до Меру, и только в этом случае будет возможно рассматривать вопрос о переселении»²⁰.

7 октября 1910 года в немецкий консулат в Яффе был послан список колонистов Палестины, которые уже переселились в восточноафриканскую колонию.

Семьи	Число человек
Блайх	8
Бауэр	6
Эгер	3
Грётцингер	2
Семья из Германии, имеющая родственные отношения с колонистами	2

Кроме этого, в списке также указывалось, что и в 1911 году среди палестинских нем-

цев также имеются семьи, которые намерены переселиться в Восточную Африку.

Гленк	3
Штемлер	-
Кноль	4
Юнг	7
Юнг Г.	3
Граце	10
Нефф	6
Вахтер	6
Грётцингер	4
Вид	6

В списке также указывалось, что среди колонистов немецкой колонии Яффа в Палестине имеется определённое число лиц, также желающих в будущем переселиться в Восточную Африку²¹.

8 октября 1910 года служащий консулата в Яффе Шмидт в письме рейхсканцлеру Т. фон Бетман-Гольвику высказывал просьбу о том, чтобы в районе Меру по возможности также и в дальнейшем были зарезервированы земельные участки. Свою просьбу Шмидт обосновывал тем, что имеется много семей из колонии Хайфы, которые также думают переселиться в восточноафриканскую колонию²².

Однако на запрос канцелярии рейхсканцлера в немецкий консулат в Хайфе 20 октября 1910 года служащий Хардегт послал ответ, в котором указывал, что утверждение Шмидта относительно переселения из Хайфы не обосновано, так как желающих это сделать не имеется. Как писал Хардегт, возможно, в будущем, после получения благоприятных известий от переселившихся, такое переселение станет возможным²³.

26 ноября 1910 года одна из ведущих газет Восточной Африки «Usambara-Post» сообщала о том, что на территорию колонии в район Меру прибыло 16 человек из немецких колоний Палестины – Яффы и Сароны. Газета также информировала читателя, что сложные отношения в Палестине, возникшие в результате турецкого владычества, которые в последнее время привели к кровавым столкновениям, способствовали возникновению эмиграционных настроений среди немецких колонистов Палестины²⁴.

18 февраля 1911 года вице-консул в Яффе Бронде в письме губернатору Восточной Африки от имени колонистов Палестины убедительно просил губернатора о выделении дальнейшей финансовой помощи для возможности переселения из палестинских колоний. Однако в ответном письме служащего канцелярии губернатора Восточной Африки Метнера вице-консулу в Яффе от 26 апреля 1911 года прямо говорилось о том, что первая попытка губернатора оказать финансовую помощь переселенцам из Сароны вызвала недовольство среди других переселенцев, кото-

рые высказывали мысли о том, что только переселенцы из палестинской колонии Сарона получают финансовую поддержку, и поэтому другие переселенцев также желают получать финансовую помощь²⁶.

Надо отметить, что в вопросе о переселении немецких колонистов из палестинских колоний не было единого мнения. Свидетельством этому является письмо руководителя восточноафриканского Переселенческого комитета Штрауха от 24 июля 1911 года государственному секретарю имперского колониального ведомства фон Линдегуисту. В письме Штраух указывал на то, что в связи с переселением российских немцев были прерваны мероприятия по организации переселения в Восточную Африку имперских немцев. Штраух также отмечал, что неудавшийся проект переселения российских немцев вызывает настороженность у Переселенческого комитета относительно необходимости переселения немецких колонистов из Палестины. Что касается переселенцев из Палестины, писал Штраух, то Переселенческий комитет исключает возможность их переселения, так как его деятельность направлена прежде всего на организацию переселения имперских немцев, и при этом Переселенческий комитет не рассматривает колонистов из Палестины как имперских немцев²⁷.

Завершая статью, хотелось бы отметить, что на основе анализа архивных документов можно сделать следующие выводы:

1. Возможность переселения из колоний Палестины обуславливалась оказанием финансовой помощи желающим переселиться, которую не могли оказать колониальные учреждения рейха и колонии.
2. Относительно вопроса о переселении в Восточную Африку немцев-колонистов из палестинских колоний не было единого мнения внутри колониальных учреждений, что способствовало развитию бюрократической волокиты при решении данной проблемы.
3. Одной из важнейших причин медленного переселения из палестинских колоний в Восточную Африку являлось

то, что восточноафриканский Переселенческий комитет не рассматривал палестинских немцев как пригодный материал для развития колонизации в Восточной Африке, отдавая предпочтение переселению имперских немцев и всячески мешая резервации земельных участков для переселенцев из Палестины.

Поэтому по причинам прежде всего финансового характера массового переселения из немецких колоний Палестины в Восточную Африку перед Первой мировой войной не произошло. К тому же определённым препятствием для переселения являлась деятельность османских служащих, всяческим образом тормозивших процесс переселения.

Примечания

¹ Deutsche Kolonialzeitung, № 47 (1912), S. 790.
² Deutsche Kolonialzeitung, № 14 (1885), S. 438-445.

³ Bundesarchiv. Akten Reichskolonialamt 1001/33 «Ansiedlung deutscher Kolonisten aus Palästina (Sarona-Kolonisten) in Deutsch-Ostafrika». Oktober 1906 – Mai 1913 (далее: BArch R 1001/33, Bd. 1, Bl. 4).

⁴ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 3.

⁵ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 12.

⁶ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 13.

⁷ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 14.

⁸ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 15.

⁹ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 39.

¹⁰ Kolonie und Heimat, № 24 (1908), S. 10.

¹¹ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 76.

¹² Deutsch-Ostafrikanische Zeitung vom 3.08.1908, № 245.

¹³ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 93.

¹⁴ National Zeitung vom 16.10.1908, № 495.

¹⁵ Samassa, Paul. Die Besiedlung Deutsch-Ostafrika. Leipzig 1909, S. 71.

¹⁶ Die deutschen Kolonien, № 10 (1909), S. 310.

¹⁷ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 86-90.

¹⁸ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 98-99.

¹⁹ Schwäbischer Merkur vom 16.09.1909, № 430.

²⁰ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 113-114.

²¹ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 137-138.

²² BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 139.

²³ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 141.

²⁴ Usambara-Post vom 26.11.1910, № 47.

²⁵ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 156.

²⁶ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 157.

²⁷ BArch R 1001/ 33, Bd. 1, Bl. 161

«АФГАНСКИЙ ФАКТОР» ПРИ СОЗДАНИИ ТУРКМЕНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Процесс создания национальных республик в Средней Азии был крайне сложным и противоречивым. Дополнительную трудность ему создавала разделённость среднеазиатских народов между СССР и Афганистаном, СССР и Ираном, СССР и Китаем. Образование национальных республик на советской территории было подозрительно воспринято как племенной верхушкой афганских и иранских туркмен, так и правительственными кругами в Тегеране и Кабуле, которые не желали иметь вблизи своих границ любой центр, который можно было бы использовать для поддержки туркменских племён, известных своей воинственностью и непокорностью.

Свою лепту в распространение злонамеренных слухов вокруг создания Туркменской Советской Социалистической Республики внесли британские политики, которые факт создания национальных республик в Средней Азии расценивали как подготовку большевиками в будущем постепенной аннексии северных районов Афганистана с целью приближения к территории Британской Индии. Старые имперские страхи и шаблоны мышления вновь доказали свою живучесть и наметили ещё один источник недоверия в со-

ветско-афганских отношениях. Необходимо отметить, что отсутствие до 1946 года урегулированности пограничного вопроса между СССР и Афганистаном создавало благоприятную среду для интриг врагов укрепления советско-афганских отношений.

Желая предотвратить подобное развитие событий, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин¹ в начале июля 1925 года предложил подготовить общее обращение деятелей «общественных деятелей Туркестана, Хивы, Бухары» к Аманулле-хану² и афганскому народу. К 1 августа 1925 года «туркменские» варианты (один от имени руководства ТССР и другой от имени туркменских общественных деятелей, см. док. № 2) подобного воззвания к афганскому эмиру и народу были подготовлены и направлены Чичерину. Дальнейшая судьба этих документов в центральном аппарате ЦК ВКП(б) автору данной публикации не известна, но, скорее всего, общего обращения от имени Узбекской и Туркменской Советских Социалистических Республик из-за противоречий между руководством молодых республик так и не было подготовлено.

Текст документов публикуется по современным правилам орфографии с сохранением стилистики того времени.

Документ № 1

Обращение к народам независимого Афганистана

Туркменский народ, в своей исторической жизни искусственно расчленённый на части европейским империализмом, завоевав свободу в Октябрьской революции, в течение семи лет с трудом изживал то тяжёлое наследие, которое оставило ему прошлое.

Отдельные племена туркменского народа, находясь в составе различных государств – Туркестана, Хивы и Бухары, – враждовали между собой, выросли в обстановке полного недоверия друг к другу. Эти обстоятельства тормозили до сих пор возможность объединения туркмен между собой на почве их национального и государственного оформления.

Ныне туркменский народ на основе свободного волеизъявления своих трудящихся на

Первом Всетуркменском курултае³ объединил разрозненные группы и образовал собственное государство.

В эти торжественные дни, знаменующие собой начало свободного развития туркменского народа, мы счастливы обратиться с приветствием к афганскому народу и правительству, ведущих с беспримерной стойкостью борьбу с мировыми хищниками и сохранивших в условиях всеобщего порабощения восточных народов свою государственную целостность и независимость.

Мы глубоко убеждены, что храбрые и свободолюбивые сыны Афганистана воспримут образование Туркменской республики с радостью и глубоким вниманием, ибо возникновение самостоятельного Туркменского государства, родственному Афганистану, укрепит самосознание его народов, которые в лице новой Туркмении найдут искреннего друга во всех испытаниях.

С чувством величайшей ответственности ныне мы торжественно заверяем афганский народ, что Туркмения, освобождённая революцией из-под гнёта и насилия, ни в коей мере не может питать какие-либо агрессивные намерения по отношению соседних народов, систематически подвергающихся насилию со стороны империалистов. Точно так же мы уверены, что афганский народ и афганское правительство не могут питать к освободившемуся туркменскому народу какие-либо враждебные чувства.

Документ № 2 **Обращение к афганскому народу⁷**

Привет от имени туркменского населения славному народу Великого Афганистана. Сообщаем Вам, что мы под давлением империалистов были разобщены, разрознены, противопоставлены друг другу. Каждое из племён туркменского народа было искусственно разделено, и брат жил, не зная о судьбе своего брата, отец — о судьбе своих детей.

Европейский империализм, захвативший наш край, угнетавший нас политически и экономически, преследовал лишь одну цель —

Наряду с этим существование бок о бок обоих государств, связанных между собой в своей хозяйственной жизни, когда благополучие одного теснейшим образом сопряжено с другим, неизбежно приведёт к установлению прочных отношений между двумя государствами, что явится верным залогом их укрепления и дальнейшего развития. Оно даст возможность договориться о порядке торговли, установить между народами Туркмении и Афганистана благоприятный пограничный режим, возможность нормальных общений и упрочения тесной дружбы, обеспечивающей культурный и экономический рост обеих стран.

Мы надеемся, что это настроение и стремление туркменского народа найдут соответствующий отклик и, в свою очередь, станут стремлением и настроением всего афганского народа, и на основе полного доверия друг к другу они будут содействовать общему благополучию и счастью.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета ТССР Айтаков⁴

Председатель Совета Народных Комиссаров ТССР Атабаев⁵

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета ТССР Шутемов⁶

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 243. Л. 66-67. Подлинник. Машинопись.

как можно больше выжимать из нас, трудового населения, соки.

Вся продукция нашего хозяйства целиком шла в карман эксплуататоров-европейцев. Они управляли нами кнутом и палкой, сажая приставов, облечённых одновременно и военной властью, который мог в любой момент призвать войска для подавления возможного протеста с нашей стороны. Мы были обделены в гражданских правах, и пришельцы пользовались большими правами и привилегиями, чем местный коренной житель.

Но вот восстали угнетённые массы и свергли власть угнетателей-помещиков и экс-

плуататоров, власть буржуазии и дворянства, освободили из-под гнёта все малые народы и нации.

Туркменский народ, получив свободу наравне с остальными на основе свободы личности и вероисповедания, с первых дней Октябрьской Революции начал думать о своей судьбе, собирать силы, разрозненные группы, изживая прошлую вражду и недоверие друг к другу.

Семь лет упорной работы, направленной на объединение туркменских племён, привели к постепенному оформлению национального самосознания, создавшему неудержимое стремление к объединению всех племён между собой. Так как в условиях советской власти основным законом является воля всех трудящихся, то мы ныне, осуществляя это стремление, образовали собственное государство.

Полные гордости и чувства осознания мы, представители туркменского народа, в дни осуществления подлинной свободы, шлём братский привет храбрым и мужественным сынам Независимого Афганистана, так неустанно боровшимся за свою национальную независимость.

В те чёрные дни, когда европейский капитализм захватил в свои руки все восточные страны и превратил их в свои колонии, наживая блага за счёт их жестокой эксплуатации, афганский народ своим необычайным героизмом, упорно отстаивающий свою свободу, изумлял все остальные порабощённые народы. Вы были тверды, как камень, храбры, как львы, и глубоко преданы своему народу. Вы были неприступны и с честью отстояли свою свободу.

Ныне мы, от имени туркменского народа, преклоняясь перед проявленным афганским народом героизмом, освобождённые революцией от гнета и насилия империалистов, став твёрдо на ноги, на путь свободного существования, спешим выразить свою искреннюю дружбу к Вам.

Мы глубоко убеждены, что благородный афганский народ никогда не может стать на путь насилия над другими слабыми народностями, в частности над туркменами, кои в начале революции, в силу непонимания сущности таковой, эмигрировали в пределы Афганистана. Они по темноте, поддаваясь агитации злых людей, бросали свои хозяйства, родных, семью. И вот, когда теперь мы, туркмены, в мирной обстановке приступаем к созданию своего разрушенного хозяйства, и эмигранты стремятся возвратиться в свои родные поля, Афганское правительство чинит препятствия свободному их возвращению.

Нам хочется верить, что эти препятствия чинятся лишь по недоразумению, которое нужно как можно скорее изжить. Каждая такая задержка отдаляет свидание с родными, усугубляя горе последних, она препятствует восстановлению их хозяйства, оставляя поля без хозяев и обработки.

Отсутствие почти половины населения, которое волей судьбы очутилось на территории Афганистана, препятствует восстановлению кишлаков наших и отдельных округов.

Мы надеемся, что афганский народ никогда не будет сознательно способствовать нашему общему разобщению, ибо восстановление нашего хозяйства одновременно отразится на благополучии самого афганского народа, что в свою очередь будет способствовать установлению тесной экономической связи и интенсивной торговле.

Мы глубоко убеждены, что Вы освободите жаждущих возвратиться на свою родину туркмен, ибо мудрый и храбрый афганский народ никогда не будет чернить своё благородное имя насилием над теми, кто по несчастью очутился на его территории.

Да здравствует Великий Афганский народ.

Да рассеется темнота и невежество.

Да пропадёт насилие.

Да укрепится справедливость и свобода.

*РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 243. Л. 68-70.
Подлинник. Машинопись.*

Примечания

¹ Чичерин Георгий Васильевич (1872-1936) – советский государственный деятель и дипломат. Участвовал в подписании Брестского мира в 1918 г. 1918-1930 гг. – нарком иностранных дел СРФСР и СССР. Участник 1-го конгресса Коминтерна. 1922 г. – возглавлял советскую делегацию на Генуэзской конференции. 1925-1930 гг. – член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 г. – на пенсии.

² Аманулла-хан (1892-1960) – в 1919-1926 гг. эмир, в 1926-1929 гг. король Афганистана. Провозгласил независимость своей страны от Англии. В 1921 г. заключил с Советской Россией «Договор о дружбе». В 1929 г. вынужден был отречься от престола из-за мощного восстания в стране. Эмигрировал в Италию. Умер 26 апреля 1960 г. в Швейцарии.

³ Речь идет о Первом Всетуркменском съезде Советов (14-20 февраля 1925 г.), который принял Декларацию об образовании Туркменской ССР и вхождении её в состав СССР.

⁴ Айтаков Недирбай (1894-1938) – туркменский партийный и государственный деятель. 1920-1921 гг. – член волостного Красноводского ревкома. 1921-1922 гг. – член Исполкома Красноводского уездного Совета. 1922-1923 гг. – председатель Исполкома Красноводского городского Совета (Туркменская область). 1923-1924 гг. – заместитель председателя ЦИК ТАССР. 1924-1925 гг. – председатель ЦИК ТАССР; член

Оргбюро КП(б) Туркменистана; председатель Ревкома Туркменской ССР; член Президиума Ревкома Туркменской ССР. 1925-1937 гг. – председатель ЦИК Туркменской ССР. 1937 г. – репрессирован.

⁵ Атабаев Кайгисыз Сердарович (1887–1937) – туркменский государственный деятель. Активный участник Гражданской войны в Средней Азии. Член КПСС с 1918 г. 1919 г. – председатель Мервского Исполкома. 1919-1920 – зам. Председателя Ревкома Закаспийской области, а затем нарком земледелия Туркестанской АССР. С июля 1920 г. – член Исполбюро КП(б) Туркестана. С сентября 1920 г. председатель Совнаркома Туркестанской АССР. С 1923 г. – заместитель председателя Совета назиров (комиссаров) Бухарской Народной Советской Республики. С октября 1924 г. член Туркменского Ревкома (первого правительства Туркменской ССР (ТССР)). С февраля 1925 г. – председатель Совнаркома ТССР. Делегат XIV, XV, XVII съездов ВКП(б). В 1924–1937 гг. – член Бюро ЦК КП(б) Туркмении. Награждён орденом Ленина.

⁶ Шутемов Андрей Фёдорович (1894-?) – государственный деятель Туркменской ССР. 1923-1924 гг. – секретарь ЦИК Автономной Туркестанской ССР. 1924-1925 гг. – секретарь Ревкома Туркменской ССР; член Президиума Ревкома ТССР. 1925-1926 гг. – секретарь ЦИК ТССР.

⁷ В верхнем левом углу документа простым карандашом сделана рукописная пометка: «от туркменских деятелей».

БЕЖЕНЦЫ ИЗ СССР В ИРАН В 1930-е гг. ЧАСТЬ 2

Начало: «Восточный архив», 2025, № 1 (51)

Если говорить о приживаемости беженцев из СССР в Иране, то этот показатель различался у разных этнических и религиозных групп, а также зависел от меняющейся внутри- и внешнеполитической обстановки. Со своей стороны, Х. Мирбадалев констатирует неопределённость положения эмигрантов, условия жизни которых зависят от отношения к ним местных властей, и заключает, что столь обширная масса эмигрантов, в десятки тысяч человек, нуждается в представителе от Лиги Наций, способном бороться за их права. Подобное же предложение высказывается в обзоре о положении русских беженцев, подготовленном майором Л.Дж.У. Хэмбером осенью 1931 года по материалам русских источников¹. Правда, в данном случае речь идёт только о русских беженцах, в то время как Мирбадалев подразумевает всех беженцев с территории СССР.

Здесь необходимо заметить, что число мигрантов из Европейской России (по определению британского посланника Р. Гора, «русских, которые “белые” как физически, так и политически»²) было во много раз меньше, а основную массу составляли туркмены на северо-востоке и азербайджанцы на северо-западе. Так, согласно отчёту Мирбадалева, из 13 406 человек, зарегистрированных в Машхаде в период с 1 апреля 1932 по 1 сентября 1934 года, 12 000 составляли туркмены, 651 – киргизы и 755 – русские и прочие. Причём в последней группе из 755 человек находились только 261 русский и 28 иностранцев (поляков, греков, немцев, румын, венгров и пр.), а остальные были узбеки, осетины, грузины и пр. Если говорить о северо-западном Иране, то, например, из 200 беженцев, прибывших в Иранский Азербайджан (через Астару, Мугань, Билясувар, Араблар) в июле 1932 года, 90% составляли азербайджанцы («тата-

ры-мусульмане»), а остальные – армяне, русские, евреи и ассирийцы³.

Судя по рассматриваемым архивным материалам, легче всего процесс адаптации переносили азербайджанцы, вероятно, в силу привычки к постоянной трудовой миграции – они достаточно быстро растворялись в общей массе мусульман. Например, христиане и евреи, прибывшие в Иранский Азербайджан в июле 1932 года, были отправлены в Сулдуз, а азербайджанцы нашли работу на сборе урожая в округах Мугань, Ардебиль, Сарйаб, Мишкин и Халхал. Среди азербайджанцев было немало мусаватистов, значительная часть которых находила поддержку турецкого консульства в Табризе, выдававшего им паспорта и по 30 туманов на дорогу. В то же время британский консул в Табризе А. Дэйвис констатирует желание многих азербайджанцев (порой вооружённых) вместе с семьями, всеми пожитками и скотом пробиться в приграничные районы, чтобы, переждав там трудные времена, через определённое время вернуться назад. Некоторые азербайджанцы привозили в Иран по одной, а иногда по две или три русских жены. Это были женщины, пришедшие на Кавказ в поисках хлеба и вынужденные соглашаться стать жёнами тех, кто выражал готовность их содержать. В итоге к осени 1931 года в Табризе встречалось уже немало женщин под иранской вуалью, говорящих по-русски⁴.

Труднее приходилось образованным русским, армянам⁵ и евреям⁶ (особенно женщинам), привыкшим к более рафинированному образу жизни, хотя, по утверждению британского консула в Табризе А. Дэйвиса, иранцы обращались с беженцами, прибывшими в Азербайджан, хорошо. Подобное же отношение иранских властей в Машхаде к русским беженцам после некоторых перипетий

по вине пограничных чиновников констатируется и в отчёте британской миссии в Тегеране от 20 июля 1932 года: до выяснения их благонадёжности, т. е. не принадлежности к ОГПУ, беженцев примерно на 10 дней сажали в тюрьму, после выхода из которой русская община в Машхаде находила им работу⁷.

Тем не менее, обзор майора Хэмбера, подготовленный им по русским источникам, даёт несколько иную картину. Используемые Хэмбером материалы подчёркивают зависимость иранских властей (в первую очередь пограничных) от «большевиков», а также желание иранцев отделаться от беженцев. Так, в августе 1929 года практически все русские (в том числе натурализовавшиеся), жившие в Машхаде, по настоянию СССР были отправлены в Тегеран. Это вызвало переполох, поскольку людям пришлось прекращать свой бизнес или закрывать мастерские, неся убытки. В том же году двое мигрантов, Лелеков и Шишко, были отправлены из Тегерана в Ашхабад, однако им посчастливилось встретить военного губернатора Хорасана, и их отпустили в Кучане. Также под давлением «большевиков», по мнению британских дипломатов, в Тегеран был отправлен зажиточный молоканин, активно помогавший русским благотворитель Тихонов, живший в Машхаде уже 10 лет.

Иногда иранские власти направляли беженцев-немусульман на афганскую границу, зная, что Афганистан их не примет. Однажды туда из Кучана выслали девять человек, которые, пройдя пешком 400 вёрст, вернулись в Машхад совершенно обессиленные. В другом случае несколько беженцев, прибывших в Машхад, после непродолжительного заключения были переданы дорожной страже (*амнийе*) для этапирования к афганской границе. Однако люди просто легли на землю и отказались идти. Побои не помогли, и они добились связи с русской общиной в Машхаде, при посредстве которой светский генерал-губернатор Хорасана разрешил им остаться в Машхаде.

Иногда затягивалось и «10-дневное заключение». Например, беженец по фамилии Мазур, прибывший в Машхад осенью 1930 года, находился в заключении 4,5 месяца на хлебе

и воде, а начальник полиции, несмотря на ряд приказов, отказывался его освободить, ссылаясь на то, что его документы не прибыли с погранпоста. В итоге Мазур был вынужден объявить голодовку: через пять дней он умер в госпитале. Советские представители протестовали против того, чтобы его хоронили на русском кладбище, однако за неимением другого по ходатайству «белых» русских он был похоронен именно там⁸.

Больше всего из упомянутой группы (русские, армяне и евреи, как правило, сами сдавались властям) везло тем, кому быстро удавалось договориться о выезде в третьи страны (Францию, Сирию, Турцию, Аргентину и др.) – им выдавали нансеновские паспорта, действительные на одну поездку и не действующие на территории Ирана, в которые и проставлялась виза государства-реципиента. Желаям отправиться в другие города Ирана, кроме Тегерана, давали такое разрешение, а тех, кто не знал, куда им ехать, отправляли в Зенджан, Сулдуз или Мийане. Тех, кто пересекал северо-восточную границу и оказывался в Машхаде, высылали, главным образом, в Исфахан (при этом людям под конвоем приходилось проделывать расстояние около 1000 миль пешком: лишь немногие находили место в грузовике)⁹.

По словам Х. Мирбадалева, русским не позволяли оставаться в приграничных районах, поэтому их принуждали выбирать город за пределами Хорасана, Мазандарана или Табриза. Обычно это был внутренний Иран с не промышленными, а чисто сельскохозяйственными центрами, поэтому квалифицированным кадрам работу найти не удавалось, и они подолгу жили в нужде.

Со своей стороны Мирбадалев предлагал создать в Тегеране особый отдел полиции, который обладал бы информацией о нужных стране специалистах и распределял бы их соответствующим образом¹⁰. Он также отмечал отсутствие у эмигрантов нансеновских паспортов, что лишало их возможности отправиться в другую страну, где их квалификация оказалась бы востребована. Майор Хэмбер в этой связи поясняет, что иранское правительство выдавало безработным на пропитание один риал в день, поэтому мно-

гим приходилось попрошайничать. При этом наличие малейшего намёка на капитал могло стать поводом для подозрений и ареста.

Особенно трудным положение беженцев было в Казвине, Зенджане, Сабзаваре и Исфахане. Некоторые из них, доведённые до отчаяния безработицей и движимые далеко не идеологическими соображениями, вернулись в СССР при содействии советских консульств¹¹.

Российские подданные, оставшиеся в Тегеране, сыграли немалую роль в создании новых отраслей экономики. Эмигранты в Тегеране занимались кондитерским ремеслом, токарным делом, ремонтом автомобилей, создавали фирмы грузовых и пассажирских перевозок, производством и доставкой мясной и колбасной продукции, пошивом обуви европейского образца (мастерская братьев Рагеб), ими был открыт кинотеатр «Маяк»¹². И всё же в июле 1934 года генеральный консул в Хорасане Э. Гастрел констатировал, что русские по-прежнему весьма непопулярны¹³.

Достаточно непросто было в Иране туркменам. Согласно отчёту Мирбадалева, прибывающие в Машхад туркмены оказывались под военной охраной и потом распределялись по регионам¹⁴. Зная воинственный характер туркмен¹⁵, иранское правительство опасалось давать им значительную свободу. Чтобы ограничить их набеги на советскую территорию, провоцировавшие протесты советских властей, их расселяли в маловодных, неблагоприятных в климатическом отношении регионах, заболоченных местностях или в районе Серахса, на территориях, граничащих с пустыней, где нормальное развитие сельского хозяйства было невозможно¹⁶. Например, в 1932 году группа из 300 салоров была размещена в Багбагу¹⁷, болотистой местности между Машхадом и Серахсом. В течение первого года 200 человек умерло от малярии, и на момент составления отчёта в живых оставалось только 80 человек¹⁸. В этой связи Мирбадалев предлагал позволить туркменам самим выбирать необжитые места для поселений и выдавать им государственные субсидии на устройство ирригации¹⁹.

Согласно отчёту британской миссии в Тегеране от 20 июля 1932 года, сами туркмены

не признавали границ и решительно восставали против подобных переселений²⁰. Они жаловались на то, что их расселяют на неплодородной земле (автор отчёта замечает, что плодородной земли в Иране немного, и самая лучшая уже занята) и вынуждают к длительным переходам, не обеспечивая провизией и защитой от жары и холода.

И здесь снова возникает уже упоминавшийся Иредж-хан. Третий секретарь британской миссии в Тегеране Баск утверждает, что пока Иредж-хан остаётся на своём посту, каких-либо изменений ждать не приходится, но при этом признаёт, что иранский чиновник находится в сложном положении. Если он оставит туркмен у границы, то столкнётся с протестами русских и может даже потерять должность, а если отправит их вглубь страны, последуют жалобы со стороны самих туркмен, которые сделают жизнь своих соседей-иранцев невыносимой, а те, со своей стороны, усилят давление на представителей властей.

В разговоре с британскими дипломатами Иредж-хан высказал своё суждение относительно туркмен, которое, по мнению дипломатов, в целом признающих, что туркмены служат источником проблем, отражает официальную точку зрения иранского правительства: а) туркмены – дикий и неуправляемый народ; б) туркмены по самой своей сути – бандиты и грабители, поэтому они хотят поселиться как можно ближе к границе (например, он сообщил о случае, когда туркмены жаловались на неплодородные территории, но при этом отказались от предложения переселиться на плодородные земли, находящиеся далеко от границы); в) советское руководство постоянно обвиняет иранцев в том, что они расселяют туркмен вблизи границы, но не контролируют их.

Иредж-хан собирался предложить своему правительству программу ассимиляции туркмен, реализуемую через открытие школ и обучение, однако плоды этой программы, по его убеждению, могли стать заметны не раньше, чем через 30 лет. Не случайно, по утверждению британских дипломатов, иранцы радовались, когда туркмены перебирались в Афганистан, где их принимали много лучше²¹.

При этом их участь в Афганистане могла быть весьма незавидной: так, британские дипломаты сообщали о проекте поселить 2000 туркмен, бежавших из СССР в Афганистан, на юго-западе страны, в засушливом районе

Чакансур у иранской границы, освободившемся, видимо, вследствие осушения канала, выпадающего в р. Гильменд²².

(конец второй части)

Примечания

¹ IOR/L/PS/12/3426. Coll 28/29. Persia. Russia. Russian Refugees in Persia. F. 11v, 164, 174.

² IOR/L/PS/12/3426. F. 105.

³ IOR/L/PS/12/3426. F. 10–11, 95–96.

⁴ IOR/L/PS/12/3426. F. 48, 95–96, 109–112, 136–137, 153.

⁵ Общее число армян, переселившихся в Иран в период с 1919 по 1941 год, оценивается примерно в 5000 человек. Сначала они проживали в основном в Азербайджане, а затем начали оседать в Казвине, Хамадане, Тегеране и Исфахане. Интересно, что в середине этого периода наблюдается обратная миграция армян из советской Армении в Турцию. Так, в табризском консульском дневнике за сентябрь 1933 года сообщается о большом наплыве беженцев с Кавказа в Турцию, большинство из которых – армяне. По мнению британских дипломатов, тот факт, что они покидают советскую Армению и бегут в Турцию, которую покинули во время и после войны, и сдаются на милость своих этнических врагов турок, красноречиво говорит о ситуации, господствующей на Кавказе. При этом турки относились к ним благосклонно и помогали расселиться в изолированных местах: основной поток беженцев шёл через Карс и Маркара, а затем турки направляли их в вилайеты Муш, Ван и пр., прежде населённые армянами. Считалось, что турки специально перетягивают армян на свою сторону во избежание формирования в будущем враждебного армянского лагеря на определённом участке своей границы [*Байрами С. Барраси-йе мохаджерат-е ираниан бе Русийе ва базгяшт-е анан бе кешвар пас аз энкелаб-е большевики // Моталеат-е тарихи. 1399/2020. Т. XVIII. № 69. С. 53–54; IOR/L/PS/12/3426. F. 46v, 50–51*].

⁶ Например, в ноябре 1933 года в Иран бежали около 600 бухарских евреев, которые к апрелю 1934 года были доставлены в Тегеран, но из-за сомнений в их благонадёжности иммиграционные карты получили лишь немногие из них. 12 января 1934 года они написали британскому премьер-министру Р. Макдональду письмо, в ко-

тором сообщали, что за последние полгода в Иран из-за тирании советской власти бежало 800 бухарских евреев. Будучи капиталистами, они оказались ограбленными и находятся в трудном положении, однако в Палестине у некоторых из них есть родственники и имущество. Подтверждая свою лояльность британскому правительству, они просили выдать визу всем (данные о реакции на это письмо в рассматриваемом деле отсутствуют). Тем не менее 21 августа 1937 года (30 мордада 1316 г.с.х.) Главное полицейское управление Министерства внутренних дел Ирана сообщало о том, что евреи из СССР, незаконно пересекающие границу в районе Ашхабада без каких-либо документов, из Машхада, как правило, отправляются в Керманшахан, откуда по получении разрешения на выезд от местных властей и визы британского консульства отправляются в Палестину, не задерживаясь на территории Ирана. Однако недавно в связи с революционными событиями в Палестине посольство Великобритании приказало консульству в Керманшахане приостановить выдачу виз евреям до успокоения ситуации, в связи с чем упомянутое ведомство запрашивало инструкций о своих дальнейших действиях [*Азари Ш. Мохаджерат-е атба-йе шоурави бе Иран (1297–1317 ш.) // Гянджине-йе аснад. 1372/1993. № 9. С. 5–6; IOR/L/PS/12/3426. F. 15, 23–30, 31–32*].

⁷ IOR/L/PS/12/3426. F. 48, 105–107, 112.

⁸ IOR/L/PS/12/3426. F. 160–163, 170–174.

⁹ IOR/L/PS/12/3426. F. 40, 109–112, 157.

¹⁰ Эта идея была реализована иранским правительством гораздо позднее. 29 июня 1938 года (8 тира 1317 г.с.х.) в Тегеране была создана комиссия по беженцам, в состав которой вошли представители министерства финансов, МИД и Главного управления сил охраны правопорядка МВД. В обязанности комиссии входило выявление беженцев и их профессий, переговоры с соответствующими ведомствами об их трудоустройстве, а также обеспечение их средствами на перемещение и медицинское обеспечение. В Машхаде, Реште и Табризе были созданы подкомиссии по

беженцам. Поскольку средств не хватало (например, иранцы, жившие в Гяндже, запросили у местного иранского консульства несколько вагонов для себя и своего багажа), организация «Красного Льва и Солнца» занималась сбором материальной помощи беженцам. Кроме того, в госбанке был открыт отдельный счёт, куда переводили средства простые граждане. При этом сбор средств производился и ранее. Так, 29 ноября 1937 года (8 азара 1316 г.с.х.) правительство сообщило о выделении 10 000 риалов на поддержку мигрантов (в том числе ассирийцев, имевших иранское гражданство), чуть позднее такую же сумму передал наследник престола. По данным Главного полицейского управления, на 22 176 мигрантов, въехавших в страну весной 1938 года, было выделено 140 000 риалов. В 1938 году Комиссия по делам мигрантов выдвигала предложение создать для мигрантов новое отдельное поселение [*Азари Ш. Мохаджерат-е атба-йе шоурави бе Иран. С. 4–5; Байат К. Мохаджерин-е шоурави: нохостин таджробе-йе панахандеги дар Иран // Гофтогу. 1374/1995. № 11. С. 17; Пурмохаммади Амлаши Н., Рахмани С., Хазани М. Барраси-йе сийасат-е доулят-е Пахлави-йе авваль несбат бе базгяшт-е мохаджеран-е ирани аз Шоурави // Тарих-наме-йе Иран-е бад аз ислам. 1402/2023. Т. 14. № 36. С. 66, 69–70, 72; Садаат С.М., Нураи М., Мир-Джафари Х. Барраси-йе табъид-е иранийан аз Шоурави тей-йе сальха-йе 1305–1320 ш. // Гянджине-йе аснад. 1392/2013. Т. XXIII. № 2. С. 31].*

¹¹ IOR/L/PS/12/3426. F. 11v–12; IOR/L/PS/12/3406. Coll 28/10. Persia. Diaries; Meshed Consular Jan'y 1931 – May 1940. F. 422. Эта проблема касалась и беженцев, обладавших иранским гражданством: поначалу иранское правительство смотрело достаточно оптимистично на профессиональную принадлежность иранцев, полагая, что рабочие места найдутся всем, однако позднее в связи с огромным наплывом людей потребовалось планирование. Кроме того, предприниматели неохотно трудоустраивали репатриантов. Поэтому 28 июня 1931 года (6 тира 1310 г.с.х.) правительство выпустило постановление, согласно которому те из эмигрантов, кто способен работать на строительстве жилого фонда и иного рода зданий, должны использоваться соответствующими структурами. При этом присутствовала избирательность: например, Гилян отказался принять 1000 эмигрантских домохозяйств, поскольку

они не имели отношения к сельскому хозяйству. Надо сказать, что к работе в этой области привлекали даже людей, имевших иную специальность, но при этом управление по сельскому хозяйству не оказывало мигрантам поддержки в трудоустройстве [*Пурмохаммади Амлаши Н., Рахмани С., Хазани М. Барраси-йе сийасат-е доулят-е Пахлави-йе авваль. С. 64–65; Садаат С.М., Нураи М., Мир-Джафари Х. Барраси-йе табъид-е иранийан. С. 30].*

¹² Садаат С.М., Нураи М., Мир-Джафари Х. Барраси-йе табъид-е иранийан. С. 30. Об открытии кинотеатра «Маяк», находившегося на улице Лалезар, сообщила газета «Сетаре-йе джахан» 29 октября 1933 года (7 абана 1312 г.с.х.). 21 ноября того же года (30 абана 1312 г.с.х.) здесь был продемонстрирован первый иранский звуковой фильм «Дохтар-е лур» (общий кассовый сбор составил 190 000 туманов). После исламской революции 1979 года кинотеатр, прежде сменявший несколько названий, получил имя «Ирем». В настоящее время здание практически разрушено. См.: 83 сал-е бад: салун-е синама-йи ке задгах-е «Дохтар-е лур» буд, морд! URL: <https://www.khabaronline.ir/news/603974> (дата обращения: 24.09.2024).

¹³ IOR/L/PS/12/3406. F. 486.

¹⁴ Приказом от 1930 года туркмен предписывалось отправлять в Кара-тепе и Пишкармар, находящиеся в 16–20 фарсахх (прим. 100–125 км) от границы, недалеко от Гомбад-е Кабус, где располагался военный гарнизон: таким образом они оказывались под присмотром военных (*Садаат С.М., Нураи М., Мир-Джафари Х. Барраси-йе табъид-е иранийан. С. 30*).

¹⁵ В отчёте британской миссии в Тегеране от 20 июля 1932 года говорится о «неуправляемом и склонном к беззаконию характере» туркмен (IOR/L/PS/12/3426. F. 106).

¹⁶ Подобная политика порождала обратную миграцию или провоцировала попытку перебраться в соседние страны. Так, по данным британских дипломатов, из-за плохого обращения со стороны иранских властей 24 ноября 1935 года восемь туркменских семей, прибывших в Иран в 1934 году в качестве беженцев, вернулись в СССР. Ранее группа туркмен, отправленных в Захедан, попыталась перейти границу Британской Индии, но её участники были схвачены и заключены под стражу (IOR/L/PS/12/3406. F. 417, 534v).

¹⁷ Деревушка Багбагу (بغباغو) располагается примерно в 85 км к юго-востоку от Машхада.

¹⁸ В частности, машхадское консульство 10 марта 1932 года сообщает, что положение туркмен действительно жалкое: их расселяют в районах с водой плохого качества или малярийных регионах, вроде Келата и Шурака (Shurrek), где из 30 и 48 расселённых соответственно умерло 31 и 19 человек. Отмечалось особенно ужасное положение туркмен в Бирджанде (IOR/L/PS/12/3426. F. 119; IOR/L/PS/12/3406. F. 534v).

¹⁹ Попутно Мирбадалев упоминает и киргизов, которые, будучи кочевниками, в СССР жили скотоводством, а в Иране оказались разбросаны на территории между Машхадом и Тегераном и работают носильщиками или на стройках. Кроме того, он уточняет, что туркмен и киргизов, в отличие от прочих беженцев, не регистрируют индивидуально – их записывают либо в «крестьян», либо в «скотоводов» (IOR/L/PS/12/3426. F. 10).

²⁰ Справедливости ради необходимо заметить, что против переселения вглубь страны выступали не только туркмены. Так, 15 июля 1931 года британские дипломаты сообщают о переходе в Иран 300 белуджей, которые долгое время жили на территории СССР. Они привели с собой много скота, разместились в Зурабаде недалеко от Серахса и выразили желание получить иранское гражданство. Правительство же согласилось их принять при условии перемещения от границы. Судя по всему, белуджи не согласились, поскольку несколько лет спустя иранские власти предприняли попытку переселить в Зурабад 500 туркменских семей, живших в районе Буджнурда, поскольку этот район, располагавшийся возле афганской границы, был оставлен иранскими подданными, белуджами и теймури, бежавшими в Афганистан и бросившими все свои домашние пожитки и зерно в результате стычки с жандармами (вероятно, пытавшимися принудить их к переселению, совершив нападение на их семьи). После ответной атаки на жандармов, пятеро из которых были убиты, а трое взяты в плен, означенные племена оставили родную землю (IOR/L/PS/12/3406. F. 421, 463, 617v).

²¹ IOR/L/PS/12/3426. F. 19–20, 105–107, 113–117. В то же время английская путешественница Р. Форбс пишет о «мудрой политике иранского правительства», поддерживающего переселение туркмен и расселение их в приграничной зоне,

поскольку подобная мера позволяет ему укрепить иранскую границу за счёт размещения вдоль её линии враждебных советской власти племён. При этом из её же рассказа следует, что иранцы не приветствовали масштабные миграции: так, текинцам, собиравшимся массово перебраться в Иран, они заявили, что готовы принять и снабдить пастбищами в районе Боруджерда только туркмен «иранского происхождения» (*Forbes R. Conflict Angora to Afghanistan*. London: Cassell and Company, 1931. P. 160). В этом контексте определённый интерес вызывает находящееся среди рассматриваемых архивных материалов обращение некоего Сахи Ишана Гирея Ишан-оглу (Sakhi Ishan Gharah IshanUghlu) в британскую миссию 25 азара 1311 / 16 декабря 1932 года (а также ещё два сходных по тематике обращения без даты). Автор жалуется на тяжёлую судьбу миллионов туркмен в советском Туркестане и пишет о существовании совета из 25 человек, пытавшихся выработать план по спасению от голода и прочих напастей, однако впадшем в разногласия. Теперь он сам обращается за помощью и покровительством туркменам со стороны британцев, называя себя представителем туркменского народа, проблемы которого под гнётом большевиков он желает обсудить с шахом и королём Афганистана. В случае неудачи он предполагает обратиться к другим державам. Прежде всего автор намеревался отправиться в Англию и получить аудиенцию короля, чтобы просить за свой народ. Получив от британской миссии визу, он стал просить денег на дорогу, утверждая, что в случае отказа будет вынужден проделать весь путь пешком. Кроме того, он настаивал на своей скорейшей эвакуации из Тегерана, куда прибыл два года назад, в связи с наличием у него множества врагов. При этом у него за плечами было два тюремных заключения – 2,5 года по подозрению в вывозе товаров на британскую территорию, так как он ездил в Афганистан по торговым делам, пытаясь решить проблему там, и 8 месяцев за долги (IOR/L/PS/12/3426. F. 86–89). Стиль и содержание письма заставляет заподозрить, что его автор – обыкновенный жулик, однако каких-либо комментариев самих британских дипломатов в деле мы не находим.

²² IOR/L/PS/12/3406. F. 532v.

Окончание в следующем номере

СОВЕТСКИЙ ПОЗИЦИОННЫЙ ДОКУМЕНТ К ПЕРЕГОВОРАМ О СУДЬБЕ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ В 1945 ГОДУ

Контроль над Черноморскими проливами – Босфором и Дарданеллами – являлся одной из ключевых целей российской внешней политики конца XVIII – начала XX века. Через Проливы шёл вывоз основных экспортных товаров России, они же оставались ключевым транзитным пунктом, через который могла исходить угроза южным рубежам России. Борьба за контроль над Проливами была определяющей для российской стратегии вплоть до Первой мировой войны. Именно контроль над Проливами являлся одной из ключевых целей войны для Российской империи.

Распад Российской и Османской империй кардинально изменил политическую ситуацию в Черноморском регионе, однако не устранил географически детерминированного стремления Советской России, а затем и СССР к укреплению собственной безопасности на южных рубежах, доступ к которым обеспечивали Проливы. Стремление к установлению выгодного режима Проливов было отражено в Московском договоре от 16 марта 1921 года. В статье о Проливах были зафиксированы некоторые ключевые подходы советской стороны к будущему режиму Проливов: свобода торгового судоходства через Проливы; учёт интересов безопасности Турции и её суверенитета над Проливами; выработка нового режима Проливов на конференции из делегатов причерноморских государств¹. Текст статьи в силу объективных исторических и политических обстоятельств не содержал чёткого видения будущего статуса Проливов.

Впоследствии вопрос о Проливах был поставлен на Лозаннской конференции. Английской дипломатии удалось добиться в этом вопросе значительных уступок со стороны Турции. Подписанная в Лозанне Конвенция

предусматривала полную демилитаризацию проливов и свободу прохода через них морских и воздушных судов. Максимальные военные силы, которые любая страна могла провести через Проливы, не должны были превышать силы самого большого Черноморского флота. Вместе с тем державы получали право при всех обстоятельствах посылать в Чёрное море не более трёх судов водоизмещением не более 10 тыс. тонн каждое. Для контроля над выполнением Конвенции создавалась международная комиссия со штаб-квартирой в Константинополе во главе с представителем Турции и при участии представителей Франции, Великобритании, Италии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии, России и Югославии. Численность стамбульского гарнизона ограничивалась 12 тысячами человек, а Турция не имела права иметь в зоне Проливов артиллерии или иных видов войск². Конвенция, таким образом, ограничивала суверенитет Турции над Проливами. СССР Конвенцию подписал, однако не ратифицировал. Вероятно, это свидетельствовало о том, что советское правительство не собиралось полностью игнорировать её, намереваясь при удобном случае добиваться её изменения³.

В 1920-е – первую половину 1930-х годов интересы СССР в области обеспечения собственной безопасности в районе Проливов были созвучны стремлению Турции к восстановлению собственного суверенитета над ними. Именно пересмотр режима Проливов стал одной из основных целей турецкой внешней политики в середине 1930-х. В 1933–1935 годах турецкие дипломаты, учитывая международную ситуацию и развитие морской техники, неоднократно возвращались к идее пересмотра Конвенции.

После нарушения Германией 7 марта 1936 года Версальского договора и ввода войск в Рейнскую зону Турция решила официально поставить вопрос о пересмотре Конвенции. 11 апреля турецкое правительство направило государствам, участвовавшим в обсуждении Лозаннской конвенции, ноту с предложением начать переговоры о новом режиме Проливов с учётом изменившейся международной обстановки в сфере безопасности. Хотя советское руководство не считало уместным момент, выбранный турками⁴, оно поддержало турецкую инициативу.

На конференции, которая состоялась в Монтрё с 22 июня по 21 июля 1936 года, обсуждались изменения режима проливов. В ходе острой дискуссии, которая прерывалась на консультации и обсуждения, был выработан проект новой конвенции. Для советской стороны он носил компромиссный характер. Подтверждался принцип права свободы прохода и мореплавания торговых судов в Проливах. Наклаывались ограничения на пребывание в Чёрном море военных кораблей нечерноморских держав. Эти ограничения были увязаны с тоннажем самого мощного черноморского флота. Черноморские государства получили право проводить через Проливы военные суда и подводные лодки, заранее уведомляя об этом турецкую сторону. В случае участия Турции в войне проход военных судов всецело зависел от решения турецкого правительства. Это же правило действовало, если возникала угроза войны для Турции, но в этом случае вопрос рассматривался Лигой Наций и участниками конвенции⁵.

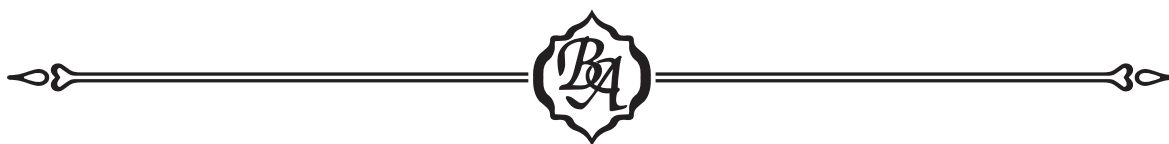
В ходе конференции советская сторона убедилась, что Турция боялась усиления советского влияния на Чёрном море и в связи с этим готова была пойти на уступки Англии без учёта советских интересов в сфере безопасности. Наметилась тревожная для СССР тенденция сближения Турции с Англией, что привело к росту недоверия между Москвой и Анкарой и постепенному охлаждению двусторонних отношений. Тем не менее, сама конвенция Монтрё воспринималась как шаг вперёд по сравнению с Лозаннской конвенцией. Однако вопрос о полной безопасности

советских южных рубежей так и не был окончательно снят с повестки дня. По мнению некоторых исследователей, советская делегация сумела добиться максимального результата в сложных условиях⁶, но, тем не менее, трансформация статуса Проливов оставалась на повестке дня советской дипломатии и в канун Второй мировой войны.

Немецкая оккупация Чехословакии в марте 1938 года и оккупация итальянцами Албании в апреле того же года усилили опасения Турции за судьбу Проливов. Турция стала склоняться к стратегическому сотрудничеству с Англией и Францией, чтобы купировать эвентуальную угрозу, которую могла представлять для неё Италия в Средиземноморье.

В середине апреля 1939 года СССР начал переговоры с Англией и Францией о заключении военного союза. В этой ситуации руководство Турции планировало играть роль моста между западными демократиями и СССР. 15 апреля 1939 года от имени В.М. Молотова советскому представителю в Анкаре О.И. Никитниковой было поручено передать лично И. Инёню советское предложение о консультациях представителей СССР и Турции о защите от агрессии в связи с новой ситуацией в районе Балкан и Чёрного моря⁷. В конце апреля – начале мая 1939 года первый заместитель Наркоминдел СССР В.П. Потёмкин провёл консультации с турецким руководством в Анкаре о возможной архитектуре безопасности в Чёрном море и на Балканах. Хотя консультации виделись как начало многообещающих договорённостей, смена руководства НКВД⁸ ознаменовала то, что они оказались скорее зондажем турецкой позиции и выяснением того, насколько далеко зашли турецко-британо-французские переговоры. Смена в начале мая 1939 года М.М. Литвинова на посту Наркома НКВД на В.М. Молотова обозначила постепенное изменение советской стратегической линии во внешней политике – отход от союза с западными демократиями к договорённостям с Германией.

Зондаж позиции турецкого руководства, проведённый В.П. Потёмкиным, продемонстрировал, что Турция стремится к более тес-

ному сближению с потенциальными противниками СССР – Англией и Францией, желая в то же время самостоятельно определять уровень своего участия в совместном противодействии внешним угрозам⁹ и требуя за это чрезмерно высокую финансово-экономическую и материальную цену¹⁰. Вместе с тем, этот зондаж показал советскому руководству стремление Турции обезопасить себя с севера в условиях надвигающейся войны. В преддверии нового мирового конфликта, относительно наступления которого у советского руководства не было сомнений, для СССР было необходимо надёжно обеспечить безопасность юго-западных границ СССР. Ключевую роль в этом играли Черноморские проливы. Это создавало у руководства СССР определённую надежду на возможность достижения договорённости Турцией в сфере безопасности.

Советский план переговоров о новом советско-турецком пакте основывался на информации, полученной в ходе дипломатического зондажа В.П. Потёмкина и анализа бесед А.В. Терентьева с турецким руководством в начале сентября 1939 года. В.М. Молотов в своём анализе вероятных позиций сторон при переговорах исходил из того, что турецкое правительство знало о недоверии между СССР и Англией, которое мешало сближению двух стран, но пошло на сближение с Англией и Францией в ущерб отношениям с СССР. При этом, ставя вопрос о заключении советско-турецкого пакта, Турция имела в виду возможное нападение на неё Германии и Италии. СССР же имел в виду возможное нападение на него Англии и Франции через Проливы и с территории Балкан (Румынии)¹¹.

Рассматривая турецкие опасения относительно возможного нападения Германии и Италии, советские лидеры полагали, что обе эти страны не предпримут агрессии против «находившихся в орбите влияния» СССР государств, в том числе Турции¹². Советская дипломатия полагала, что можно будет подтолкнуть турок к расширительному трактованию в выгодном советской стороне ключе тех положений конвенции Монтрё, которые ограничивали доступ в Чёрное море нечер-

номорских держав, прежде всего Англии и Франции¹³. Кроме того, целью советского руководства было убедить турок предпочесть неопределённым англо-французским гарантиям более весомые экономические и политические связи Турции и СССР, удержать Турцию от вступления в войну на стороне одного из противоборствующих блоков и укрепить советскую и косвенно германскую ориентацию Турции¹⁴.

В ходе советско-турецких переговоров в октябре 1939 года советское правительство, видя неуступчивость турецкого министра иностранных дел Ш. Сараджоглу в вопросе о Проливах, отказалось от идеи заключения пакта¹⁵. По возвращении в Турцию Ш. Сараджоглу был серьёзно подавлен исходом переговоров в Москве. В беседе с английским послом Х. Нэтчбулл-Хьюджессеном он отмечал, что советское правительство достигло «дешёвого триумфа в Польше и на Балтике», но встретило серьёзный отпор со стороны турок и финнов¹⁶.

Советско-турецкие переговоры стали составной частью комплексного подхода советского руководства к обеспечению безопасности европейских границ и проходили параллельно с переговорами между СССР, прибалтийскими государствами и Финляндией, которые рассматривались как стратегический плацдарм для нападения на СССР¹⁷. Ввод советских войск в Польшу, «Зимняя война» с Финляндией, Бессарабский поход Красной армии и договоры с прибалтийскими республиками создавали впечатление перехода советского руководства к агрессивному расширению сферы советского влияния, что чрезвычайно пугало турок¹⁸.

Пересмотр режима Проливов и изменение баланса сил в Черноморском регионе в пользу СССР стали одной из основных целей советской политики на турецком направлении в первой половине 1940-х годов. Учитывая ухудшение советско-турецких отношений, советское правительство несколько изменило свой подход к решению проблемы безопасности южных рубежей СССР. Предполагалось оказать давление на Турцию, включив в советскую сферу влияния Болгарию. В.М. Молотов накануне встречи с высшим полити-

ческим руководством Германии предпринял активные усилия для зондажа позиции Болгарии в вопросе о Проливах. Советская сторона готова была гарантировать Болгарии выход в Эгейское море, при этом уверяя болгарское руководство, что ни при каких обстоятельствах не намерена вмешиваться во внутренние дела Болгарии¹⁹. В случае успеха СССР получал бы контроль над регионами, граничащими с точками входа в Проливы.

Контроль над побережьем Болгарии позволял СССР «закрыть» Проливы и обезопасить себя от нападения со стороны Чёрного моря. Прогерманский дрейф Болгарии и территориальные гарантии, данные Германией в августе 1940 года, усилили стремление советской дипломатии заключить пакт о взаимопомощи с Болгарией, что должно было привести к нейтрализации Турции и усилению советского присутствия в зоне Проливов²⁰. Однако советские усилия плодов не принесли, и, по словам В.М. Молотова, отчитывавшегося о ходе переговоров, похвастаться было нечем, но было выяснено «настроение Гитлера» по данному вопросу²¹.

Советское руководство полагало, что после заключения англо-франко-турецкого пакта в октябре 1939 года Турция стала невоюющим сторонником одного из воюющих блоков. В то же время в конце 1939–1940 году в советско-турецких отношениях укреплялось недоверие. Скандал с публикацией германским МИД депеш французского посла в Анкаре Р. Массигли о планах бомбардировок советской территории через территории Турции и Ирана ещё больше омрачил советско-турецкие отношения. Искажённые известия о переговорах В.М. Молотова с германским руководством о включении Проливов и восточных районов Турции в советскую сферу влияния в свою очередь ещё больше подорвали доверие турок к политике СССР²².

В.М. Молотов постоянно оказывал давление на турецкую сторону с целью заставить её пересмотреть существовавший подход к советско-турецким отношениям, в центре которых находился вопрос о режиме Проливов в случае столкновения СССР с Великобританией²³. И.В. Сталин последовательно проводил линию на то, что СССР против

единоличного «хозяйничанья» Турции в Проливах и того, чтобы она диктовала свои условия на Чёрном море²⁴.

Вместе с тем, на переговорах с Гитлером в ноябре 1940 года В.М. Молотов отмечал, что у СССР только одна цель – гарантировать себя от нападения через Проливы не только на бумаге, но и на деле, и что он уверен, что СССР и Турция придут к договорённости по этому вопросу²⁵. В ходе бесед с Гитлером и Риббентропом немецкая сторона признавала желание СССР пересмотреть положения конвенции Монтрё. В то же время в проекте соглашения между СССР и Германией, Италией и Японией, который был представлен Риббентропом В.М. Молотову 13 ноября в Берлине, одной из ключевых целей предполагавшегося «четверного» пакта виделось изменение конвенции Монтрё в сторону закрытия Проливов для прохода всех военных кораблей, кроме советских, германских, итальянских, а также принадлежащих черноморским странам, с сохранением свободы торгового мореплавания. При этом была принята советская аргументация о том, что именно через Проливы исторически исходила угроза югу России²⁶.

После гитлеровского нападения на СССР Турция 25 июня 1941 года объявила о своём нейтралитете, который она стремилась соблюдать, несмотря на сильный нажим на неё со стороны Германии. Турецкий нейтралитет устраивал советскую сторону. В 1941–1943 годах активно шли дискуссии о вовлечении Турции в войну. На этом фоне беседа В.М. Молотова и турецкого посла в СССР Д. Ачикалына 12 марта 1943 года показала, что турки и не думали сами делать каких-либо новых предложений СССР об улучшении отношений, а инициатива по их улучшению принадлежала Черчиллю. В ходе беседы Ачикалын пытался прозондировать советское правительство на предмет возвращения к отправной точке переговоров 1939 года, в которых и Сталин, и Сараджоглу в принципе выступали за советско-турецкий пакт, но с разных позиций, однако Молотов подобные разговоры не поддержал²⁷. Примечательно, что турецкие авторы полагали, что попытки Турции в начале 1943 года при посредничестве Великобритании наладить формальное

взаимодействие с Москвой были отвергнуты В.М. Молотовым как недостаточные²⁸, в то время как сами турки не захотели какого-либо активного их развития.

В середине 1943 года позиция СССР по отношению к Турции начала меняться. Так, посол СССР в Анкаре С.А. Виноградов писал В.М. Молотову: «В связи с изменившейся международной обстановкой нейтральная Турция превратилась в неблагоприятный фактор, ибо Турция стала барьером, препятствующим союзникам перенести военные действия на Балканы»²⁹. В июле 1943 года С.А. Виноградов также предлагал организовать одновременное давление союзников на Турцию, чтобы вовлечь её в войну и получить возможность использовать её территорию в качестве плацдарма для их операций на Балканах. Он полагал, что даже если Турция откажет, «то отказ не был бы бесполезен для нас, так как увеличил бы счёт наших претензий к Турции, который мы в своё время сможем ей предъявить»³⁰.

На Тегеранской конференции в конце 1943 года У. Черчилль в беседах с И.В. Сталиным поднял, среди прочих, и вопрос о Проливах. По словам Черчилля, Великобритания не имела никаких возражений против того, чтобы Россия получила выход к тёплым морям. В ответ Сталин заметил, что надо пересмотреть вопрос о режиме Проливов: «Такая большая страна оказалась запертой в Чёрном море... Если теперь англичане не хотят душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили режим Проливов». 1 декабря 1943 года Черчилль сказал, что режим Проливов следует пересмотреть хотя бы потому, что участником конвенции Монтрё является Япония. В то же время детальное обсуждение этих вопросов было решено провести позже³¹.

Видя стремление У. Черчилля открыть второй фронт на Балканах, в котором Турция должна была сыграть активную роль, советская дипломатия усилила давление на турецкое правительство с целью вбить клин между турецким и британским руководством, заставить турок отказаться от активной политики на Балканах и подорвать её сотрудничество с Германией³². Начавшиеся в мае 1944 года советско-турецкие переговоры были

прерваны под предлогом того, что в июне турецкая сторона позволила германскому командованию вывести часть своих вспомогательных судов из Чёрного моря в Эгейское. В июле 1944 года И.В. Сталин телеграфировал У. Черчиллю: «Ввиду занятой турецким правительством уклончивой и неясной позиции лучше оставить Турцию в покое и предоставить её своей воле... Это также означает, что и претензии Турции, уклонившейся от войны с Германией, на особые права в послевоенных делах также отпадут»³³. Угрозы возможной международной изоляции и перехода Турции в разряд объектов международной политики должны были вынудить турецкое руководство пойти на сближение с СССР.

Во время пребывания Черчилля и министра иностранных дел Э. Идена в Москве в октябре 1944 года в разговоре с ними И.В. Сталин вновь вернулся к изменению режима Проливов. Он получил от Черчилля ответ, что англичане благоприятно относятся к идее пересмотра режима Проливов и что советское правительство может внести свои предложения по этому вопросу³⁴. Учитывая благоприятно складывавшиеся обстоятельства, на Ялтинской конференции И.В. Сталин последовательно вёл линию на пересмотр конвенции Монтрё: «Этот договор устарел и изжил себя. Турции дано право закрыть Проливы, когда она этого пожелает. Необходимо изменить... порядок без ущерба для суверенитета Турции». При этом предполагалось дать Турции заверения, что её независимость не пострадает. Предполагалось также, что предложение И.В. Сталина обсудят позже министры иностранных дел союзников³⁵.

В начале февраля 1945 года на фоне обсуждения вопроса о будущем Проливов на конференции в Ялте советскими дипломатами С.И. Кавтарадзе³⁶ и С.А. Виноградовым³⁷ был подготовлен позиционный документ, ставший основой для переговоров по проекту нового режима Проливов. Он опирался на исторический опыт взаимодействия России и Турции. В частности, упоминался опыт позитивного исторического взаимодействия в 1830–1833 годах и заключения Ункяр-Искелесийского мирного договора, которым предусматривалось закрытие Проливов для воен-

ных кораблей всех государств, кроме России.

Составители документа выделили ряд позиций, которые стали бы отправными точками для советской делегации на предполагавшихся переговорах. Предполагалось аннулировать конвенцию Монтрё и признать Чёрное море, при сохранении свободы торгового мореплавания, закрытым для военных кораблей нечерноморских стран с предоставлением черноморским странам полной свободы прохода их военных кораблей из Чёрного в Средиземное море и обратно. Проект предусматривал признание за СССР и Турцией (либо за конференцией черноморских стран) права установить путем двустороннего соглашения обязательную для всех держав регламентацию режима Проливов. Предполагалось предоставление СССР (или в виде альтернативной позиции – всем черноморским державам) права участвовать вместе с Турцией в контроле над применением нового режима. В целях реализации данных предложений США и Великобритании должны были бы согласиться с особым характером Чёрного моря как закрытого и рекомендовать турецкому правительству согласиться на предоставление СССР военно-морских и воздушных баз в Проливах³⁸.

Текст документа публикуется впервые.

Архив внешней политики СССР
Фонд В.М. Молотова
Опись № 7 Пор. № 74
Инв. № Папка № 47

МИД СССР
ДЕЛО

НКВД СССР
С-т Наркома т. Молотова

Дело ТУ – 145

О пересмотре конвенции о режиме проливов

Начато 6. II
Окончено 26/ XII на 34 листах

От тт. Кавтарадзе и Виноградова
Тов. МОЛОТОВУ В.М.

Прилагаемая записка по вопросу о режиме Проливов содержит: 1) историю вопросов, 2) ваши предложения.

Предложения сводятся к следующему:

1. Аннулирование Монтрёской Конвенции.

2. Признание Чёрного моря, при сохранении свободы торгового мореплавания, закрытым для военных кораблей нечерноморских стран с представлением черноморским странам полной свободы прохода их военных кораблей из Чёрного моря в Средиземное и обратно.

3. Признание за СССР и Турцией права установить путем двустороннего соглашения обязательную для всех держав регламентацию режима Проливов. В виде второй позиции можно предусмотреть соглашение всех черноморских стран.

4. Предоставление СССР (или, в виде второй позиции – всем черноморским державам) права участвовать вместе с Турцией в контроле над применением нового режима Проливов. Для действенного осуществления этого контроля Советский Союз (или, в виде второй позиции, – СССР совместно с Болгарией и Румынией) должен получить в зоне Проливов воздушные и военно-морские базы.

В целях реализации этих предложений Англия и США должны были бы дать согласие на нижеследующие мероприятия:

1. Декларация глав трёх великих держав об особом характере Чёрного моря.

2. Регламентация режима Проливов путём двустороннего советско-турецкого соглашения (в виде второй позиции – путём соглашения всех черноморских стран).

3. Рекомендация Англии и США турецкому правительству согласиться на предоставление Советскому Союзу воздушных и военно-морских баз в Проливах.

4. Рекомендация Англии и США турецкому правительству подписать совместно с Англией и СССР декларацию об аннулировании Монтрёской конвенции и о передаче регламентации режима Проливов на разрешение конференции черноморских стран.

Формулировки и аргументация предложений изложены в записке.

С. КАВТАРАДЗЕ С. ВИНОГРАДОВ

К ВОПРОСАМ О РЕЖИМЕ ПРОЛИВОВ

1. История вопроса. Интересы безопасности СССР требуют установления в проливах такого режима, который, при сохранении свободы торгового мореплавания, закрывал бы проход военных кораблей нечерноморских держав, предоставляя черноморским странам неограниченную свободу прохода военных кораблей.

В прошлом Россия три раза приобретала такие права: по договорам с Турцией 1799, 1805 и 1833 гг.³⁹ Эти договоры были выгодны России, но их отрицательной стороной являлось, во-первых, то, что они содержали обременительное для России обстоятельство военной помощи султану против его внешних (а по договору 1833 г. также и против внутренних) врагов, и, во-вторых, то, что они заключались без согласия других великих держав, а потому вызывали их противодействие, в одном случае явившееся одной из причин русско-турецкой войны (1806 г.), в другом случае поведшее к вынужденному отказу России от полученного преимущества (1839-1840 гг.).

С 1841 г. режим проливов начал регулироваться многосторонними международными конвенциями. Все они за период до первой мировой войны предусматривали, если отвлечься от некоторых деталей, один и тот же порядок: пока Турция находится в мире, проливы закрыты для военных кораблей всех иностранных держав; когда Турция воюет, проливы открываются для военных кораблей её союзников. Этот режим был невыгоден для России, так как в мирное время русский черноморский флот оказывался закупоренным в Чёрном море, а в военное время, поскольку Турция обычно воевала против России, принцип закрытия проливов неизменно нарушался в ущерб русским интересам. Попытки русской дипломатии добиться улучшения режима проливов, например, путём двустороннего соглашения с Турцией (демарш Чарыкова в 1911 г., направленный на получение права прохода русских военных кораблей через проливы) терпели неудачу из-за сопротивления держав, в первую очередь, Англии. Последняя иногда соглашалась на открытие

проливов для военных кораблей, но не одной лишь России, а всех держав, что было бы для России не улучшением, а значительным ухудшением режима.

Невозможность добиться благоприятного для России урегулирования этого вопроса дипломатическим путём утверждало русское правительство в мысли, что нет иного способа, кроме присоединения зоны проливов к России, ибо вопрос о режиме проливов представлял для России жизненный интерес и являлся в полном смысле слова вопросом национальной политики. Во время первой мировой войны, в 1915 году, союзники России – Англия и Франция согласились на присоединение к России Константинополя и проливов.

После первой мировой войны Антанта, используя сложившуюся ситуацию, решила установить в проливах режим, наиболее выгодный для крупных морских держав, то есть, опять-таки, в первую очередь для Англии, и наименее выгодный для России. Севрский договор 1920 года передавал проливы в ведение международной комиссии, в которой и фактически, и формально полнота власти должна была принадлежать державам Антанты. Проливы разоружались и открывались для военных флотов всех держав, что, ввиду превосходства английского флота, создавало для Англии господствующее положение как в зоне проливов, так и в Чёрном море. Севрский договор не вступил в действие. Как бы ответом на него со стороны Советской России и Турции явился Московский договор 1921 г., в котором, наряду с общим заявлением о непризнании Севрского договора, содержалась специальная статья о проливах, предусматривавшая важное, принципиально новое постановление – передачу вопроса о проливах и Чёрном море на разрешение конференции прибрежных стран. Аналогичные статьи были включены в Карсский договор 1921 г. и в Анкарский (украинско-турецкий) 1922 г. Всё же, несмотря на поражение англо-греческой интервенции в Турции, режим проливов был установлен на Лозаннской конференции 1922–23 г. к невыгоде как СССР, так и Турции. При этом он обсуждался отнюдь

не одними черноморскими странами и даже не одними черноморско-средиземноморскими, поскольку участницей конвенции была также и Япония. Несколько изменив в пользу Турции постановления Севрского договора о проливах, Лозаннская конвенция 1923 г., тем не менее, сохранила основное из невыгодных для СССР положений – открытие проливов и Чёрного моря для военных кораблей нечерноморских стран.

Лозаннская конвенция не была ратифицирована СССР. При её пересмотре на конференции в Монтрё в 1936 г. режим проливов был улучшен по сравнению как с лозаннским режимом, так и с режимом, существовавшим до первой мировой войны. В Монтрёской конвенции впервые за всё время международной регламентации режима проливов содержится признание интересов безопасности не одной только Турции, но всех черноморских держав, т.е. также и СССР, и сделана попытка сочетать ограничение допуска военных кораблей нечерноморских стран в проливы и в Чёрное море со свободой прохода для черноморских стран.

Однако и конвенция в Монтре, как показал опыт нынешней войны, не обеспечила интересов СССР. Важнейшим её дефектом явилось отсутствие гарантии, что турецкое правительство будет лояльно применять конвенцию и что оно не нарушит интересов СССР. Практически турецкое правительство оказалось единственным и бесконтрольным интерпретатором конвенции. В 1936 г. предполагалось связать осуществление Монтрёской конвенции, особенно в случае военных осложнений, с системой коллективной безопасности и с возможными решениями Лиги Наций, в частности, в том, что касается помощи жертве агрессии. Банкротство Лиги Наций лишило первоначального смысла ряд статей конвенции (ст. 25 полностью и ст.ст. 19, 21 и 64 частично) и ещё больше расширило свободу действий турецкого правительства. Тем самым Турция получила возможность произвольно толковать и даже нарушать конвенцию, в том числе статьи, касающиеся безопасности всего Чёрного моря (а не только зоны проливов), что явно не может зависеть от усмотрения одного лишь турецкого прави-

тельства. В результате такого бесконтрольного осуществления конвенции турецким правительством был нанесён существенный ущерб интересам СССР, а режим проливов, установленный в Монтрё, оказался поставленным целиком в зависимость от Турции без каких-либо гарантий для СССР.

Изложенная краткая история вопроса о проливах позволяет сделать следующие выводы:

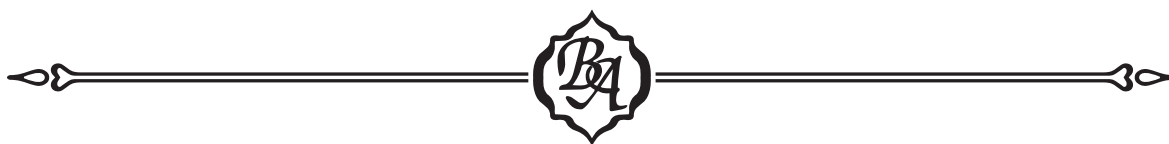
1) Наиболее выгодно для России, как в дореволюционное, так и в советское время, режим проливов регламентировался двусторонними русско-турецкими (или советско-турецкими) соглашениями: договорами 1799 и 1805 г.г., Ункяр-Искелесийским договором 1833 г., статьями о проливах в советско-турецких договорах 1921 и 1922 г.г.

2) Однако эти двусторонние договоры, заключённые без согласия других великих держав, неизменно встречали противодействие с их стороны и поэтому оказывались либо кратковременными, либо вовсе недействительными (статьи о проливах в договорах 1921 и 1922 г.г.).

3) Международная регламентация режима проливов до первой мировой войны являлась результатом компромисса, главным образом между Россией и Англией, и установленный тогда режим содержал для России больше невыгод, чем выгод. Лозаннская конвенция 1923 г. была для СССР вовсе невыгодной. Монтрёская конвенция 1936 г. хотя и внесла некоторые улучшения в режим проливов, но также является невыгодной для СССР, особенно потому, что, при отсутствии у СССР действенных гарантий проведения конвенции в жизнь, оказалось предоставленным бесконтрольному усмотрению турецкого правительства.

4) Из изложенного вытекает необходимость контроля над действиями турецкого правительства. Однако международный контроль с участием западных держав был и остаётся для СССР невыгодным. Наилучшим выходом было бы предоставление эффективного контроля над режимом проливов Советскому Союзу.

5) Ввиду этого наиболее выгодным для СССР решением вопроса было бы сочетание

двустороннего советско-турецкого соглашения о проливах, подкреплённого реальными гарантиями его проведения в жизнь, с соглашением между тремя великими союзными державами, предусматривающим непротиводействие Англии и США указанному двустороннему советско-турецкому соглашению.

6) Несколько менее выгодным, то также приемлемым решением вопроса была бы регламентация режима проливов всеми черноморскими странами, причём и соглашение черноморских стран следовало бы сочетать с соглашением между тремя великими союзными державами.

II. Наши предложения. Основные требования, которые нам надлежит выдвинуть по вопросу о проливах, сходятся к следующему:

1. Аннулирование Монтрёсской Конвенции.

2. Признание Чёрного моря, при сохранении свободы торгового мореплавания, закрытым для военных кораблей нечерноморских стран с предоставлением черноморским странам полной свободы прохода их военных кораблей из Чёрного моря в Средиземное и обратно.

3. Признание за СССР и Турцией права установить путем двустороннего соглашения обязательную для всех держав регламентацию режима проливов. В виде второй позиции можно предусмотреть соглашение всех черноморских стран.

4. Предоставление СССР (или, в виде второй позиции – всем черноморским державам) права участвовать вместе с Турцией в контроле над применением нового режима проливов. Для действенного осуществления этого контроля Советский Союз (или, в виде второй позиции – СССР совместно с Болгарией и Румынией) должен получить в зоне проливов воздушные и военно-морские базы.

Аргументация в пользу этих предложений и **форма** их осуществления могла бы состоять в следующем:

1. Аннулирование конвенции в Монтрё

При подписании конвенции в Монтре держава исходила из того основного положения, что проведение конвенции в жизнь будет свя-

зано с решениями Лиги Наций и с лигонационной системой коллективной безопасности. Специальная статья Монтрёсской конвенции (ст. 5) указывала, что «ни одно из постановлений настоящей конвенции не наносит ущерба правам и обязательствам, вытекающим из Статута Лиги Наций для Турции или для всякой другой Высокой Договаривающейся Стороны, являющейся членом Лиги Наций». Ссылки на Лигу Наций были включены также в ряд других статей конвенции (ст.ст. 19, 21 и 24). Так, например, конвенция предусматривала возможность прохода военных кораблей воюющей державы в случаях, «подпадающих под применение ст. 3 настоящей конвенции» (т.е. по решению Лиги Наций), а также «в случае помощи, оказываемой государству, явившемуся жертвой нападения, в силу договора о взаимной помощи, обязывающего Турцию, заключенного в рамках Статута Лиги Наций, зарегистрированного и опубликованного согласно постановлению статьи 18 названного Статута». Совет Лиги Наций должен был бы решать вопрос относительно обоснованности или необходимости мероприятий турецкого правительства по ст. 21 конвенции. Турецкое правительство должно было бы посылать Генеральному Секретарю Лиги Наций ежегодные доклады о движении иностранных военных кораблей в проливах и пр.

Таким образом, важнейшие положения конвенции, связанные с особенно серьёзными вопросами помощи жертве агрессии, должны были бы, по замыслу держав-участниц, регулироваться в соответствии с эвентуальными решениями Лиги Наций. Между тем, Лиги Наций не существует. Ввиду этого равновесие всей конвенции оказалось нарушенным именно в ущерб интересам Советского Союза, подвергшегося агрессии со стороны гитлеровской Германии. Турецкое правительство, получив возможность применять и толковать конвенцию по своему усмотрению (тем более, что все державы-участницы, за исключением одной лишь Турции, оказались в состоянии войны), неоднократно нарушало её в пользу агрессоров. Таковы, например, случаи с пропуском германского военного сторожевого судна «Зеефальке» в 1941 г., выдача итальянскому

правительству также в 1941 г. разрешения на проход вспомогательного корабля «Тавривии», пропуск в проливы и через проливы германских вспомогательных судов в 1943 и в 1944 г.г. Наряду с этими прямыми нарушениями конвенции, турецкое правительство, пользуясь отсутствием контроля над его действиями, допускало и ряд нарушений общих норм международного права (ремонт двух румынских теплоходов в турецком доке и попытка выпустить их в Чёрное море, перегрузка масла в Стамбульском порту с танкера на вспомогательное судно).

Форма аннулирования Монтрёсской конвенции может состоять в том, что три главных державы-участницы конвенции – Англия, СССР и Турция, – сославшись на вышеуказанное нарушение равновесия всей конвенции вследствие отпадения статей, связанных с Лигой Наций, объявляет конвенцию несуществующей.

2. Признание Чёрного моря закрытым для военных кораблей нечерноморских стран с сохранением за военными кораблями черноморских стран свободы прохода через проливы

Этот принцип вытекает из особого положения Чёрного моря, которое является не транзитным путем, как, например, Средиземное море, а тупиком, не имеющим второго выхода. Проливы Босфор и Дарданеллы нельзя поэтому сравнивать с другими проливами или с международными каналами, такими, как, например, Гибралтар, Суэцкий канал, Панамский канал. Проход военных кораблей нечерноморских стран в Чёрное море, если только они не преследуют агрессивных целей, может быть оправдан одним-единственным мотивом – т.н. «визитом вежливости». Но «визиты вежливости» производятся не иначе, как по приглашению соответствующего правительства. Таковую возможность можно легко предусмотреть в виде исключения из общего правила.

Закрытие проливов для военных кораблей было почти неизменным принципом в течение всего 19 и в начале 20 века. Когда Англия решила провести в жизнь противо-

положный принцип – открытие проливов для военных кораблей всех стран, то оказалось, что для оправдания этого предложения английская дипломатия не располагает сколько-нибудь серьёзной аргументацией. На Лозаннской конференции в 1922 г. лорд Керзон мотивировал предложение об открытии проливов для военных кораблей только тем соображением, что державы якобы не смогут в противном случае охранять свою торговлю в Чёрном море. (Можно вспомнить, что этот аргумент несколько напоминает приведённое Наполеоном I в начале 19 века подобное же соображение о том, что французские военные корабли в Чёрном море должны охранять торговые суда от корсаров). На конференции в Монтрё в 1936 г. английский представитель лорд Стенхоп также не смог привести сколько-нибудь убедительного мотива в пользу допуска иностранных военных кораблей в Чёрное море. Единственно, на что он сослался, – это на возможность посылки в Чёрное море военного корабля в целях розыска и возвращения в Англию какой-нибудь рыболовной шхуны, если она изменит свой маршрут, или же на необходимость для английского флота производить учения в Чёрном море и вообще «показать флаг».

Что касается второй части формулы, которая ныне выдвигается, – сохранение за черноморскими странами права прохода военных кораблей, то в пользу этого предложения говорит ряд исторических прецедентов. Россия в прошлом имела такое право по договорам 1799, 1805 и 1833 г.г. Особое положение черноморских стран в этом отношении признано также и Монтрёсской конвенцией: при ограничении допуска военных кораблей нечерноморских стран в проливы черноморские страны получили право прохода своих военных кораблей большого тоннажа, а также прохода при определенных условиях и подводных лодок; кроме того, за черноморскими странами признано особое положение в вопросе о сроках предуведомления, посылаемого турецкому правительству.

Само собой разумеется, что свобода торгового мореплавания не подвергнется ограничениям при установлении нового режима проливов. Можно напомнить, что именно

Россия была первой державой, которая добилась от Турции открытия проливов для торгового мореплавания (по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г.). Более того, Россия по Адрианопольскому договору 1829 г. добилась открытия проливов для торговых судов также и других стран. Статья 7 этого договора обязала Турцию не препятствовать прохождению иностранных торговых судов через проливы, «будут ли оные суда плыть в российские гавани, на Чёрном море лежащие, или возвращаться оттуда с грузом или балластом».

Из Адрианопольского договора явствует, что Турция признала право России охранять интересы торгового мореплавания в Чёрном море. Существенное значение имеет нижеследующий абзац указанной ст. 7-й Адрианопольского договора: «Порта особенно обещает впредь никогда не задерживать или останавливать суда с грузом или балластом, принадлежащие как России, так и другим державам, с коими Оттоманская Империя не состоит в объявленной войне, когда оные проходить будут через Константинопольский канал или Дарданелльский пролив из Чёрного моря в Средиземное или же из Средиземного в российские черноморские гавани. И если / от чего Боже сохрани/ которое-либо из содержащихся в сей статье постановлений будет нарушено и на представление о сём российского министра не последует совершенного и скорого уведомления, то Блистательная Порта предварительно признаёт, что императорский российский двор имеет право принять такое нарушение за неприязненное действие и немедленно поступить в отношении к Империи Оттоманской по праву возмездия».

Форма признания Англией и США принципа закрытия Чёрного моря для военных кораблей нечерноморских стран могла бы состоять в декларации примерно следующего содержания:

«Главы трёх союзных великих держав, исходя из интересов безопасности Чёрного моря, признают, что это море, равно как и проливы Дарданеллы, Мраморное море и Босфор, соединяющие Чёрное море с открытыми морями, должны быть постоянно закрытыми для военных кораблей нечерноморских держав».

3. Передача регламентации режима проливов на разрешение СССР и Турции (или всех черноморских держав)

Этот принцип не является совершенно новым. Советско-турецкий договор, подписанный в Москве 16 марта 1921 г., содержал в ст. 5 следующее постановление:

«Дабы обеспечить открытие проливов и свободное прохождение через них для торговых сношений всех народов, обе договаривающиеся Стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статута Чёрного моря и проливов последующей конференции из делегатов прибрежных государств с тем, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и её столицы – Константинополя».

Аналогичные постановления были затем включены в Карский договор от 13 октября 1921 г. (ст. 9) и Анкарский договор от 2 января 1922 г. (ст. 4).

Правда, эти постановления не были тогда признаны другими державами. Однако на конференции в Монрё в 1936 г. был сделан шаг вперёд на пути признания особых прав черноморских стран в том, что касается установления правил прохода судов через проливы. В преамбуле Монтрёсской конвенции державы признали интересы безопасности не только одной Турции, но и «безопасности, в Чёрном море, прибрежных государств».

Это упоминание нельзя истолковать иначе, как принципиальное признание особых прав черноморских держав в том, что касается установления режима проливов. Далее, п. «...» ст. 18 конвенции предусматривает, что посылка дополнительного тоннажа в Чёрное море (в так наз. «гуманитарных целях») может иметь место лишь при отсутствии возражений всех черноморских держав. Это постановление также означает, что за черноморскими державами признано право распоряжения допуском в Чёрное море иностранных кораблей. Наконец, по одному из процедурных вопросов (пересмотр конвенции по ст. 29) Монтрёсская конвенция тоже признаёт особое положение стран Чёрного моря.

Помимо этих аргументов юридического характера, следует иметь в виду, что, поскольку Турция не может единолично распоряжаться допуском кораблей в Чёрное море, регламентация режима проливов, естественно, должна быть передана прибрежным черноморским державам, для которых проливы являются единственным морским путём сообщения с открытыми морями (а для СССР – также и путём сообщения с советскими территориями, расположенными на разных морях).

Если в принципе Англия и США признают правильным такое разрешение вопроса, то было бы желательно в виде первой позиции предложить, что новая регламентация режима проливов будет установлена двусторонним советско-турецким соглашением.

Аргументом в пользу двустороннего соглашения могло бы явиться то соображение, что в настоящее время Румыния и Болгария фактом своего участия в войне на стороне гитлеровской коалиции лишили себя права, до заключения окончательного мира, участвовать в международных актах, и что, таким образом, в настоящее время имеется только две дееспособные черноморские державы – СССР и Турция.

В виде второй позиции можно было бы согласиться и на то, чтобы регламентация режима проливов была произведена всеми черноморскими державами.

В обоих случаях необходимо, чтобы главы трёх союзных держав согласились на следующую форму передачи регламентации режима проливов черноморским странам:

СССР, Англия и Турция в той же декларации, в которой будет объявлено об аннулировании Монтрёсской конвенции (см. выше), заявят, что ввиду этого аннулирования, а также ввиду декларации глав трёх союзных великих держав об особом характере Чёрного моря они признают, что установление нового статута проливов должно быть произведено на конференции черноморских стран с тем, чтобы этот режим, отвечая требованиям безопасности Чёрного моря, обеспечил постоянное развитие торгового мореплавания между Средиземным и Чёрным морями.

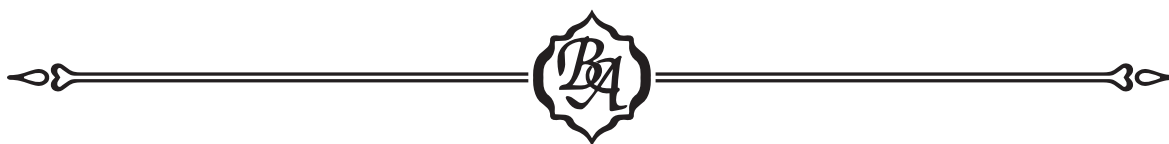
Возможно, что Англия и США, согласив-

шись в принципе на все эти предложения, всё же выдвинут формальное возражение, сославшись на то, что правопреемником держав-участниц Монтрёсской конвенции не могут быть только три из держав, подписавших эту конвенцию, и США, вовсе не участвовавшие в её заключении. Однако такое возражение можно отвести ссылкой на исторические прецеденты. Известно, что последняя из конвенций 19 века о режиме проливов (Лондонская конвенция 1871 г., подтверждённая Берлинским трактатом 1878 г.) была бессрочной, и её никто формально не отменял. Тем не менее, после первой мировой войны державы Антанты сочли себя вправе пригласить для выработки нового статута проливов ряд стран, не принимавших участия в Лондонской конвенции, и устранить от обсуждения некоторые страны, являвшиеся участниками этой последней конвенции.

Таким образом, круг стран, принимавших участие в Лозаннской и затем в Монтрёсской конвенции, не совпадает с перечнем тех стран, которые вырабатывали режим проливов до 1-й мировой войны. Следовательно, нет никакой необходимости, чтобы правопреемниками Монтрёсской конвенции были обязательно те же самые державы, которые её подписывали.

4. Предоставление СССР эффективного контроля над применением нового режима проливов

Данное предложение может быть аргументировано прежде всего тем, что Турция на протяжении нынешней войны неоднократно нарушала установленную регламентацию, и что она, как видно, не в состоянии была противодействовать давлению агрессоров. Естественно, что при этих условиях СССР как наиболее заинтересованная держава и как держава, единственно способная выделить надлежащие силы для противодействия эвентуальным попыткам нарушить режим проливов, должен получить право контроля над проведением в жизнь нового соглашения (СССР и Турции или всех черноморских стран). С этой целью Советскому Союзу должны быть предоставлены авиационные и военно-морские базы в зоне проливов.

Если бы против этого предложения Англия и США выдвинули ссылку на возможную в будущем гарантию со стороны международной организации безопасности, то это возражение можно отвести напоминанием о статье 18 Лозаннской конвенции 1923 г. В указанной статье содержалась гарантия со стороны четырёх держав Антанты, хотя в то время существовала Лига Наций. Турецкое правительство в своей ноте от 11-го апреля 1936 г., предлагая пересмотреть Лозаннскую конвенцию, также сослалось на то, что гарантия Лиги Наций была признана на Лозаннской конференции недостаточной и что потребовалась официальная гарантия четырёх великих держав. Правда, гарантия держав Антанты тогда не была подкреплена получением у Турции военных баз. Однако Лозаннская конвенция предусматривала полное разоружение проливов и свободу прохода через них для всех иностранных военных кораблей. При этих условиях державы Антанты могли бы и без всяких баз в зоне проливов осуществлять мероприятия, которые они нашли бы необходимыми.

В соответствии со всем изложенным наши предложения предусматривают получение от Англии и США согласия на нижеследующие мероприятия:

1. Декларация глав трёх великих союзных держав об особом характере Чёрного моря.
2. Регламентация режима проливов путем двустороннего советско-турецкого соглашения /в виде второй позиции – путём соглашения всех черноморских стран/.
3. Рекомендация Англии и США турецкому правительству согласиться на представление Советскому Союзу воздушных и военно-морских баз в проливах.
4. Рекомендация Англии и США турецкому правительству подписать совместно с Англией и СССР декларацию об аннулировании Монтрёской конвенции и о передаче регламентации режима проливов на разрешение конференции черноморских стран.

С. Кавтарадзе

С. Виноградов

Примечание к стр. 1.

Русско-турецкий союзный договор от 3 января 1799 г. /23 декабря 1798 г. по ст. сти-

лю/ был заключён в связи с присоединением Турции ко второй коалиции против Франции /после вторжения французских войск под командованием Наполеона Бонапарта в Египет/. По этому договору предусматривалась взаимная гарантия территории договаривающихся сторон, отправка Россией в помощь Турции определённого числа кораблей и пр. Для осуществления союзных обязательств Россия получала право свободно проводить свои военные корабли из Чёрного моря в Средиземное и обратно. Именно на основании этого договора эскадра Ушакова совершила свой известный поход к Ионическим островам.

Русско-турецкий союзный договор от 23/11/ сентября 1805 г. был заключён в подтверждение и развитие предыдущего /за год до истечения срока действия договора 1799 г./ Статья о Чёрном море и проливах в договоре 1805 г. /ст. 7/ гласила: «Обе высокие договаривающиеся стороны соглашаются считать Чёрное море как бы закрытым и не допускать появления никакого военного или вооружённого судна какой бы то ни было державы. В случае, если бы какая-либо из них попыталась явиться туда вооружённой, то обе высокие договаривающиеся стороны обязуются считать такую попытку поводом к союзу и ей препятствовать всеми своими морскими силами, признавая в том единственное средство для обеспечения своей взаимной безопасности. При этом разумеется, что свободный переход через Константинопольский канал не перестаёт быть открытым для военных судов и транспортов Его Величества Императора Всероссийского, которым Блистательная Порты, насколько от неё будет зависеть, во всяком случае окажет помощь и предоставит всякое облегчение».

Этот договор /и, в частности, статья о проливах/ вызвал резкое противодействие со стороны Франции, которая в это время уже приобрела, ввиду побед Наполеона, большое влияние на Турцию. Из-за этого Порты с начала 1806 г., вскоре после ратификации договора /причем самая ратификация могла бы быть сорвана, если бы турки вовремя узнали об Аустерлице/, стала обращаться к русскому правительству с просьбами о прекращении

посылки русских военных кораблей через проливы. Прибывший летом 1806 г. в Стамбул французский посол генерал Себастиани, посоветовав Порте сместить молдавского и валашского господарей, добился обострения русско-турецких отношений. Это нарушение Портой обязательств перед Россией, наряду с упомянутым вопросом о проходе русских кораблей через проливы, явилось поводом к вступлению русских войск в Дунайские княжества, что и привело к русско-турецкой войне 1806-1812 гг. Англия, как союзница России, тоже воевала в этот период /с 1807 до 1809 г./ с Турцией.

Русско-турецкий союзный договор от 8 июля /26 июня ст. стили/ 1833 г., известен под названием Ункяр-Искелесийского, был заключён в связи с оказанием Россией помощи турецкому султану Махмуду II против мятежного египетского паши Мехмеда Али. Гласная часть договора предусматривала взаимную помощь договаривающихся сторон; секретная статья содержала обязательство султана, взамен помощи, которую он должен был оказать России, «ограничить действия свои в пользу Императорского Российского Двора закрытием Дарданелльского пролива, то есть не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом». Ункяр-Искелесийский договор был заключён на 8-летний срок, но ещё до его истечения Николай I, ввиду резкого противодействия западных держав и надеясь оторвать Англию от Франции, дал в 1839 г. /в связи с новым конфликтом между Махмудом II и Мехмедом Али/ согласие на замену двустороннего русско-турецкого договора многосторонним соглашением держав. Результатом этого явились Лондонские конвенции 1840 г. и 1841 г. /первая без участия Франции, а вторая с её участием/, чем и было осуществлено желание Пальмерстона «расторгнуть Ункяр-Искелесийский договор в соглашении более широкого порядка».

4 экз. ин/во

1-й т. Молотову.

2-й т. Вышинскому.

3-й т. Кавтарадзе.

4-й т. Виноградову.

6.П.1945 г.

Турция. О пересмотре конвенции о режиме проливов.

Опись 7 Дело 761 Папка 47

Фонд 06 «Секретариат В.М. Молотова»

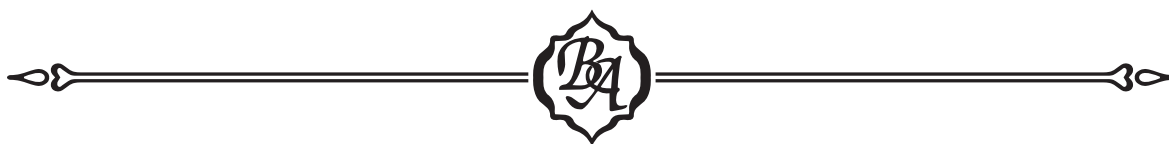
06.02.1945 – 26.12.1945

Заключение

В этой ситуации, когда у советского руководства создавалась видимость вероятного достижения одной из исторических целей Российской империи и СССР в области обеспечения безопасности южных рубежей, в преддверии переговоров с западными державами в Потсдаме появился соблазн «дожать» Турцию, получив полное удовлетворение своих давних требований относительно режима Проливов⁴⁰.

На Потсдамской конференции 22 июля 1945 года были выдвинуты требования изменить режим Проливов и территориальные претензии СССР к Турции⁴¹, однако Великобритания и США советские претензии не поддержали.

Напуганная советскими претензиями Турция начала вступление в западный блок государств, завершившееся её принятием в НАТО. Советское руководство не достигло своей стратегической цели в отношениях с Турцией – нового пересмотра режима Проливов с усилением советского контроля в зоне Босфора и Дарданелл. Советское давление было воспринято турками сквозь призму их исторического антагонизма с Россией⁴². На турецком направлении советской дипломатии наступил длительный период охлаждения и взаимной настороженности.

Примечания

- ¹ Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959. С. 599.
- ² Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.-Л., 1948. С. 143.
- ³ Россия и Черноморские проливы. XVIII–XX столетия. М.: Международные отношения, 1999. С. 387–390.
- ⁴ Там же. С. 405–406.
- ⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XIX. М.: Политиздат, 1974. С. 372–374.
- ⁶ Россия и Черноморские проливы. С. 434.
- ⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. М.: Международные отношения, 1992. Кн. 1. 1 января – 31 августа 1939 г. С. 278–279.
- ⁸ Во время переговоров В.П. Потёмкина в Анкаре В.М. Молотов сменил М.М. Литвинова на посту наркома НКВД, фактически отозвав советского представителя.
- ⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 293. Д. 2027. Л. 195–196.
- ¹⁰ Там же. Л. 156–162.
- ¹¹ Докладная записка В.М. Молотова о заявлениях И. Инёню. Сентябрь 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 177. Л. 85–87.
- ¹² Там же.
- ¹³ Докладная записка к переговорам с турками. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 177. Л. 81–83.
- ¹⁴ Докладная записка к переговорам с Сараджоглу. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 177. Л. 79–80.
- ¹⁵ АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 294. Д. 2029. Л. 179.
- ¹⁶ İşçi O. Russophobic Neutrality: Turkish Diplomacy, 1936–1945. Washington, 2014. P. 87.
- ¹⁷ «Вождь». И.В. Сталин в документах и фотографиях. 2020, X.
- ¹⁸ İşçi O. Russophobic Neutrality. P. 87–88.
- ¹⁹ Мировые войны XX в. Документы и материалы в 4-х книгах. Книга 4. Вторая мировая война. М., 2002. С. 175–176.
- ²⁰ Волокитина Т.В. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolgariya-vo-vneshney-politike-sssr-v-gody-vtoroy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 22.04.2023)
- ²¹ Безыменский Л., Горлов С. Накануне (переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // Международная жизнь. 1991, №8. С. 117–132.
- ²² Россия и Черноморские проливы. С. 451–452.
- ²³ АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 315. Д. 2165. Л. 17–18.
- ²⁴ Беседа И.В. Сталина и В.М. Молотова с британским послом С. Криппсом. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 278. Л. 22–24.
- ²⁵ Оглашению подлежит. СССР – Германия, 1939–1941: Документы и материалы / Сост.-пер. Ю.Г. Фельштинский. М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2004. С. 288.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Документы внешней политики СССР. Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ», 2016. Т. XXVI. Кн. 1. Январь – август 1943 г. С. 217–273.
- ²⁸ Avcıoğlu D. Milli Kurtuluş Tarihi. Üçüncü kitap. 1835'ten 1995'e. Tekin Yayınevi, İstanbul, 1974. S. 1538. Türkiye Dış Politikasında 50 yıl. İkinci Dünya savaşı yılları (1939–1946). Ankara, Dışişleri Bakanlığı. Б.г. S. 149. Советская дипломатия ожидала более конкретных шагов Турции по пересмотру конвенции Монтрё.
- ²⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.). М.: Политиздат, 1984. С. 123.
- ³⁰ Цит. по: Россия и Черноморские проливы. С. 458.
- ³¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941–1945. Сборник документов. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Москва: Политиздат, 1978. С. 126, 141.
- ³² Türkiye Dış Politikasında 50 yıl. S. 222–223.
- ³³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1986. С. 284.
- ³⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941–1945. Сборник документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Москва: Политиздат, 1979. С. 201.
- ³⁵ Там же. С. 201–202.

³⁶ Кавтарадзе Сергей Иванович (1885-1971) – советский государственный деятель, в 1941-1954 гг. на службе в НКВД. В 1941-1943 гг. заведующий Средневосточным отделом НКВД СССР. В 1943-1945 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР, принимал участие в Ялтинской и Потсдамской конференциях.

³⁷ Виноградов Сергей Александрович (1907–1970) – в 1940-1948 гг. полномочный представитель и посол СССР в Турции.

³⁸ О пересмотре конвенции о режиме проливов // АВПРФ. Фонд В.М. Молотова. Оп. 7. Д. 761.

П. 47. Л. 1-19.

³⁹ См. примечание в конце записки.

⁴⁰ *Иванов И.С.* Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-2002. В 3-х т. Т. 2. М.: ОЛМА, 2002. С. 335-338.

⁴¹ Согласно которым Карс, Артвин и Ардаган должны были быть возвращены Грузинской и Армянской ССР.

⁴² *Болдырев А.В.* Внешняя политика Турецкой Республики накануне Второй мировой войны в публикациях современных турецких исследователей // Восток (Oriens). 2022, № 2. С. 29-39.

В.Б. ЛУЦКИЙ О Б.Н. ЗАХОДЕРЕ

29 ноября 1950 года известный историк-востоковед, иранист Борис Николаевич Заходер¹ выступил на Учёном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова с докладом «Некоторые спорные вопросы истории Востока». Выраженные в нём взгляды вызвали резкое неприятие у другого известного историка, востоковеда-арабиста Владимира Борисовича Луцкого². Он посчитал необходимым выразить это в своём заявлении от 20 декабря 1950 года, адресованном председателю Учёного совета исторического факультета МГУ археологу и историку Б.А. Рыбакову³. Необходимость обратиться к нему с письменным заявлением В.Б. Луцкий объяснял тем, что не получил возможности огласить содержание его непосредственно на заседании Учёного совета, на котором заслушивался и обсуждался доклад Б.Н. Заходера.

Предметом расхождений стали различные взгляды на характер арабского общества VII века. В.Б. Луцкий, считая, что разделяет взгляд К. Маркса⁴ и Ф. Энгельса⁵, заявлял: «Северная Аравия перешла к феодализму, минуя стадию рабовладельческой формации, в то время как Южная Аравия прошла через эту стадию». Б.Н. Заходер же стоял на том, что точку зрения советской науки на арабское общество VII века выражает статья С.П. Толстова⁶ «Очерки первоначального ислама»⁷, с которой он вполне солидарен, и что всякое несогласие с этой статьёй является несогласием с советской наукой.

В своей статье, опубликованной задолго до описываемой полемики, С.П. Толстов рассматривал проблему перехода от первобытного общества к классовому и вопрос о характере раннего классового общества. В ней он, в частности, отрицал существование в реальности Мухаммеда⁸, представляя его мифической личностью, так же, как трёх «праведных» халифов (Абу-Бекра⁹,

Омара¹⁰ и Османа¹¹) и Али¹². Как учёный, он был устремлён к тому, чтобы, прежде всего, понять объективные причины появления ислама у населения Аравийского полуострова. Заявление В.Б. Луцкого по поводу высказываний Б.Н. Заходера, несмотря на его резкость, можно рассматривать как элемент нормальной полемики в защиту интересов науки.

Текст заявления В.Б. Луцкого обнаружен в его личном фонде (Ф. 1574), хранящемся в Архиве Российской академии наук (РАН).

В.Б. Луцкий – Б.А. Рыбакову

Председателю Учёного совета
исторического факультета МГУ
профессору Б.А. Рыбакову.

29 ноября с. г., выступая в прениях по докладу профессора Б.Н. Заходера «Некоторые спорные вопросы истории Востока», я указал, что Северная Аравия перешла к феодализму, минуя стадию рабовладельческой формации, в то время как Южная Аравия прошла через эту стадию. Эта мысль, как известно, принадлежит Марксу и Энгельсу, которые, изучая аравийское общество VII века, указывали, что бедуины Аравии жили «в условиях патриархального строя», там же, «где арабы жили оседло, на юго-западе, они были, по всей видимости, таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирийцы и т. д.» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXI. стр. 483–484). Все позднейшие данные науки целиком подтверждают гениальные догадки Маркса и Энгельса в этом вопросе.

В заключительном слове проф. Б.Н. Заходер обрушился на эту концепцию Маркса–Энгельса (которую он почему-то предпочёл назвать «концепцией Пиренна¹³») и пытался противопоставить ей как последнее и единственное слово советской науки в этом вопросе концепцию, основанную на так

называемом «палеонтологическом анализе» Н.Я. Марра¹⁴, на «теории» бродячих мифов Веселовского¹⁵–Марра, на антимарксистских исторических построениях М.Н. Покровского¹⁶, на показаниях реакционнейшего фальсификатора науки, французского разведчика в рясе иезуита Лямменса¹⁷. Возмутительнее же всего то, что проф. Заходер пытался проташить в советскую науку весь этот реакционный буржуазный хлам, прикрываясь именем крупнейшего советского учёного-марксиста С.П. Толстова, который давно осудил все указанные «теории». Для профессора С.П. Толстова, так же, как и для всей советской науки, эти «теории» являются давно пройденным этапом, и никто не позволит Б.Н. Заходеру тянуть советскую науку назад к этому этапу.

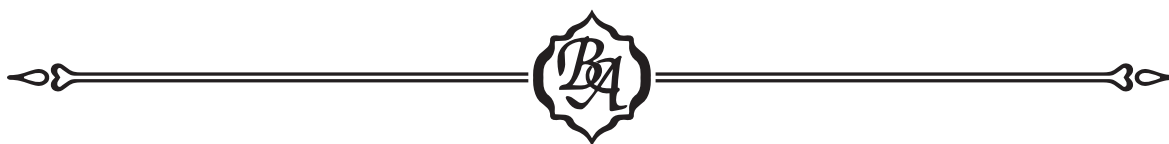
Профессор Заходер заявил, что точку зрения советской науки на арабское общество VII века выражает статья С.П. Толстова «Очерки первоначального ислама», с которой он вполне солидарен, и что всякое несогласие с этой статьёй является «несогласием» с советской наукой. Я считаю, что эта статья, написанная 18 лет тому назад, до выхода в свет «Сочинений» товарища Сталина¹⁸, «Истории ВКП(б)», гениальных сталинских трудов по вопросам языкознания, до философской дискуссии, до разгрома псевдонаучных «теорий» Покровского, Веселовского, Марра, — отражает давно прошедший этап советской науки. Нет никакой надобности вспоминать о старых ошибках, содержащихся в этой статье С.П. Толстова, ибо они ни в какой мере не рисуют подлинный научный и политический облик этого крупнейшего советского учёного-новатора; и я не знаю, зачем понадобилось Б.Н. Заходеру вспоминать эту устаревшую статью.

Я заявляю, что не согласен с формулой «история есть политика, опрокинутая в прошлое», положенной в основу указанной статьи, и уверен, что с этой формулой не согласен и автор статьи. Я заявляю, что не согласен с «палеонтологическим анализом» Н.Я. Марра и «теорий» бродячих мифов Марра–Веселовского, положенными в основу указанной статьи, и уверен, что с этими «теориями» не согласен и автор статьи. Печальная привилегия отстаивать все эти осуждённые советской

наукой «теории» принадлежит в настоящее время одному профессору Б.Н. Заходеру.

Я заявляю, что не согласен с тем, что города древней Руси были «бандитскими гнёздами, работавшими “на экспорт”, доставлявшими развитым феодальным обществам необходимые товары и сырьё». Я не согласен с тем, что это были центры «своеобразной паразитической “городской культуры”», которые возглавлялись «своеобразными компраторскими полуторговыми, полурабовладельческими, полуразбойничьими прослойками». Я думаю, что эта характеристика не годится для городов древней Руси и что её не поддерживает сейчас и С.П. Толстов. Я думаю, что эта неудачная характеристика так же мало применима к городам Аравии, как и городам древней Руси. Я полагаю, что господствующим классом рабовладельческого общества были рабовладельцы, а не «финансово-родовая олигархия», как это указывается в статье, на позициях которой и сейчас стоит проф. Заходер. Я думаю, что термин «финансово-родовая олигархия» представляет собой чудовищное смешение двух в корне различных явлений. Финансовая олигархия означает господство финансового капитала в период империализма; родовая же олигархия означает господство родовой знати в период разложения первобытнообщинного строя и перехода к классовому обществу. Конечно, апологету капитализма, вульгаризатору Лямменсу, который открывает даже в Аравии VII века буржуазные отношения, банки и биржи, ничего не стоило открыть там и «финансовую олигархию». Но это не значит, что Б.Н. Заходеру позволено насаждать эти вульгарнейшие буржуазные концепции в советской науке.

Повторяю, что я не считаю нужным подвергать детальному разбору все ошибки, содержащиеся в статье «Очерки первоначального ислама», т. к. не считаю, что эта устаревшая статья в какой-либо мере характеризует подлинное научное и политическое лицо её автора. Я уверен, что сам автор статьи осуждает их. Но я вынужден констатировать, что проф. Б.Н. Заходер и сейчас разделяет эти ошибки, что он выдвигает их, как последнее слово советской науки, что, следуя глубоко

вкоренившимся в него аракчеевским¹⁹ традициям, он и поныне «отлучает» от советской науки всякого, кто осмелится усомниться в целительной силе марровского «палеонтологического анализа», в построении на нём «теорий».

Разделяя целиком точку зрения Маркса–Энгельса на характер арабского общества VII века, я отнюдь не считаю, что этот вопрос не подлежит обсуждению. Обсуждать его можно и должно методом, свойственным советской науке, методом свободных творческих дискуссий. Я готов спорить с проф. Б.Н. Заходером по этому вопросу – конечно, в том случае, если он сумеет привести в пользу своей точки зрения более веские, для советского учёного, доводы, чем палеонтологический анализ, теорию бродячих мифов и фальсификаторские упражнения иезуитского

патера; если он будет при этом вести спор по существу, а не спекулировать на уважаемом имени и больших заслугах крупного советского учёного, не имеющих отношения к данному вопросу.

Ввиду того, что на Учёном совете мне не было дано слово для оглашения этого заявления, прошу приложить его к протоколу заседания Учёного совета от 29 ноября с. г., а также прошу Учёный совет сделать соответствующие выводы относительно неуместного выступления проф. Б.Н. Заходера.

20/XII–1950 [г.]

В. Луцкий

АРАН. Ф. 1574 (В.Б. Луцкий). Оп. 1. Д. 284. Л. 9–10. Машинопись, подпись – автограф.

Примечания

¹ Заходер Борис Николаевич (1898–1960) – востоковед-медиевист, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1944 г.). (См. о нём.: *Кузнецова Н.А.* Б.Н. Заходер и его труды по историографии и источниковедению // Иран: Сб. статей, посвящённый памяти профессора Б.Н. Заходера. М., 1971; *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Профессор Б.Н. Заходер (1898–1960) – один из организаторов московского востоковедения // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х гг. М., 1988. С. 244–261; *Кулагина Л.М.* К 100-летию со дня рождения выдающегося учёного востоковеда-ираниста Бориса Николаевича Заходера // Иранистика в России и иранисты. М., 2001. С. 157–162. (Список работ Б.Н. Заходера см.: *Кулагина Л.М., Фалина А.И.* Список работ проф. Б.Н. Заходера // Ближний и Средний Восток: Сб. статей. М., 1962, С. 82–185).

² Луцкий Владимир Борисович (1906–1962) – востоковед-арабист, преподаватель МГУ (1936–1958), старший научный сотрудник Института этнографии (1957–1959), Института Африки (с 1959 г.) АН СССР. (См. о нём, в частности: *Бухерт В.Г.* Г.А. Нерсесов о В.Б. Луцком и С.Р. Смирнове // Восточный архив, 2012, № 1 (25). С. 81–86; *Он же.* В защиту советской арабистики. Письма В.Б. Луцкого Н.С. Хрущёву и А.М. Панкратовой. 1953 г. // Восточный архив, 2014, № 1 (29). С. 68–75; *Он же.* «Материал следует брать

только из первоисточников». Отзыв В.Б. Луцкого на реферат Е.М. Примакова. 1955 г. // Восточный архив, 2016, № 2 (34). С. 85–88; *Он же.* «Для осуществления всех его замыслов не могло хватить одной жизни». В.Б. Луцкий об академике И.Ю. Крачковском // Восточный архив, 2017, № 1 (35). С. 71–76; *Он же.* В.Б. Луцкий об организации работы в области арабистики // Восточный архив, 2022, № 1 (45). С. 89–94).

³ Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) – археолог и историк, профессор МГУ (с 1942 г.), академик АН СССР (с 1958 г.).

⁴ Маркс Карл (1818–1883) – основоположник научного коммунизма.

⁵ Энгельс Фридрих (1820–1895) – основоположник научного коммунизма.

⁶ Толстов Сергей Павлович (1907–1976) – археолог и этнограф, профессор МГУ (1939–1951), чл.-корр. АН СССР (с 1953 г.).

⁷ См.: *Толстов С.П.* Очерки первоначального ислама // Советская этнография, 1932, № 2. С. 24–82.

⁸ Мухаммед (ок. 570–632) – основатель ислама.

⁹ Абу-Бекр (572–634) – первый халиф (с 632 г.) в Арабском халифате.

¹⁰ Омар I (ок. 591 или 581–644) – второй халиф (с 634 г.) в Арабском халифате.

¹¹ Осман (?–656) – третий халиф (с 644 г.) в Арабском халифате.

¹² Али (602–661) – четвёртый халиф (с 656 г.) в Арабском халифате.

¹³ Пиренн Анри (1862–1935) – бельгийский историк, профессор (в 1918– 1921 гг. – ректор) Гентского университета (1886–1930), иностранный чл.-корр. Российской АН (с 1918 г.).

¹⁴ Марр Николай Яковлевич (1864/65–1934) – востоковед и лингвист, академик Петербургской АН (с 1912 г.).

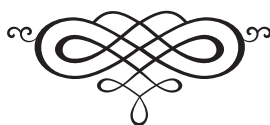
¹⁵ Веселовский Александр Николаевич (1838–1905) – филолог, историк всеобщей и русской литературы, профессор Петербургского университета (с 1872 г.), академик Петербургской АН (с 1880 г.).

¹⁶ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк, зам. наркома просвещения РСФСР (с 1918 г.), академик АН СССР (с 1929 г.).

¹⁷ Лямменс Анри (1862–1937) – бельгийский востоковед, миссионер-иезуит.

¹⁸ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – генеральный секретарь ЦКВКП (б) (с 1922 г.), председатель СНК СССР и ГКО (с 1941 г.), почётный член АН СССР (с 1939 г.).

¹⁹ Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – граф, генерал от артиллерии, военный министр (1808–1810), председатель Департамента военных дел Государственного совета (1810–1812 и 1816–1826), главный начальник Отдельного корпуса военных поселений (1821–1825). «Аракчеевщиной» называлась политика крайней реакции, полицейского деспотизма.

**ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ В ИСТОРИИ ВОСТОКА:
ПОМЯНУТ И ЗАБЫТ.
НА СМЕРТЬ Р.К. ГОЛИКЕРЕ (8 ноября 1879 г. – 4 апреля 1959 г.)**

Несколько лет назад, открыв для себя необъятный архив М.Р. Джайкара (1873–1959), адвоката, судьи, политика, участника национально-освободительного движения и первого вице-канцлера учреждённого уже в независимой Индии Университета Пуны (1948 г., Махараштра), я прежде всего занялась тематическими папками, которые касались основ домоустройства заметной фигуры бомбейского истеблишмента и обеспечения надлежащего комфорта для него самого и членов его семьи¹. Для меня стала неожиданностью значительная роль его личного секретаря Р.К. Голикере вовсе не в профессиональной сфере, что можно было бы предположить, но в облегчении и упорядочении жизни своего работодателя в целом². Постепенно секретарь завладел моим вниманием, временами отодвигая на задний план самого Джайкара, несмотря на явное подавление со стороны последнего субъектности Голикере. Его личность, казалось, растворилась в личности работодателя без следа, но её индивидуальность, не смирившись с этим, упрямо прорывалась через тысячи страниц, аккуратно сгруппированных и подшитых по датам.

Мне потребовалось время, чтобы соединить антропоним «Голикере/и» с неупомянутой в российской историографии кастой читрапурских брахманов-сарасватов³ и разослать около десятка писем по соответствующим кастовым каналам, в том числе в Читрапурскую обитель (Chitrapur math) в местечко Ширали (штат Карнатак), общинный религиозный центр, возглавляемый *свами-джи* – духовником этой категории сарасватов⁴. Мой клич о помощи был передан д-ру Пракашу Мавинкурве, анестезиологу из Мумбаи (штат Махараштра), по моей просьбе нашедшему в подборке журнала *Kanara Saraswat* второй

половины 1950-х годов сведения о человеке, чей уход не мог не быть отмечен достойным его жизни некрологом.

В долгожданном послании (20.05.2023) П. Мавинкурве написал: «Сожалею, что задержался с ответом, поскольку, как и прежде, хотел убедиться, что информация попадёт к нужному человеку и по назначению⁵. Благодаря моему другу м-ру Раджану Кальянпуру, который ведёт записи о генеалогических древах членов Ассоциации канарских сарасватов (KSA, Kanara Saraswat Association), я выяснил даты рождения (8 ноября 1879 г.) и смерти (4 апреля 1959 г.) Р.К. Голикере. Затем в архивах Ассоциации я разыскал майский выпуск журнала KSA за 1959 г. и, конечно же, нашёл некролог, прилагаемый к настоящему письму. Здесь вы найдете то, что вас интересует... Спасибо вам, мадам, за инициативу в осуществлении этого поиска. Я рад, что смог получить некоторое представление об этом невоспетом гиганте из нашего сообщества».

Опубликованный 66 лет назад некролог с информацией о биографии героя и оценкой его жизненного пути оказался документом насыщенной эпохи конца XIX – первой половины XX века. В Индии в эти десятилетия ускоренным темпом происходили преобразования качественного характера, существенно влиявшие на этнополитический и социально-культурный ландшафт субконтинента и укреплявшие коллективные идентичности в процессе пересмотра и изобретения каждой группой собственной истории. Параллельным курсом, в условиях антиколониального движения, осуществлялась националистическая гомогенизация страны, а затем её новая – в условиях суверенности – структуризация. Многогранность Голикере, всего лишь

одного человека, чья незаурядность, однако, не была в должной степени замечена его современниками, отразила в себе черты не только его индивидуальной судьбы, но и всей касты читрапурских сарасватов в процессе её приспособляемости к меняющимся сценариям проживаемого ими времени и переделываемого пространства, и всего общества в целом. Публикуемый ниже документ одновременно напоминает о ценности жанра некролога как исторического источника, через который забытые герои прошлого вновь обретают голоса, а их деятельность сверяется с вектором, по которому пошло развитие общества, когда-то бывшего их средой.

Вследствие кончины шри⁶ Рагхурама Кришнарао Голикере, случившейся в Хубли⁷ 4 апреля 1959 года, община потеряла усердного социального работника, известного писателя и увлечённого искателя знаний. Покойному шри Голикере на момент смерти было 80 лет. Несмотря на слабое здоровье, хорошее настроение не изменяло ему, он оставался завсегдатаем своего клуба и много читал. Всего несколько недель назад, по настоятельной просьбе родственников, в тихой и простой обстановке в Хубли была отпразднована его бриллиантовая свадьба.

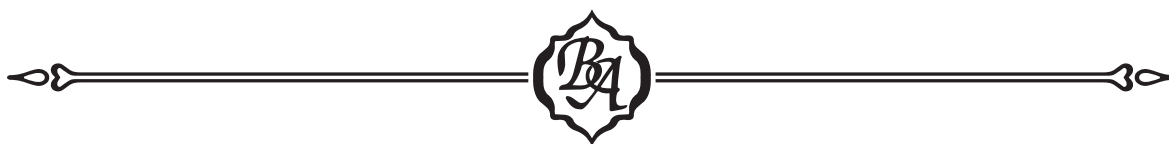
Шри Голикере родился 8 ноября 1879 года в Южной Канаре⁸ и получил начальное образование в Кундапуре и Мангалоре. Финансовые обстоятельства вынудили его отказаться от дальнейшего обучения, когда он учился в срединной ступени⁹. И в школе, и в колледже он проявлял интерес к естественным наукам и языкам. Французский язык, бывший для него в школе вторым, он освоил в такой степени, что перевёл на английский несколько французских произведений.

После переезда в 1897 году в поисках работы в Бомбей он трудился в нескольких британских фирмах стенографистом, а в 1905 году приступил к исполнению обязанностей в Южно-Британской страховой компании, где оставался 15 лет. Находясь на службе, он продолжал совершенствовать свои знания в различных областях, в первую очередь в естественных дисциплинах.

Когда покойный С.С. Талмаки¹⁰ инициировал обсуждение Движения кооперативных сообществ, шри Голикере примкнул к нему и работал вместе с ним рука об руку, хотя и оставался в тени¹¹. Шри Голикере с самого начала душой и сердцем участвовал в становлении в Бомбее Ассоциации канарских сарасватов. Для вовлечения в неё новых членов он не только пропагандировал Ассоциацию в Бомбее, но и совершал поездки в Северную и Южную Канару с целью продвижения идеи скреплённого участием в общей организации братства сарасватов¹². С 1919 до 1922 года он был безгонорарным секретарём Ассоциации. За это время её ряды существенно возросли за счёт притока новых членов.

Когда в 1921 году Махатма Ганди¹³ запустил кампанию несотрудничества, шри Голикере оставил работу в страховой компании и присоединился к движению. Он и его сестра шримати Ума-баи Кундапур¹⁴ были вместе с теми, кто распространял кхади и движение свадеши¹⁵ среди сарасватов в Бомбее. Его появление в одежде кхади и белой пилотке вызвало раздражение у работодателей, требовавших от него отказа от кхади или ухода с места службы. Он с готовностью оставил последнее, присоединился к Ганди-джи в качестве его стенографиста и оставался с ним в Сабармати-ашраме¹⁶ до марта 1922 года, когда Ганди-джи был приговорён к шестилетнему тюремному заключению¹⁷.

Именно шри Голикере выпала честь записать знаменитый ультиматум Махатмы-джи тогдашнему вице-королю лорду Ридингу¹⁸ в преддверии Бардольской сатьяграхи¹⁹. Во время своего краткого служения Махатме-джи шри Голикере не только имел привилегию тесного общения со многими влиятельными лидерами Конгресса, но и получил возможность публиковать в еженедельнике Ганди-джи *Young India*²⁰ короткие заметки. В 1922 году, когда Конгресс отправил таких лидеров, как шри Ч.Р. Дас, пандит Мотилал Неру, шри Витхалбхаи Пател и шри Раджагопалачари²¹, в поездку по стране для выполнения задач Комитета по расследованию актов гражданского неповиновения²², шри Голикере имел честь сопровождать некоторых из них в качестве секретаря. Его работа была

высоко оценена покойным шри Витхал-бхаи Пателем. Также около двух лет он работал с шри К. Натараджаном, редактором известного еженедельника *Indian Social Reformer*²³.

Примерно в 1925 году он поступил на работу к д-ру М.Р. Джайкару, нанявшему его в качестве личного секретаря, и оставался с ним около 15 лет. Во время индийско-британских переговоров, в которых участвовали покойный д-р Сапру²⁴ и покойный²⁵ д-р М.Р. Джайкар, в самый разгар Движения гражданского неповиновения 1930–1931 годов²⁶, шри Голикере было доверено подготовить несколько заявлений и меморандумов.

Примерно в 1939 году покойный шри Голикере решил выйти с действительной службы в отставку и обосноваться в Кундапуре. Однако ему и его жене пришлось уехать в Бангалор, где серьёзно заболел его сын Прабхакар²⁷. Прожив там около года, в 1941 году он вместе с женой переехал в Хубли, чтобы провести там остаток дней.

Всю свою жизнь Голикере оставался студентом и всегда тянулся к знаниям, будь то науки, языки, география, математика или музыка. Во время работы с д-ром Джайкаром он написал и опубликовал книгу объёмом более 500 страниц *Through Wonderland of the Universe* («Сквозь чудеса Вселенной») ²⁸. Хотя он не обладал учёной степенью, его познания в естественных науках и географии были таковы, что мельчайшими деталями он мог удивить многих экспертов в этих областях.

Во время пребывания в Бомбее он полностью утратил связь с языком каннада²⁹. Однако, перебравшись в Хубли, он изучал его с такой серьёзностью и преданностью, что за очень короткое время смог писать статьи для каннадаязычной прессы. Его заметки по различным отраслям науки, опубликованные в еженедельнике д-ра Хардикара³⁰, были чрезвычайно информативными.

В 1948 году, став первым вице-канцлером университета Пуны, д-р М.Р. Джайкар выразил настойчивое желание видеть шри Голикере своим личным ассистентом. Голикере было около 70 лет, он не хотел больше служить, но, в конце концов, уступил давлению д-ра Джайкара и приступил к работе, обговорив своё согласие только на два года.

Он уехал в Пуну и работал в университете до 1950 года, после чего вернулся в Хубли и прожил там до конца жизни.

Уже удалившись от активного несения службы, он не оставил своих научных привязанностей, регулярно публикуясь в различных периодических изданиях, включая *Kanara Saraswat*. Его единственной страстью была страсть к знаниям и ещё большему количеству знаний. Он подготовил рукопись книги *Vegetarian vs Non-Vegetarian* («Вегетарианец vs. невегетарианец»), завершил редактирование её и передал в печать в последнюю неделю марта 1959 года, буквально за день до начала своей болезни, от которой уже не оправился. Эта книга сейчас находится в печати³¹ и, с разрешения господина Ч. Раджгопалачари, будет посвящена первому индийскому генерал-губернатору.

После себя он оставил вдову, сына, братьев и сестру, огромное число друзей и почитателей, которые будут скорбеть по этой утрате. Да упокоится его душа с миром.

Двухстраничный некролог в концентрированной форме отражает движение жизни отдельного человека в его привязанности к узкому сообществу и вместе с тем в его осознанной вовлечённости в деятельность страны в целом. В представлении К. Гуру Датта, философа и летописца родной касты, «сообщество “нашего типа” – это органичная культурная единица, стоящая между семьёй, с одной стороны, и нацией или обществом в целом, с другой»³². «Органика» этой единицы, безусловно, формировалась в процессе исторических трансформаций и при активном участии носителей этой «культуры».

Бомбейский этап кастового сообщества читрапурских сарасватов отсчитывается с 1870 года, с прибытия в столицу Бомбейского президентства Шамрао Витхала Кайкини (1842–1905), ставшего – в силу владения английским языком и юридической грамотности – переводчиком Верховного суда Бомбея с языком каннада и в дальнейшем заметным персонажем в жизни колониального Бомбея. Он активно помогал членам своей касты, которые кучно селились в арендованных вбли-

зи от Кайкини коммунашек-общешитиях, впоследствии образовав «Канарский клуб». Через год после смерти Кайкини его именем был назван Кооперативный банк – S.V. Cooperative Bank, Банк им. Шамрао-Витхала, ныне располагающий 198 филиалами в 11 штатах страны. Его племянник (сын сестры), в образовании которого он принял непосредственное участие, в 1876 году стал первым бханапом, получившим в бомбейском Элфинстон-колледже степень бакалавра, и в 1911 году занял пост вице-канцлера Университета Бомбея! В этом же году была создана Ассоциация канарских сарасватов, а в 1915 году – тот самый жилищный кооператив Saraswat Colony в бомбейском районе Gamdevi, адрес которого раскрыл для меня кругозор Голикере и диапазон его достижений за пределами подневольной службы у Джайкара.

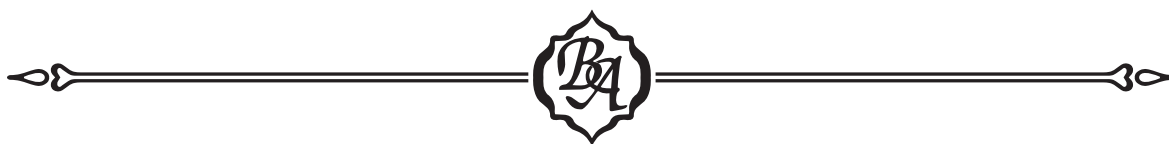
Некролог, хотя и выборочно, представляет публичный профиль Голикере, в частности, его роль в сплочении собратьев по касте, весьма невеликой в абсолютном³³ и относительном измерениях. П. Мавинкурве, мой корреспондент, написал, что в Годовом отчёте Ассоциации канарских сарасватов за 1916–1917 годы Голикере фигурировал как рядовой член и в конце 1917 года был избран в её Управляющий совет. В Отчёте за 1917–1918 годы он уже назван «секретарем мофуссила», т.е. территории находящихся под влиянием Бомбея прилегающих районов, что объясняет успех Голикере в увеличении числа членов Ассоциации. «К его чести и свидетельству его искренности, – комментирует П. Мавинкурве, – сообщается, что в том отчётном году он присутствовал на 39 из 40 заседаний Совета» (20.05.2023).

Первый же номер *Saraswat Quartely* (1919, впоследствии *Kanara Saraswat*), одним из учредителей которого был Голикере, свидетельствует о значительно более широком, раздвигающем кастовые рамки, масштабе его личности. В статье *The Patel Inter Caste Marriage Bill* он, включившись в дискуссию, взбудоражившую Индию в целом, подробно разбирает (и одобряет³⁴) предоставленный в Специальный комитет Имперского законодательного совета законопроект, оспаривающий индусское личное право на запрет

межкастовых браков внутри индусского общества. Вероятно, это и стало одной из причин высокой оценки, данной ему Витхалбхаи Пателем, автором дерзкого законопроекта. Эта и другие актуальные статьи-размышления политического характера и при этом неуёмная тяга к научно-популярному осмыслению материального мира буквально в планетарном масштабе остались далеко за рамками сжатого некролога, открывшего, тем не менее, многочисленные грани личности незаурядного человека.

Однако пятнадцатилетний период, который Голикере провёл формально в качестве личного секретаря, но фактически как смотритель и управляющий в бомбейских владениях Джайкара, чья жена умерла в 1924 году, оставив его вдовцом с четырьмя детьми, и затем ещё два года в Пуне почти полностью выпали из текста некролога. «Секретарские» обязанности при Джайкаре подразумевали уход за протёкшей крышей и починку сломанной дверной ручки, приобретение рассады для клумб и контроль над домашними слугами, составление тематических подборок и каталогизацию любых – деловых и личных – бумаг чрезвычайно жёсткого и требовательного работодателя. Именно кропотливый труд Голикере сохранил приведённый в образцовый порядок бесконечный поток писем, счетов, телеграмм, записок и прочей бумажной стороны жизни Джайкара, теперь доступной в оцифрованном виде в Национальном архиве Индии.

Только в работе над материалом о «невоспелом гиганте» я оценила упорство П. Мавинкурве, теперь ещё и члена Управляющего совета Ассоциации канарских сарасватов, который зазвал меня в нынешнем Мумбаи в Saraswat Colony, а потом в Talmakiwadi, буквально «поселение Талмаки», второй жилищный кооператив бханапов, построенный через два года после первого. Названный в честь зачинателя кооперативного Движения, он располагает более удобной территорией, куда и переместилась штаб-квартира Ассоциации канарских сарасватов. Этот квартал – Ассоциация, Читрапурская обитель, Банк имени Шамрава Витхала и Saraswat Colony – являются главными опорами бханапов в со-

циальной сфере, финансовом партнёрстве, религиозной жизни и добрососедстве, скрепляющими их идентичность и берегущими их

микрокосм, в создании которого герой некролога внёс существенный вклад.

Примечания

¹ Подробнее о слугах и хозяевах см. в монографии: Глушкова И.П., Сидорова С.Е. Под небом Южной Азии. Слуга и хозяин: производство и поддержание порядка в практиках личного обслуживания (подготовлена к печати).

О Джайкаре и его быте см.: Глушкова И.П. Из архивов М.Р. Джайкара. Часть 1. Един во всех лицах: безотказный секретарь требовательного работодателя // Восточный архив. 2023, № 2 (48). С. 55–68; Из архивов М.Р. Джайкара. Часть 2. Домашний кондуит отставного бюрократа: прошения слуг и резолюции хозяина // Восточный архив. 2024, № 1 (49). С. 94–109.

² Результатом возникшего интереса к секретарю и его реальному весу стал исследовательский блок «Личный секретарь в истории Востока. Введение к эксперименту по соединению» // Вестник Института востоковедения. 2024, № 4 (30). С. 189–255. Наряду с введением общего характера блок, созданный в содружестве с коллегами из Отдела истории Востока, содержит пять *case study* из разных эпох и регионов.

³ Читрапурские / канарские сарасваты, или (эндоэтноним) бханапы, – небольшая община индусских брахманов, чьим родным языком изначально был индоарийский конкани. Помимо Гоа, конкани распространён в местных вариантах в исторической области Канара (теперь в штате Карнатак, Южная Индия) на Малабарском побережье Аравийского моря, прикрытой с востока горной цепью Западные Гхаты. Бханапы являются частью более широкого кастового кластера гаудасарасватов, но их перемещение из Гоа в Канару (отсюда их дефиниция по территории), начавшееся, в том числе, в связи с религиозной политикой португальцев, в XV–XVI веках привело к их обособлению и даже переходу на дравидский язык каннада, распространённый в этой части Индии. Они оторвались от гоанского контекста и сформировали собственную духовную традицию, истоки которой уходят к кенотафам почитаемых ими религиозных учителей в деревне Читрапур (возле Ширали), которая дала имя Обители (1757 г.) и

одному из самоназваний бханапов. Однако Ассоциация канарских сарасватов сохраняет в названии топоним «Канара», принципиально открывая двери для сарасватов из той части, чьи религиозные традиции могут их связывать с отличными – от Читрапурской обители – религиозными центрами.

Навигатором, приведшим меня именно к этой категории сарасватов, стал сохранившийся в архивной переписке между «хозяином» Джайкаром и «службой» Голикере адрес последнего с упоминанием Saraswat Colony в бомбейском районе Gamdevi.

⁴ Этот пост в настоящее время занимает Н Н Shrimat Sadyojat Shankarashram Swamiji, 11-й предстоятель Читрапурской обители, поручивший своему прихожанину (Пракаш Мавинкурве) оказать мне содействие в поисках информации о Голикере.

⁵ Проверка моей благонадёжности была осуществлена племянником моего корреспондента: он связался с Посольством Индии в Москве, получил подтверждение информации, которую я сообщила о себе и своих целях, и затем позвонил мне, чтобы убедиться в моем владении языком маратхи.

⁶ В секулярном контексте «шри» используется в препозиции к имени в качестве формы вежливости, аналогичной англ. «мистер»; патроним – Кришна – расширен гонорификом, в английском (языке некролога), передаваемом как гао.

⁷ Хубли (теперь Хубалли) – город в современном штате Карнатак, ранее входил в Дхарвадский округ Бомбейского президентства.

⁸ В 1862 году колониальная администрация перевела Северную Канару в состав Бомбейского президентства, тем самым создав благоприятные условия для миграции её жителей в Бомбей. Южная Канара вместе с городами Кундапур и Мангалор осталась в составе Мадрасского президентства округом, откуда урбанистическая миграция шла по двум направлениям.

⁹ В тот исторический период «срединая» ступень подразумевала начальные годы колледжа,

а матрикуляция осуществлялась через экзамены в трёх университетах (Бомбей, Калькутта, Мадрас). См.: Conlon, Frank F. Chitrapur Saraswat Community: A Caste in a Changing World: The Chitrapur Saraswat Brahmans 1700–1935. Berkeley / Los Angeles / London: University of California Press, 1977. P. 115–116.

¹⁰ Шрипад Субрао Талмаки (1868–1948) – читрапурский сарасват, зачинатель кооперативного движения в Индии. Основатель кооперативного банка (1906 г.) для содействия членам своей касты в условиях их миграции в Бомбей и первого в Азии, существующего поныне, жилищного кооператива Saraswat Cooperative Housing Society (1915 г.), где проживал Голикере. Кооперативное сообщество арендаторов (а не владельцев) располагалось в пяти зданиях с 42 квартирами, и его деятельность регулировалась собственными подзаконными актами.

¹¹ В интервью журналу *Kanara Saraswat*, данном по случаю визита в Бомбей / Мумбаи, американский историк Фрэнк Ф. Конлон назвал другие религиозные и кастовые общества, ещё до сарасватов предпринимавшие попытки создания жилищных кооперативов, но сарасваты стали первыми, кто в этом преуспел: «Залогом их успеха была коллективная солидарность. Это было сообщество, имеющее свой собственный язык, свою собственную культуру и переживающее общие проблемы. Всё вместе это составило идеальное сочетание». *Gokarn Shruti*. Frank F. Conlon – An Interview // *Kanara Saraswat. A Monthly Magazine of Kanara Saraswat Association*. Vol. 92, no. 3, 2011. P. 13.

Автор диссертации (1969 г.), положенной в основу монографии о бханапах / читрапурских сарасватах (см. прим. 3), Конлон фактически реконструировал процесс их оформления в самостоятельную касту, т.е. вскрыл динамику этого вовсе не «окаменевшего» феномена и социальную карьеру обретшей свои рамки касты в процессе её столкновения с колониальной реальностью. Этот уникальный эксперимент стал возможным в силу малочисленности касты и соединенности её членов траекторией общей судьбы, ещё когда (середина 1960-х годов) современные процессы глобализации не вывели их на новую орбиту.

¹² В это время ввели дистанционное (non-residential) членство, и число членов Ассоциации увеличилось до 781 человека, с учетом 264 чле-

нов собственно в Бомбее. K. Guru Dutt. Chitrapur Saraswat Retrospect: A Historical and Sociological Study. Bangalore: The B.B.D. Power Press, 1955. P. 19–20.

¹³ Мохандас Карамчанд (Махатма) Ганди (1869–1948) – идеолог национально-освободительного движения, признан в Индии «отцом нации». Его имя обычно оформляется уважительной частицей «джи» – Гандхи-джи. С 1917 по 1934 год жил в Бомбее, в особняке Mani Bhavan, расположенном буквально на расстоянии 200 м от Saraswat Colony.

¹⁴ В секулярном контексте «шримати» употребляется в значении «миссис».

Ума / Ума-баи (с гонорификом «баи») Кундапур (1892–1991, урожд. Бхавани Голикере) – родная сестра героя некролога. Вдохновившись провозглашёнными в 1920 году (а не в 1921 году, как указано в некрологе) М.К. Ганди идеями, вместе с мужем Сандживом Рао Кундапуром и братом Р.К. Голикере приняла активное участие в движении несотрудничества. В 1928 году, овдовев, вернулась из Бомбея в Хубли, где на протяжении всей жизни сотрудничала с Нараяном Суббарао Хардикаром (1889–1975), членом партии Индийский национальный конгресс (ИНК) и основателем «Сева-дал», волонтерской организации, подотчётной ИНК. После её запрета в 1932 году Ума-баи как лидер женской фракции «Сева-дал» оказалась за решёткой в знаменитой пунской тюрьме «Йервада». В дальнейшем она продолжила борьбу за свободу Индии и права женщин. Также знаменита тем, что на протяжении всей жизни отказывалась от наград, званий и почётных постов.

¹⁵ *Кхади* – домотканая одежда из натурального волокна, ставшая, как и белые пилотки, символом соратников М.К. Ганди и движения *свадеши* («отечественное») в борьбе за независимость Индии.

¹⁶ Сабармати-ашрам – основанное М.К. Ганди в его родной местности – Гуджарате (г. Ахмадабад на р. Сабармати) – спартанского типа поселение.

¹⁷ В 1922 году Ганди был осуждён по статье 124А Индийского уголовного кодекса за подстрекательство к мятежу в трёх статьях из *Young India* (см. прим. 20) и освобождён из пунской тюрьмы «Йервада» через два года из-за приступа аппендицита.

¹⁸ Лорд Ридинг занимал пост вице-короля Индии в 1921–1926 годах. Письмо, названное

в тогдашней прессе «Ультиматум лорду Ридингу», содержало требование М.К. Ганди принять в течение семи дней с момента его получения меры в отношении изложенных проблем и предупреждение о массовом гражданском неповиновении в противном случае. Оно начиналось фразой: «Сэр, Бардоли – это небольшой населённый район в округе Сурат Бомбейского президентства, с общим населением около 87 000 человек». См. *Khipple R.L. (ed.). Famous Letters of Mahatma Gandhi. Lahore: The Indian Printing Works, 1947. P. 51.*

¹⁹ Бардольская *сатьяграха* («упорство в истине»), однако, случилась на шесть лет позднее, в 1928 году. Это был аграрный протест против значительного повышения британским правительством налогов для крестьянства Бардоли, района в Гуджарате, входившего в состав Бомбейского президентства. Возглавленный адвокатом и активистом национально-освободительного движения Валлабхбаи Пателем (1875–1950, конечное слово «бхаи», букв. «брат», является гонорификом) протест закончился победой крестьян, и М.К. Ганди удостоил его руководителя эпитетом *сардар*, «военачальник», со временем ставшим неотъемлемой частью имени Пателя.

²⁰ *Young India* –англоязычный еженедельник под редакцией М.К. Ганди, в 1919–1922 годах выходил в Бомбее, далее – до 1931 года – в Ахмадабаде.

²¹ Читаранджан Дас (1870–1925), «Дешбандху», т.е. «Друг/брат страны», – политический активист, основатель (совместно с единомышленниками) партии Сварадж («Своё правление»); пандит («высокообразованный брахман») Мотилал Неру (1861–1931) – адвокат и политический активист, в 1920-х годах один из лидеров индийского национального движения, отец Джавахарлала Неру (1889–1964), первого премьер-министра независимой Индии; Витхалбхаи (1873–1933), законодатель и политический деятель, старший брат Сардара Валлабхбаи Пателя; Чакраварти Раджагопалачари(я) (1878–1972) – один из лидеров ИНК, после достижения независимости ставший последним генерал-губернатором Индии.

²² Комитет по расследованию актов гражданского неповиновения был создан партией Индийский национальный конгресс для оценки готовности страны к гражданскому неповиновению после приостановки Движения несотрудничества.

²³ Англоязычный еженедельник *Indian Social Reform* основан в 1890 году Камакши (К.Н.) Натаранджаном (1868–1948) в Мадрасе, далее издавался в Бомбее.

²⁴ Речь идёт о трёх конференциях круглого стола в Лондоне (1930–1932 гг.), на которых обсуждались конституционные реформы в Индии. Тедж Бахадур Сапру (1875–1949) – адвокат и политик, по мировоззрению близок Джайкару, имевшему принципиальные расхождения с Ганди. Последний участвовал только в одной из конференций, Джайкар был единственным, кто принимал участие во всех трёх.

²⁵ Голикере умер через 25 дней после Джайкара.

²⁶ Движение гражданского неповиновения отсчитывается с 1930 года, когда Ганди возглавил знаменитый «Соляной марш», тем самым бросив вызов британской монополии на добычу соли. К этому моменту работодатель Голикере уже в значительной степени разошёлся во взглядах с Ганди, и, очевидно, его секретарю приходилось доносить в публичных документах именно позицию Джайкара и Сапру.

²⁷ В сборнике официальных документов штата Майсур (переименованном в 1973 году в Карнат) содержится приказ о переводе шри П.Р. Голикере, главного инженера лесного хозяйства Belgaum Circle, на должность специального главного инженера г. Райчура в соответствии с новой должностью, утверждённой приказом правительства штата № PWD 584 TBP 58 от 13 декабря 1958 года. *The Mysore Gazette, 1959. Pt. 4, sect. 2C:2. Mysore: State. P. 15.*

По информации генеалога Раджана Кальянпура, у Прабхакара было двое сыновей и три дочери, все рождённые в 1930–1939 годах, т.е. у Голикере было пять внуков, но связь с их потомками установить не удалось. По моим представлениям (на основе чтения архивной переписки), у Голикере была ещё и дочь, о которой Кальянпур не упоминает вовсе.

²⁸ Эту книгу, популяризировавшую всё «самое-самое» во Вселенной, Голикере опубликовал на собственные средства в 1933 году. Он неоднократно просил своего работодателя помочь ему с её распространением среди англоязычного истеблишмента, где вращался Джайкар, но последний,

перегруженный собственными задачами, просьбу подчинённого не считал важной. Голикере также отправил эту книгу Ганди, но и тот не проявил большого интереса. Автор также разослал книгу в главные мировые библиотеки, где она по-прежнему присутствует в каталогах.

²⁹ См. прим. 3.

³⁰ Каннадаязычный еженедельник *Jaya Hindh* выходил с 1947 по 1954 год.

³¹ Книга *Vegetarian vs Non-Vegetarian* вышла в 1960 году в бомбейском издательстве Popular Book Depot, основанном в 1924 году первоначально как книжный магазин читрапурским сарасватом Ганешем Р. Бхаткалом. В 1962 году его сыновья преобразовали его в Popular Prakashan, теперь одно из старейших действующих поныне бомбейских издательств. Ещё одну написанную книгу Голикере – *A World Survey of Dangerous Snakes and their Enemies* – удалось обнаружить путём интернет-поиска в биб-

лиогрфии к *Gharpurvey C.K.G. The Snakes of India*. Delhi: Asiatic Publishing House, 2007.

³² *K. Guru Dutt. Chitrapur Saraswat Retrospect...* P. 11.

³³ Конлон определил численность читрапурских сарасватов в 26 тысяч (хотя это и старые данные, они подтверждаются актуальными интернет-источниками), назвав главными центрами их сосредоточения Мумбаи в Махараштре и Бангалор (теперь Бенгалуру) в Карнатаке и отметив также их присутствие в странах Азии, Европы и Северной Америки. *Conlon, Frank F. Housing and Community in Mumbai: The Chitrapur Saraswat Brahman Experience // Kanara Saraswat. A Monthly Magazine of Kanara Saraswat Association. Vol. 92, no. 3, 2011. P. 15–19.*

³⁴ В 1948 году, уже в независимой Индии, этот законопроект был представлен на рассмотрение и вступил в силу в 1949 году.

Ю.А. ГАГАРИН В ЕГИПТЕ

Первый в мире космонавт Ю.А. Гагарин объехал много стран, и везде его встречали на «ура». В начале 1962 года он побывал и в Египте. Это был период тесных советско-египетских отношений, и потому Гагарина принимали там как родного. В отечественных архивах остались материалы об этой поездке. На сайте МИДа в 2021 году был опубликован материал «Исторический визит Ю.А. Гагарина в Египет в 1962 г.». Он охватывает всю поездку и, видимо, был создан работающим в МИДе арабистом.

Исторический визит Ю.А. Гагарина в Египет в 1962 г.

В этом году (2021. – В.Б.) весь мир отмечает 60 лет с момента первого полёта человека в космос 12 апреля 1961 г. В преддверии Дня космонавтики представляем вашему вниманию документальный фильм об историческом визите первого космонавта Земли Ю.А. Гагарина в Объединённую Арабскую Республику (Египет) в январе-феврале 1962 г. в рамках его мирового турне, получившего название «орбита дружбы».

Ю.А. Гагарин посетил египетскую землю по приглашению вице-президента и главнокомандующего вооружёнными силами страны, маршала Абдель Хаким Амера и пробыл здесь 7 дней. Президент страны Гамаль Абдель Насер наградил Юрия Гагарина высшим орденом республики «Ожерелье Нила».

Гагарин прилетел в Каир 29 января 1962 года. В аэропорту в честь первого в мире космонавта был выстроен почётный караул. Дети преподнесли ему букеты цветов. Затем гость заехал в открытой автомашине во дворец Кубба, где расписался в книге почётных гостей, после чего отправился в свою резиденцию. Как и в других местах, посещённых Юрием Гагариным, каирцы выстроились в ряд вдоль всего маршрута и горячо привет-

ствовали первого космонавта. Где останавливался Гагарин в Египте – не известно.

На следующее утро в городе Бильбейс в дельте Нила, где находится военно-воздушное училище, в честь Юрия Гагарина устроили воздушный парад. Оттуда он отправился в Порт-Саид. Визит в этот город выглядел особенно символичным. Поздней осенью 1956 года, во время тройственной англо-франко-израильской агрессии, порт-саидцы оказали упорное сопротивление захватчикам. Вскоре этот город породнился с нашим Сталинградом. В Порт-Саиде и сейчас есть улица и площадь Волгограда, а в Волгограде – улица Порт-Саида. «Хотя египетский Нил и русскую Волгу разделяют тысячи километров, – сказал Юрий Гагарин на встрече с общественностью Порт-Саида, – они близки друг другу, как брат и сестра. Их связывает большая дружба народов Объединённой Арабской Республики (так тогда назывался Египет. – В.Б.) и Советского Союза». А губернатор города Эмад Ружги подарил Гагариному горсть порт-саидской земли и сказал: «Мы молились за вас и благодарили Аллаха, когда вы благополучно опустились на землю».

Из Порт-Саида Гагарин в тот же день вернулся в Каир, где президент Гамаль Абдель Насер устроил в его честь роскошный приём. «Весь народ ОАР внимательно следил за Вашим полётом, – сказал президент, – и своим радушным приёмом, который он оказывает Вам сейчас, он выражает свои чувства дружбы к советскому народу». Насер наградил Гагарина высшим орденом страны – «Ожерелье Нила». Этот орден был учреждён ещё в 1915 году, и с тех пор его получили лишь несколько руководителей дружественных Египту государств. Гагарин стал первым кавалером этого ордена, не имевшим отношения к политике. «Всюду, где бы ни появлялся Юрий Гагарин, ему оказывается воистину

народная встреча. На каирских площадях и порт-саидских улицах советскому гостю рукоплескали тысячи людей».

Следующий день Гагарин посвятил осмотру Каира, посетил пирамиды Гизы. Губернатор Каира Салах Дессуки вручил ему символический ключ от города. Затем первый в мире космонавт выступил с лекцией в Каирском университете, а вечером обратился к египтянам по телевизору, что начинало вещание в стране телевидению.

Из Каира Гагарин полетел в Луксор. Он осмотрел древнеегипетские храмы и гробницы и продолжил путь на юг, в Асуан. Там уже вовсю шло строительство высотной Асуанской плотины, вместе с египтянами работали тысячи советских специалистов. А из Асуана гость прилетел в Александрию, где выступил в местном университете (см. следующий материал. – В.Б.). 3 февраля состоялась встреча с Юрием Гагариным в Советском культурном центре в Каире. Одним из гостей был известный египетский поэт Абдель Рахман аль-Хамиси (1920-1987). Ещё 12 апреля 1961 года, в день полёта Гагарина в космос, Хамиси написал в его честь поэму под названием «Гагарин в моей деревне», впоследствии переведённую на русский язык. На встрече он вручил первому в мире космонавту текст поэмы, написанный на папирусе. Хамиси не был единственным египетским поэтом, посвятившим Гагаринову свои стихи. В день прилёта космонавта в Каир газета «Аль-Ахбар» напечатала также поэму Махмуда Тауфика, написанную в его честь.

На другой день Юрий Гагарин отбыл из Египта. Перед отлётом он вновь заехал во дворец Кубба и сделал в книге почётных гостей следующую запись: «Уезжая из гостеприимной Объединённой Арабской Республики, я приношу искреннюю благодарность президенту ОАР Гамалю Абдель Насеру, правительству и народу ОАР за оказанный мне дружественный приём». Зарубежные поездки Юрия Гагарина получили тогда в советской печати наименование «орбита дружбы». Они действительно содействовали укреплению дружеских связей с народами разных стран. И примечательно, что эта орбита пролегла и через Египет.

В Архиве внешней политики Российской Федерации сохранился один-единственный документ о пребывании Ю.А. Гагарина в Египте. Приводим его полностью.

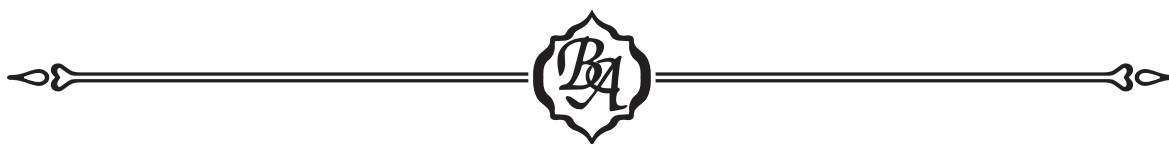
ГЕНКОНСУЛЬСТВО СССР В АЛЕКСАНДРИИ

2 апреля 1962 года
Исх. №61

ЗАВ. ОТДЕЛОМ БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА МИД СССР
тов. КИСЕЛЕВУ Е.Д.

3 февраля 1962 года в Александрию прибыл с визитом первый летчик-космонавт майор Гагарин Юрий Алексеевич и сопровождавшие его лица. Накануне приезда Генконсульством СССР была вывешена на улице фотовитрина, посвященная Гагаринову и Титову, которая привлекла внимание местного населения, особенно студентов хлопкового института, расположенного недалеко от здания советского Генконсульства. Большое количество местных жителей обращалось в Генконсульство за литературой о первых советских космонавтах, просили их фотокарточки. В Александрии в честь Гагарина в 1961 году была открыта «Компания Гагарина», руководитель которой прислал в Генконсульство приглашение Гагаринову посетить компанию и встретиться с её сотрудниками. Удовлетворить просьбу Компании посетить её Генконсульство не смогло за неимением времени у Ю.А. Гагарина, но руководителю Компании было направлено приглашение на доклад Гагарина в Университете.

К 2 час. 40 мин. на аэродроме Нузха собралось большое количество встречавших Гагарина, в том числе губернатор Александрии Хамди Ашур, генеральный директор Муниципалитета Хуссейн Собхи, директор общественной безопасности Хафага, командующий войсками северной зоны Римали, высший офицерский состав сухопутных войск, флота, авиации, представители консульского корпуса, иностранных торговых представительств в Александрии, члены правления местной армянской общины, студенческая молодежь, представители местных и центральных газет.

Появление Гагарина Ю.А. при выходе из самолёта было встречено бурными аплодисментами присутствовавших на аэродроме. После представления Гагарина местным властям первый космонавт и губернатор сели в открытую автомашину и, сопровождаемые почётным эскортом, направились в город. При движении по улицам города население Александрии тепло приветствовало Гагарина Ю.А. возгласами «Да здравствует Гагарин!» В городе были вывешены флаги ОАР и СССР, на стенах некоторых домов виднелись приветствия в адрес Гагарина на русском языке.

После поездки по городу в 17 часов Гагарин и сопровождавший его кортеж прибыли к инженерному факультету Александрийского университета, где майор Гагарин сделал доклад о полёте в космос.

Ректор университета Али Шаиб тепло приветствовал космонавта и в знак признательности подвигу Гагарина передал ему щит университета. Затем выступил губернатор Хамди Ашур, подчеркнувший большое научное значение полета Гагарина в космос и вручил ему ключ от города Александрии. На этой встрече присутствовало свыше 1000 человек. Доклад Гагарина был прослушан с большим интересом и много раз прерывался бурными аплодисментами.

По окончании доклада Гагарина у входа встретили жители города, которые не имели возможности присутствовать на этой встрече в университете, и больше 2-х часов ожидали на улице выхода Гагарина, чтобы выразить ему свои тёплые чувства. Были попытки некоторых из них прорваться через цепи полицейских и пожать руку мужественному советскому человеку. Однако сопровождавшие Гагарина полицейские офицеры грубо отталкивали этих лиц.

Несмотря на напряжённую программу пребывания в Александрии, Гагарин Ю.А. сумел посетить Генконсульство СССР, где он был радушно встречен коллективом советских людей, работающих в Александрии. По просьбе советских граждан Гагарин сделал несколько автографов, и вручил детям памятные значки.

Вечером командующий ВМС ОАР адмирал Солиман Эззат дал в честь майора Гагарина большой приём, на котором присутствовали представители местных властей, армии

и флота ОАР, посол СССР в ОАР В.Я. Ерофеев, сотрудники Генконсульства СССР в Александрии. Приём прошёл в теплой и дружественной обстановке.

Утром 3 февраля Гагарин и сопровождавшие его лица вылетели в Каир.

Следует отметить, что несмотря на попытки местных властей уменьшить значение приезда Гагарина визит первого советского космонавта был встречен восторженно, как представителями армии, флота и даже полиции, так и местным населением. Толпы народа, несмотря на присутствие большого количества полицейских, открыто выражали свои симпатии советскому летчику. Представители общественности города имели возможность лично встретиться с русским человеком, впервые поднявшимся в космос. В целом, визит Гагарина в Александрию способствовал росту авторитета и укреплению влияния СССР в Александрии и вылился в демонстрацию советско-египетской дружбы.

ПРИМЕЧАНИЕ: Интересно будет отметить такой факт, при встрече Гагарина на аэродроме в Александрии плотное кольцо полиции не позволило приблизиться встречающим к космонавту. Однако одна из студенток техникума прорвалась через весь кордон полиции и одела на Гагарина венок из живых цветов. Полиция швырнула эту девушку, и один из полицейских ударил её так, что она упала на землю. Затем, когда она подбежала к своим подружкам, последние стали спрашивать её, не нанёс ли полицейский своим ударом ей повреждение. Она, смеясь, сказала: «Не беспокойтесь обо мне, я сегодня самый счастливый в мире человек, так как моя заветная мечта исполнилась: мой венок находится на груди Гагарина и это главное и по сравнению с тем, что я сделала, полицейский удар, нанесённый мне, является не больше, чем укус поганой мухи».

Подпись (В. АЗОВЦЕВ)

Примечания.

1. Текст первого материала выложен на сайте МИД 9 апреля 2021 года и сопровождается документальным фильмом на арабском языке продолжительностью 6 минут.

АЛЖИРСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ЛИТЕРАТУРЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Проблема национального самоопределения для Алжира, сто тридцать лет находившегося под властью Франции, встала особенно остро после Второй мировой войны. Созрело не только самосознание колонизованных, ощутивших свою абсолютную зависимость от метрополии даже в попытке отпраздновать победу над фашизмом, – ведь в рядах французской армии, хотя и поздно понявшей необходимость изгнания немецких захватчиков со своей территории, служило немало алжирцев. Последние просто считались солдатами Франции, будучи выходцами из её «заморского департамента». Однако разгон манифестации, устроенной в городе Константина 8 мая 1945 года, был объявлен как подавление антиколониального выступления.

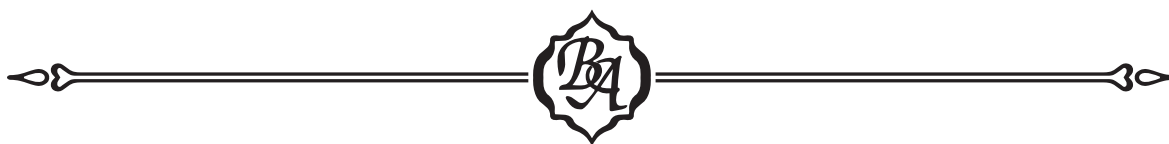
Но созрело и осознание связанности своей судьбы с судьбой угнетённых среди части тех граждан европейского происхождения, которые родились и выросли на земле Алжира. Он стал родиной во всех смыслах для тех, кто не разделял политику безраздельной власти французов над захваченной ими в 1830 году территории, а скорее, реально помогал, по-своему, конечно, политике «аккультурации автохтонов». Она была официально провозглашена колонизаторами, решившими воспитать алжирцев внедрением ценностей своей – и шире – западной цивилизации. «По-своему» означало то, что многие педагоги, школьные учителя, библиотекари, медики и другие провозвестники идей Гуманизма и Просвещения действительно работали на поприще служения алжирскому народу, давали ему немало нового знания, не декультурируя, не отлучая при этом алжирцев от исконной культуры, от языков, сохраняя возможность получения ими начального образования и в своих конфессиональных – коранических школах при мечетях, и обеспечивая равные

права для мальчиков и девочек в своих средних, а потом и в высших учебных заведениях.

Естественно, колониальной администрации их усилия были известны, но они не противоречили официальной культурной политике метрополии. Более того, многие французы, относящиеся поначалу к кругам так называемой «колониальной литературы», в Алжире (как и повсюду в Магрибе) уже в конце 30-х годов посчитали своё творчество отдельным от метропольного, поскольку оно имело ту ярко выраженную степень локальной окрашенности, которая во многом была различна с колониальной экзотизацией автохтонных нравов и даже орфографии.

Произведения французских литераторов в Алжире печатались в созданных ими журналах и ревю, и многие из них заботились о том, чтобы и в среде самих алжирцев подрастали писательские кадры¹. А оставшееся в новейшей литературе Алжира творчество таких европейцев, как, к примеру, Анна Греки или Жан Сенак, сознательно избравших гражданство в уже независимом Алжире и отдавших ему свои жизни, стало для многих поколений образцом новой поэзии, возникшей в эпоху алжирского сопротивления колониализму. Она была уже обращена в Будущее и мечтала о его Красоте, о восторжествовавшей в нём наконец-то Справедливости, о реальной необходимости Братства и Равенства в стране, где живёт немало разных этносов и существуют разные конфессии.

Хотя надо признать, что некоторых выдающихся писателей европейского происхождения, но родившихся и выросших в Алжире, эти мечты не коснулись. И в минуту решительного выбора, накануне восстания алжирцев за независимость, они покинули родную землю, предпочтя ей свою «духовную мать» – Францию. Я имею в виду пре-

жде всего, конечно, такую величину, как Альбер Камю, который в общем всегда в своих произведениях демонстрировал свою некую посторонность, отчуждённость от арабов (хотя и был выходцем из беднейших слоев европейских поселенцев, живших бок о бок с алжирцами), судьба которого во Франции даже после присуждения ему Нобелевской премии сложилась трагично...

За последние годы мне довелось немало написать о литературе магрибинцев колониальной эпохи².

Но если продолжить необходимое всем сегодня обращение к истории, то мне хочется особо отметить ещё одну пожелтевшую от времени книжечку, когда-то добавленную мной в мою библиотеку, но так и оставшуюся без внимания на долгие годы. Но сейчас она показала мне не только само собой разумевшимся выбором человеком своего места в «строю» своего народа, но и примером отважного и безраздельного поступка во время свершившейся Войны народов.

Небольшое произведение это «Я – алжирец» принадлежит перу Абдельхамида Байтара и имеет подзаголовок: «Песни и рассказы одного муджахида»³. Так называли в Алжире в ту эпоху всех партизан, сражавшихся в горах, независимо от того, был ли он «воин Аллаха», боровшийся за свою веру, или просто человек, ушедший отстаивать независимость и свободу своей страны. В горах, как и повсюду в Алжире, было опасно, но враги терпели поражение чаще всего именно там, хотя и устраивали зверские облавы, парашютные десанты и поджоги целых селений. Однако партизаны, зная особенности местности, укрытия и убежища, пользуясь поддержкой горцев, сумели, пусть и ценой огромных жертв и потерь, выстоять в восьмилетней войне с колонизаторами. На обложке и на титульном листе книги эпиграф. Это слова героини алжирского Сопротивления Джамили Бухиред: «Убивая нас, не забывайте о том, что это свободолюбивые традиции именно своей страны вы предаёте. Что вы компрометируете свою собственную честь и ставите в опасность своё собственное будущее. Помните о том, что вы не помешаете Алжиру стать независимым...»⁴.

Так оно и случилось. А пока автор посвящал своё произведение «Братьям моим, сражающимся повсюду, ведущим свой бой и внутри страны, и за её пределами за Свободу, во имя которой страдают и умирают...» И провозглашал в своём Предисловии: «Да здравствует Алжир – свободный и независимый!» И в Предисловии не только рассказывает о себе, но и напоминает читателям о том, почему алжирцы, магрибинцы в целом становятся *такими, как он*: «Мне ещё нет и сорока лет, но мне кажется, что я старше нашего древнего вождя Югурты, боровшегося с чужеземцами, и полководца Тарика, приведшего когда-то арабов в Магриб; старше эмира Абделькадера, восставшего против французских колонизаторов... Мой идеал Свободы и Освобождения сформирован во многом этими славными именами. В этом идеале – не ненависть к людям, существующим на нашей земле вместе с нами, но просто желание освободить свой народ от унижений и оскорблений, которые он претерпел в эпоху колонизации... Французский колониализм стал моим персональным врагом, потому что он хотел лишить меня Родины, моей Отчизны.

А ведь именно они, французы, взяли когда-то на своё вооружение лозунг (не ими, а английскими масонами придуманный. – С. П.) “Свобода, Равенство, Братство”. И до сих пор свято заклиняют им французов на всех выборах устами своих президентов... А в своих колониях сеют нищету, рабство, страдания, забыв о “Равенстве”, забыв о “Братстве”. Замочили кровью “Свободу”, захотев “цивилизировать дикарей”... уподобив их “хоть на тысячную долю” себе, французам... Они почему-то считают, что их предки, галлы – люди высшей расы, и взялись за провальное и смертельное дело: навязывать нам забвение о предках наших... Они, унижая наше собственное достоинство, называли презрительно нас только кличками: “bicots” (упрямыми “козлами”), “bounoules” (тупыми “чернорабочими”), “fellaga” (“деревенщиной”)... Вот я и стал *муджахидом*, солдатом Армии освобождения Алжира из рабства. Это – честь и слава для меня, моих братьев и сестёр по вере, для всех тех, кто борется и боролся за свободу Магриба...

И я не могу простить тех, кто принёс Алжиру слёзы и горе, кто мучает в тюрьмах патриотов. Они, французские колонизаторы, сами предают свои принципы Справедливости вот уже почти сто двадцать пять лет. Сами распинают ещё раз и свою христианскую веру, и совесть. Но я знаю, что люди чтут другую, настоящую Францию: её поэтов, её писателей, её учёных. Значит, не все французы – “настоящие”. Другие совершают преступление. ...Теперь нас уже никто и ничто не останавливает. За преступления надо платить... Наши пророки, начиная с Ноя, включая Моисея, Мохаммеда и Христа, передавали нам завет гуманизма. И Апостолы продолжали их дело. Но гуманизм предают сами же люди. Призывают к атомным войнам, к экстерминации тех народов, которые кому-то неуютны... У них просто отсутствует человеческая совесть. Колонизаторы – одни из этих зверей... Алжирцы – народ гордый. И они захотели воссоздать свою национальную сущность, добиться независимости, отомстить за себя, за историческое насилие... История теперь на нашей стороне. И я об этом свидетельствую, как и другие сыновья Алжира. Мы боремся, мы страдаем, мы проливаем свою кровь, и она сливается с той, которую пролили наши предки, отстаивая свою землю. Победа будет за нами». (С. 3–6).

...Вспоминая имена всех французских завоевателей Алжира – от маршала Бюжо до генерала Массю, – автор книги не забыл имени великого поэта Франции эпохи её Революции XVIII века Андрэ Шенье, поставив именно его слова в эпиграфе к своему введению:

«Пусть лучше я умру,
Не дам себе погрязнуть
В болоте их грехов,
В палачестве законов всех,
В гниении их слов, предавших Францию,
Повергнувших её в пучину рабства».

(«Mourir sans vider mon carquois
sans fouler sans percer, sans pétrir dans
leur frange,
ces boureaux barbouilleurs de lois,
ces vers cadavéreux de la France asservie»).

(Здесь и далее перевод С.В. Прожогойной)

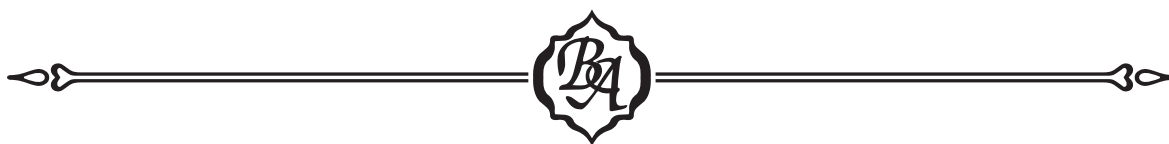
В книге Абдельхамида Байтара всего 50 страниц. Они набраны мелким шрифтом – не только потому, что небольшая типография в Рабате, куда он переправил рукопись, экономила бумагу, – книга эта была просто предназначена тем, кто должен был или хотел знать *правду об «алжирской революции»*, – кто её участники, на что они надеялись, за что сражались. А это означало, что её распространение должно было быть предельно удобным и для тех, кто её распространял, и тех, кто её получал. А те уже дальше сами заботились о дальнейшем распространении правды о повстанцах. (За всеми при этом вполне могла осуществляться слежка французской полиции: Алжир уже с 1954 года был на осадном положении). Адрес для получателей издания в конце книги тоже своеобразен: «Можно купить во всех книжных киосках и магазинах»... Не потому, конечно, что – дешево, а потому что там – бесценные свидетельства всего происходящего.

Это – и обилие чёрно-белых фотографий и партизанских «будней», и городских окраин, где собирались люди и делились «новостями с фронта», и снимки молодёжных волнений и демонстраций в защиту родной страны от колониализма; но, что важно именно для художественного произведения, – свидетельства самого автора, его личных переживаний этой эпохи как выражение градуса национального самосознания. Так, в его стихотворении «Я – алжирец» (втором, после открывающего книгу «Голубка», где поэт шлёт проклятие тем, кто забрасывает его землю бомбами, не видя «ни детей», не различая «птиц, мирно воркующих на ветвях»), звучит гимн человеку, считающему себя сыном алжирской земли⁵:

Алжирец – везде. Алжирец – всегда.
Алжирец – и ночью, и днем.
Алжирец я был. Алжирцем умру.
Алжирцем останусь вовек...

Но не боюсь я громко сказать: «Колонизаторы, прочь!»

И буду кричать сквозь темную ночь,
Рассвета не ждать, разоблачать
И гордо Свободы желать!

(Algérien partout. Algérien toujours. //
Algérien la nuit. Algérien le jour. //
Algérien je fus. Algérien je reste. //
Partout je le proclame et partout je l'atteste //
A la face de l'univers je clame avec fierté //
A bas le Colonialisme et vive la liberté.

Когда так осознанный долг человека своей земле может оказаться связанным даже с самопожертвованием, то это не должно его страшить, – убеждён Поэт, потому что страдания тех, кто сегодня умирает за Родину, кто не сдаётся, оправданы рассветной зарёй завтрашнего дня, который принесёт людям желанную Свободу; и если «братья твои» – по вере в Революцию – идут этой дорогой «жизни за Родину», то их жертвы не напрасны: родная земля обретёт независимость, — если вкратце пересказать нижеследующий стих на французском:

Frère si tu souffres, la vie sera belle
demain sous le ciel d'Algérie!
Frère si tu meurs et si la mort est cruelle
sais digne de mourir pour la Patrie!

...Frère ton sacrifice ne sera pas vain
L'Algérie se libère grâce à ta souffrance
Frère tous les frères suivent le même chemin
où la révolution les guide vers
l'indépendance!
«Sacrifice», с. 9.

Можно сколь угодно рассуждать о характере призывно-маршевого стиха эпохи, даже о некоторой песенности его (во время любой войны, и это факт, песни звучат часто и не только ностальгически, но именно «духотподъёмно», ободряюще, вселяя в человека надежду и уверенность). Не в этом суть. В книге алжирца звучат краски Истории, оттенки смысла восстания огромной страны, долго угнетённой, но позволившей своему народу, обездоленному и нищему, подняться с колен и пойти на борьбу с мощной армией колонизаторов. Более того – не убояться не только французов, но и наличия в ней «собратьев своих» – мусульман, давно завербованных на военную службу, которая по-своему вырочала голодных, безработных, нищих

алжирцев. Поэтому «призывные интонации», звучащие в стихах А. Байтара, обращены не только к «братьям-партизанам», но и служат посланием для тех, кто порой, не убоявшись преследований и жестокой мести, укрывался в горах и воссоединялся с партизанами, поняв, что плоды трудной народной борьбы обязательно «созреют завтра»:

Мужайся! Муджахид протянет тебе руку
дружбы!
Ну, а плоды мы завтра соберем! (с. 11).

Попутно отмечу, что алжирские солдаты, оставшиеся во французской армии, – а традиция такого служения была давней и существовала и в Первой, и во Второй мировых войнах, в алжирском народе считались почти *предателями*; у них была и особая кличка «харки», – различавшая «своих» от «чужих», и даже – особо после обретения Алжиром Независимости – появившаяся ненависть, позволившая уже свободному от колонизаторов народу прибегнуть к расстрелу тех «харки», которые возвращались на родину из Франции, куда они отступили вместе с армией колонизаторов⁶...

Поэтому столь важны были героические примеры, имена мучеников, погибших или выживших в битве с колонизаторами. Здесь и павший в битве Бен Мхиди, и Джамия Бухиред, чьи слова – в эпитафии к книге, и просто «собираательные» образы борцов за Свободу своего народа – ослепших в бою, раненых, тех, кто вместе с ними переживает их боль и их мучения (с. 11–14). Особо автор рассказывает о женщинах-алжирках, которые, несмотря даже на религиозные запреты, уходили в горы помогать партизанам, работали связными, санитарками, кухарками, преодолевая невыразимые трудности, преодолевая неведомые никогда ранее опасности, да просто жертвовали собой во имя спасения родной земли, отстаивая «её честь», порой забыв о своей – той, которую завещали свято хранить предки⁷...

Гибели одной из таких отважных женщин, «сбросившей чадру» и ставшей женой партизана, и о решимости других, увидевших на похоронах героически погибших сооте-

чественников французских солдат, забросавших камнями их гробы, покрытые новым, *национальным флагом* Алжира, обнажить свои лица и отомстить за своих героев, посвящена новелла в книге А. Байтара, где в финале в религиозное песнопение оплакивания павших прорываются призывные голоса женщин, решивших уйти на войну:

«Нас в горы зовут свободные люди,
На бой за отчизну, за свободу её» (с. 19)

И далее – реальное фото уже с ружьём в руках одной из них, на голове которой – солдатская каска, и последующий стих, воспевающий её подвиг и её красоту, не омраченную слезой – следом перенесённых тягот и страданий, хотя и не свойственных «природе женской», но позволивших ей выйти на «дорогу света», озарившего «ночь» ей ранее предназначенной судьбы – быть только затворницей⁸. Выбор оставался один: жизнь или смерть. Вот соответствующий моему краткому пересказу смысла стиха его подлинный текст:

Et pourtant, ce visage qui respire de bonté
dans un masque de tristesse est Ravagé
de larmes
et ce beau grain que j'aime, ce grain
de beauté
ne connaît d'autres caresses que celle
de ton arme

Sœur, tu devins prêtresse d'une cause sacrée
et de montagne en montagne, de ravin
en ravin
Combattant sans faiblir l'ennemi abhorre
tu manges avec les frères le même morceau
de pain

...Vers la délivrance, vers la lumière
dans la voie de l'immortalité
avec les moudjahidines ses frères
vers la mort ou la liberté! (с. 20–21)

Многозначительность (и многозначность) судьбы современной алжирки (в эпоху антиколониальной борьбы) во многом была связана и с историей страны, а не только с «тра-

дицией жизни»: ведь хорошо известно, что именно французские колонизаторы не просто поддерживали некоторые внутренние этноконфессиональные и социальные контрасты, но и усугубляли их, дабы они превратились в «оковы, удерживавшие в плену» алжирское общество и не позволявшие какое-то время бунтовать тем, кто оказался жертвой старых традиций. Они уже часто мешали многим выйти «на дорогу прогресса» – образования, просвещения, приобщения к ценностям уже вполне новой культуры, образовавшейся в недрах самого колониального общества, в том числе и под воздействием французской. Вот почему столь яростна месть Поэта тем, кто, как бы официально неся факел идей Гуманизма и Просвещения «автохтонам», на самом деле куда больше обездоливал их своей политикой не столько «аккультурации», сколько «декультурируя» алжирцев, отлучая их от исконных, извечно существовавших на этой земле свободлюбивых Традиций. Они никогда ранее не были связаны теми религиозными догматами, которые, «окоостенев» с помощью французов, обрекали народ «на руины» и «пустошь забвения» идеалов Свободы. И в конце концов даже мусульманки решились прорвать «покров ночи судьбы» и вместе со своим народом решили обрушить свои «репрессии» на тех, кто эту Свободу у них отнимал:

France, tout se paye ici bas et ton tour
viendra
le jour du châiment s'apprêте dans les
ténèbres
bientôt pour nous la victoire chantera
et le destin prépare ton oraison funèbre.
(La Répression, с. 23)

О, помни, Франция! За всё заплатишь!
Придет и для тебя твой кары день.
А мы свою победу справим,
Отпляшем радостно под музыку поминок
по тебе!

...Если кто-то усомнится в самоценности утверждения «родная земля должна быть свободной», то можно, как это сделает ставший известным ещё в 1950-е годы алжирский

поэт Ахмед Аккаш, напомнив своим соотечественникам в 1968 году уже об истории североафриканских племён, которые боролись со всеми завоевателями их земель, в том числе и с римлянами. Факты, зафиксированные самим Тацитом, — почти живые свидетельства. И А. Аккаш, воспроизводя их на французском языке в повествовании об отважном предводителе своего воинства, нумидийце-Тасфаринасе, поднявшем свой меч на римских солдат, топтавших и разрушавших «его землю», его устами словно обобщил призыв и ко всем будущим поколениям, передав им «само дыхание родной земли»: быть непобедимой, свободной⁹. И возлагал эту миссию на её сынов, героев, неспособных на предательство идеалов «людей Свободы» (не случаен год издания книги Аккаша — в этом же году вышел и роман М. Диба «Пляска смерти»). В стране, уже добившейся независимости, начинали потихоньку забывать имена своих героев, и развивались такие события, которые постепенно, в результате борьбы за власть, смены режимов, всякого рода экономических реформ, не вполне адекватных общественному развитию, а также культурной политики «тотальной арабизации» (нельзя забывать, что значительную часть алжирского населения составляли и до сих пор составляют берберы), привели в конце 80-х и начале 90-х годов к гражданской войне, спровоцированной политическими исламистами и длившейся ещё дольше, чем война за освобождение от колониализма, и также принесшей немалые жертвы.

Как бы утверждая пафос книги А. Байтара, прославляющего героев-партизан Алжирского Сопротивления (в этой форме войны — параллелизмы со всеми другими партизанскими движениями, особенно эпохи Второй мировой войны; но именно французское Сопротивление фашизму, как это ни парадоксально, было ближайшим историческим примером), А. Аккаш пишет в своем прославлении подвига нумидийского вождя Тасфаринаса, как и Югурты, как и других исторических персонажей, связанных с коренными жителями североафриканской земли: «Всё подлинно. И не нуждается в комментариях. Зафиксировано в исторических транскрипци-

ях хроники реальных событий. Имена героев вошли в легенды. Тасфаринаса римляне обезглавили, напав ночью на его селение и перерезав глотки всем спящим жителям. Но славные подвиги его будут прославлять те, кто спаслись. Во все времена. Когда одни ведут свои войны, нападают и завоёвывают чужие земли, а другие отстаивают их независимость и свободу... Но что это означает? Что они защищают? Зачем нужна независимость родной земли?... Просто для её плодородия.

Исконные жители всегда полагали, что никакие «другие» люди (и колонизаторы в их числе) не знают этой земли лучше, чем они сами. Отсюда их гнев, их ненависть к чужим эксплуататорам их земли... Впрочем, находились всегда и повсюду некие «коллаборанты», уходящие на службу к завоевателям. Солидаризуясь с ними, прислуживая им, они изнутри в этой форме «классового противостояния» разрушали, унижали, обесценивали Свою Землю... И многие европейцы и по сей день, не испытывая к ним особой симпатии, поддерживают их. А другие и честно разоблачают... Просто они знают нашу историю... И нам просто надо помнить и знать имена своих героев. Они своей кровью заплатили за нашу жизнь, за нашу Отчизну» (с. 83–87).

...Но вернемся к книге А. Байтара.

Конечно, пишет он, война, свирепствуя, «опустошает мир», «обнажает человеческие пороки» — страх, ханжество, — толкает на преступление, — но всё это ничто в сравнении с целью восставших за Свободу. Только она способна вернуть «природе вещей» их *естество*. И тогда «зацветут сады», «заблагоухают цветы», а «пчёлы будут ласкать их лепестки», и «щебет птиц» люди услышат в наступившей Тишине. Без воя снарядов, без грохота пушек, без взрывов бомб. Увидят *землю*, не залитую кровью, но покрытую зеленью молодой травы, на которой будут резвиться дети («Le chemin», с. 25–26).

Зелёный цвет в исламе — цвет рая. И именно *освобождение* земли от гнёта колониализма виделось герою этого стихотворения А. Байтара как «paradis». «Я хочу всё забыть. Пусть Судьба в землю сеет только зёрна надежды». Кому же идти по дороге надежды на Будущее, где будет Свобода? И тем,

кто смог сразу выбрать Свой путь (*chemin*), и тем, кто обрёл эту «дорогу к раю» (где земля принадлежит сотворившему её «изначалу»), сумев «укрыться в горах», «спастись», уйдя к партизанам, покинув армию колонизаторов (стихотворение «*Les Rescapés*», с. 27), обретя, наконец, «чистый источник горной холодной, освежающей ум и совесть воды... Недаром именно к нему приходят и старые, умудрённые жизнью люди, и дети, которым пока не понять их молитвы»... (с. 27).

Но именно они, дети, должны будут жить на обновлённой земле, именно в их руках — Будущее страны. Именно они, «дети Алжира», должны будут довести до конца дело Освобождения своей страны, «жить, наслаждаясь её независимостью» («*Les enfants d'Algérie*», с. 28). В этом небольшом рассказе, сопровождаемом фото детей с ружьями, которые им дали поддержать партизаны, дети со счастливыми лицами, спасшиеся от напалма, от ночных облав и расстрелов (с ними французские солдаты расправлялись порой и более жестоко), дети, изголодавшиеся, для которых и чёрствый кусок хлеба казался «райским лакомством», становятся теми, в которых дышала надежда полной грудью. Без всяких тревог, сомнений, отчаянья.

В рассказе есть эпизод, в котором малыш, в почти дотла разрушенной горной деревушке, неустанно спрашивая мать «Где наш папа?» и получая её уклончивый ответ «Он уехал, но скоро вернётся», однажды, расплакавшись, не выдержал и сказал: «Это неправда. Я всё знаю. Он, как и все, — в горах. Он партизан. Воюет против французов. Ему не на чем даже спать. Он спит на земле. И я хочу быть вместе с ним. Отпусти меня! Ну отпусти же!» (с. 31).

Такие, как он, уже в 10–12 лет могли справиться с оружием: умели заряжать винтовки, подносить снаряды. На фото после рассказа — дети-подростки (среди них есть даже девочка). Это — документ эпохи. В нём воля народа, поднявшегося за *свою землю*.

Чёрно-белые фотографии хранят живые лица тех, кто сражался, и тех, кто просто был патриотом. Много стариков с оружием в руках. О них — особый рассказ писателя. О тех, кто *не покидал* свои уже разрушенные

войной сёла, не уходил — даже по приказу *вождя горного племени* — к партизанам, но оставался рядом с руинами родного дома, мужественно смирясь, даже вооружившись, с неминуемой смертью, потому что хотел «уйти в свою землю, вместе с теми, кто здесь, на своей земле, погибли» (с. 39).

Вполне естественно, что такие факты свершавшейся Истории страны не могли не настроить А. Байтара на те интонации, которые сродни уже не песням, не маршам, но просто Гимнам. И он, оплакивая павших, воспекает в своих стихах мужество и отвагу своей страны, исстрадавшейся, но не смиряющейся, продолжавшей свое «восстание против угнетателей родной земли»:

«Je chante mon Pays et sur mon Pays
je pleure

Je pleure en chantant de tristes chansons
dans le temps qui change d'heure en heure
je chante les semailles et la moisson

...Je pleure les ruines dans les sillages
des paras¹⁰

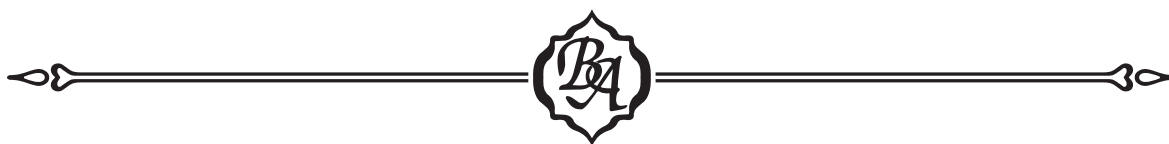
Je chante mon Algérie que l'on torture
en vain

Je chant avec mon peuple qui meurt pour
renaître demain

Страну свою пою и плачу я о ней.
Но песни эти грустные моих надежд
полны на новый урожай,
Который принесет пора весны
и время собирать плоды.

...Да, слёзы не сдержатъ.
Когда страну бомбят,
Когда свой произвол парá творят.
Но я пою тебя, о мой Алжир,
страдающий от пыток тех,
Кто землю убивая, не знает, что народ её,
сражаясь, возрождает!)
(с. 32–33)

Это «Chant» (песнопение) во имя «будущего возрождения» (последние слова приведённого выше стиха) — не единственное в книге. Посвящений Родине немало. В них есть и о тех, кто были «товарищами», кто разделял

с Поэтом его путь, кто понимал его выбор, но и о тех, кто «берег тыл», «хранил очаг» с негаснущим огнем Надежды на Возрождение родной земли, обретение ей Независимости (с. 40–51). Она виделась тогда сражавшимся за неё «Прекрасной звездой», Светилом, озаряющим Свободу, разгоняющим Мрак колониальной Ночи. Это слово – *indépendance* – было почти магическим заклинанием, а не просто политическим лозунгом для восставших алжирцев.

*Indépendance, mot sublime, mot magique
Comme une musique
Charmante l'oreille. Nouvel astre chassant
l'obscurité*

*Par sa clarté
Loin des tortures et la prison et les supplices
Comme les sacrifices
De tout un peuple malgré le sort
Malgré la mort.*

О независимость! Дивное слово!
Музыка, будто с небес исходящая!
Дух наш ласкаешь, взор наполняешь
Светом звезды, в мраке сияющей,
Тюремные муки и пытки забыть
позволяющая,

И народу всему свою жертву свершать,
О смерти забыв,
Вызов судьбе бросать.

Они так страстно мечтали именно об *исчезновении мрака*, что в наступившем Будущем, которое приближали, сражаясь за него, так же страстно ещё какое-то время не смирились с приметами опускавшихся уже новых сумерек.

Ни жертвы, ни беспримерная героическая борьба за Свободу Земли не оказались нужными для памяти людей в условиях отвоеванной независимости. Государственные перевороты, новые пытки, новые тюрьмы – в старых, ещё колониальных стенах... О трагических судьбах тех, кто когда-то страстно заявлял, что он – алжирец, даже будучи по происхождению европейцем, и о судьбах даже алжирских руководителей сопротивления колониализму и видных политических деятелей (таких, к примеру, как Башир Хадж

Али), придерживающихся идей Свободы, Равенства и Братства, и даже ещё более левых, социалистических, и даже тех, что были унаследованы от французских коммунистов, тогда руководимых Морисом Торезом (которому принадлежала концепция формирования одного народа и одной нации на земле Алжира, где совместно существовали и европейцы, и местные жители), известно немало. И нами предельно по существующим источникам изучены¹¹.

Но именно сегодня, когда так остры проблемы необходимости наличия у людей национальной гордости, ощущения своей идентификации (тождественности) со своим народом, единства со своей землёй, где родился и где твои корни (вспомним слова алжирского поэта испанского происхождения Жана Сенака: «Я и до конца не знал, что такое Алжир // Мать ли моя или моя земля?»), осознание связи понятий независимости и самоопределения, в том числе и восстановления самобытности, *саморазличения* в условиях пытающейся всё амальгамировать глобализации, мне кажется, что книга алжирца А. Байтара – достойный образец решения многих проблем выбора своего места в истории человеком, народом, обществом.

Да, конечно, география тоже играла и играет немалую роль при этом. Не случайно, что именно Алжир французы полагали своим «заморским департаментом»: такого обширного, богатого, плодородного, трудоспособного края не хватало метрополии (да и до сих пор недостает: недаром двери Франции широко распахнуты для «трудовой эмиграции» из Алжира с 1910 года по сей день).

Также, как можно сколь угодно долго рассуждать о том, имеет ли право поэзия, проза, новеллистика, вообще литература как искусство слова, в том числе и основанная на документах эпохи, быть её полноправным свидетельством (и даже порой хроникой) реальных событий своего времени. Литература во все эпохи и времена была пульсом общественного сознания, отражением процессов, совершающихся в реальности. Автор как художник имеет полное право их видеть по-своему, и тем не менее запечатлевает их. Алжирская литература, в частности, доказала это. И кни-

га А. Байтара сегодня может считаться и документом эпохи, и одним из примеров того, как народ выбирает путь к самоопределению. Примером того, что, несмотря на все быстро-

течные общественные перемены, свершающиеся и сегодня, в исторической памяти народа должно навсегда остаться желание несмирения с утратой родной земли.

Примечания

¹ См. подробно в созданной ещё в 1993 году в ИВ РАН «Истории национальной литературы Алжира». М.: Наука. Там же о ранней прозе алжирцев 30–40-х годов. В 50-е, 60-е, 70-е годы и далее алжирская франкоязычная литература – явление, ставшее уже закономерным в системе национальной алжирской словесности Нового времени.

² См., например: «Противостояние». М., 2022; «Души прекрасные порывы». М., 2022.

³ *Baitar A. Jesuis Algérien (Chantsetréci d'un Moudjahid)*. Rabat, 1958. В Марокко, обретшем независимость уже в 1956 году, в те годы не только издавались, но и скрывались от преследований многие алжирские патриоты.

⁴ Мне довелось встретить её в уже независимом Алжире в 1964 году, почти уже забытую в наставшем в стране времени смуты, политических переделов власти и т.п. Она мне сказала с печалью: «Да, это я, та самая героиня войны. Не удивляйтесь, что я так плохо и бедно выгляжу. Жизнь трудна».

⁵ Надо напомнить, что многие французы, родившиеся в Алжире, называвшие себя, в отличие от «метропольных», «черноногими» (*piéds-noirs*), тоже полагали себя детьми этой земли, хотя большинство из них, в отличие от тех, кто занимался делом просвещения и приобщал алжирцев к диалогу цивилизаций, остались на стороне воевавших за свой «заморский департамент» колонизаторов. Их потомки демонстрируют и по сей день ностальгию по «своей земле», давно потерянной,

однако продолжают себя считать коренными алжирцами.

⁶ Подробнее см. в книге: *Mehdi Charef. Harki, lemaride Miriem*. P., 1994.

⁷ Спустя десяток лет после книги А. Байтара классик алжирской литературы М. Диб напишет свой роман-эпопею «Пляска смерти» об одной такой героине, показав во всех деталях и её подвиг, и трагедию забвения таких, как она, постепенно воцарявшегося в стране, уже обретшей Независимость. См.: *Dib M. Ladansedu Roi*. P., 1968. (Русский перевод «Пляска смерти» // М. Диб. Избранное. М., 1989). О понятиях «чести» и «доблести» в народных традициях см., например, в книге *T. Yacine. Si tu m'aime, guérismoi*. P., 2006; фрагменты в нашей книге «Противостояние». М., 2022).

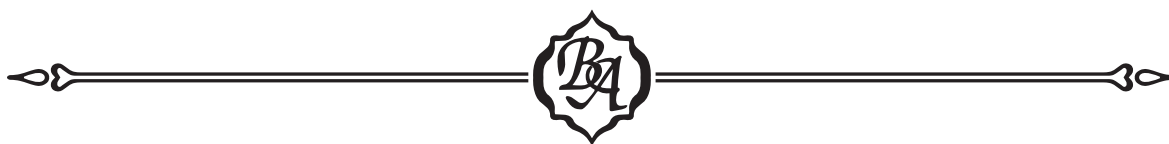
⁸ Об этом см. подробно в книгах магрибинцев Д. Шрайби, Т. Бенджеллуна, Р. Буджедры, А. Мемми, А. Серхана и многих других, подробно исследованных в наших многочисленных работах.

⁹ *Akkache A. Tacfarinas*. P., 1968.

¹⁰ Имеются в виду французские десантники, которые расстреливали в горах Алжира мирных жителей. Они особо свирепствовали уже на исходе войны, о чём упомянула уже с 2000-е годы Ассия Джебар в своем романе «Оставшаяся непогребенной» (*Morte sans sepulture*), рассказав о страшной гибели отважной партизанки, сброшенной с самолета такими парá.

¹¹ См., к примеру, наши публикации в журнале «Восточный архив», в книге «Души прекрасные порывы» и такие существующие на русском языке документы, как перевод книги А. Аллега «Допрос под пыткой».

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БОЖИНСКАЯ (Арандаренко) Людмила Васильевна – магистр химических наук, химик-аналитик (Ростов-на-Дону). E-mail: lvbor2017@mail.ru

БОРОШКО Сергей Леонидович – кандидат химических наук, предприниматель (Ростов-на-Дону). E-mail: slbolvex@rambler.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН. E-mail: advasilyev@mail.ru

ГЛУШКОВА Ирина Петровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: iri_glu@hotmail.com

ГОКОВ Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Харьков, Украина). E-mail: gokovoa@gmail.com

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. Семёнова-Тян-Шанского. E-mail: alfokdo@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург (Германия). E-mail: wolodjaschmidt@smx.de